Аэлита.
Проект «Эхо»



Она боялась потерять память.
Теперь боится доверять ей

Лина Скотт

Аэлита. Проект "Эхо"

«Автор»
2026

Скотт Л.

Аэлита. Проект "Эхо" / Л. Скотт — «Автор», 2026

Что, если однажды ты перестанешь доверять собственной памяти?Аэлита постепенно забывает свою жизнь. Редкая болезнь разрушает способность мозга сохранять воспоминания, и привычный мир с каждым днём становится всё менее знакомым.Проект «Эхо» предлагает ей последний шанс — экспериментальный нейроимплант, способный изменить возможности человеческого сознания.Семеро добровольцев. Закрытый научный центр. Технология, которая знает ответы почти на любые вопросы.Но вскоре Аэлита начинает замечать то, чего не должно происходить.Воспоминания становятся ненадёжными. Чужие слова звучат подозрительно убедительно. А чувства, которые прежде казались настоящими, вызывают всё больше вопросов.Если твоему сознанию больше нельзя доверять, как понять, кто ты на самом деле?

© Скотт Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний шанс 5
Глава 2. Другие 7
Глава 3. Архитектор будущего 11
Глава 4. Первый запуск 14
Глава 5. Новый мир 19
Глава 6. Первый сон 26
Глава 7. Почти семья 31
Глава 8. Синхронизация 36
Глава 9. Тишина 39
Глава 10. Слепые зоны 43
Глава 11. Совпадения 47
Глава 12. Комната без номера 52
Глава 13. Люди, которых не существовало 56
Глава 14. Следы 61
Глава 16. Север 74
Глава 17. Три часа 77
Глава 18. Сомнения 82
Глава 19. Правило трех 92
Глава 20. День девятнадцатый 100
Глава 21. Доверие 112
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Лина Скотт
Аэлита. Проект "Эхо"

Глава 1. Последний шанс

bury a friend — Billie Eilish

Дождь шёл уже шестой час подряд. Крупные капли лениво стекали по панорамным окнам двадцать третьего этажа, превращая ночной город в размытое пятно из неоновых вывесок и фар автомобилей. Где-то далеко гудели поезда магнитной линии, внизу мерцали дроны доставки, а на соседнем небоскребе огромный экран беззвучно транслировал рекламу:

«Будущее начинается сегодня».

Аэлита невольно усмехнулась.

— Конечно...

Она закрыла ноутбук. Экран погас, и в тёмном отражении стекла осталось только её лицо — уставшее, осунувшееся, будто принадлежащее человеку гораздо старше двадцати трёх лет.

На столе лежали счета. Красные отметки «Последнее предупреждение». Рядом — медицинская папка. Она не открывала её уже две недели, будто если не смотреть, диагноз перестанет существовать. Телефон тихо завибрировал. Неизвестный номер. Аэлита посмотрела на экран и ответила.

— Аэлита Воронцова?

Мужской голос был спокойным, настолько спокойным, что казался записанным заранее.

— Да.

— Меня зовут Максим Эльдаров. Я представляю Научный центр нейроинтеграции.

Она нахмурилась: название ни о чём не говорило.

— Мы ознакомились с вашей историей.

— С какой именно?

— Со всей.

Эти два слова неприятно кольнули. Со всей: с университетом, который она бросила, с неудачной работой, с бесконечными обследованиями, с диагнозом, который врачи называли слишком длинным названием, чтобы произносить его без запинки, с прогнозом, после которого люди обычно начинали говорить тихим голосом.

— Простите... мы знакомы?

— Нет.

— Тогда откуда...

— Мы изучали вашу медицинскую карту.

В комнате стало холоднее.

— Это незаконно.

— Возможно. Но именно поэтому я сейчас звоню вам лично, а не присылаю официальное письмо.

Она молчала. За окном вспыхнула молния.

— Вам осталось не так много вариантов, Аэлита.

Ей захотелось бросить трубку — вместо этого она спросила:

— Чего вы хотите?

— Предложить вам участие в исследовании.

Она устало потёрла переносицу.

— Очередное испытание лекарства?

— Нет.

— Генетическая терапия?

— Нет.

— Тогда что?

На том конце линии воцарилась тишина, словно мужчина специально ждал.

— Мы хотим изменить возможности человеческого мозга.

Она коротко рассмеялась.

— Звучит как начало фантастического фильма.

— Через десять лет это будут писать в учебниках истории.

Снова молчание.

— Почему я?

— Потому что вы подходите лучше остальных.

— По каким критериям?

— Пока не могу сказать.

Это уже начинало раздражать.

— Тогда мой ответ — нет.

Она нажала кнопку завершения вызова. Телефон сразу же завибрировал снова. На экране появилось сообщение.

Проверьте электронную почту.

Всего одна строка. Аэлита открыла ноутбук. Новое письмо уже ждало её. Отправитель отсутствовал.

Тема:

«Последний шанс».

Она открыла вложение. Всего одна фотография. Она застыла. Это была магнитно-резонансная томография её мозга, та самая, сделанная три месяца назад. В нижнем углу красным было обведено место, на которое врач тогда долго смотрел, прежде чем снять очки. Ниже стояла подпись.

«Мы можем это исправить».

Сердце забилось быстрее. Следующая страница.

«Мы не предлагаем лечение. Мы предлагаем новую жизнь».

Ниже были указаны координаты. Дата. Время. И всего одна просьба.

«Если решите приехать, никому не сообщайте».

Она перечитала письмо трижды. Это было похоже на мошенничество или чей-то жестокий розыгрыш. На безумие. Телефон снова завибрировал. Новое сообщение.

«Мы знаем, что вы уже приняли решение. До встречи, Аэлита».

Она нахмурилась. *«Какое решение?»* Палец уже завис над кнопкой удаления письма. Но так и не нажал. За окном продолжал идти дождь.

А где-то очень далеко, в здании без вывески, человек в белом халате внимательно наблюдал за зелёной точкой на экране. Рядом появилась новая надпись.

Испытуемый №1.

Статус: приглашение принято.

Мужчина удовлетворенно улыбнулся.

— Первый шаг сделан.

Он закрыл планшет. И не заметил, как на долю секунды экран снова загорелся сам. Появилась незнакомая строка.

«Наблюдение начато».

Ни один человек в комнате её не вводил.

Глава 2. Другие

Автомобиль свернул с трассы так неожиданно, что Аэлита сначала решила: водитель ошибся. Широкая магистраль осталась позади. Теперь они ехали по узкой дороге, окруженной густым хвойным лесом. Навигатор в телефоне давно потерял сигнал. Связь исчезла ещё полчаса назад. На поездку она всё-таки решилась сама — после ещё одной ночи над медицинскими результатами. Согласия на операцию это не означало: Аэлита собиралась сначала увидеть место и услышать условия.

Девушка вспомнила, как всё начиналось. Она сидела в кинотеатре одна. На экране шёл фильм, который она так долго ждала. Главный герой произнёс длинный монолог. Через минуту Аэлита вдруг поняла, что совершенно не понимает, о чём он говорил. Она моргнула. Попыталась вспомнить последние несколько секунд. Пустота. Словно кто-то вырезал кусок времени. Девушка списала всё на усталость, но когда фильм закончился, она не смогла вспомнить имя главного героя, хотя ещё утром рассказывала о нём подруге. Она впервые почувствовала настоящий страх.

Затем ей вспомнились белые стены больницы, где девушка выучила уже каждую трещину. Врач долго молчал. Снимок лежал между ними. Он несколько раз увеличивал один и тот же участок, потом снял очки.

— Аэлита… мне не хочется вас пугать, но здесь есть изменения.

Она нервно улыбнулась.

— Опухоль?

— Нет.

Он покачал головой.

— Было бы проще, если бы это была опухоль.

Она почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Что это значит?

Врач долго искал слова.

— Пока я не могу поставить окончательный диагноз. Но вам нужно пройти дополнительные обследования. Очень желательно… не откладывая.

— Это лечится?

Он посмотрел в окно… слишком долго.

— Мы сделаем всё возможное.

Иногда именно молчание врача говорит больше любых слов.

— Долго ещё? — спросила она у водителя такси.

Мужчина лет пятидесяти в тёмно-синем костюме посмотрел в зеркало заднего вида.

— Почти приехали.

Он говорил вежливо, но за всю дорогу это была лишь третья фраза. Через несколько минут деревья расступились, а за ними показался комплекс. Он совсем не походил на больницу.

Низкие бетонные здания словно вырастали из скалы. Огромные зеркальные панели отражали серое небо так, что невозможно было понять, где заканчивается крыша и начинается облако. Ни вывесок, ни логотипов, лишь тонкая металлическая табличка у въезда.

Центр нейроинтеграции.

Ворота открылись автоматически. Автомобиль въехал внутрь. У Аэлиты неприятно сжалось сердце. Она могла развернуться, попросить отвезти её обратно, но почему-то даже не подумала об этом.

Первое, что бросилось в глаза внутри, — абсолютная тишина, будто само здание поглощало звуки. Белые стены, стеклянные перегородки, люди в одинаковых светло-серых костюмах. Никто не разговаривал, только улыбался… слишком одинаково.

— Добро пожаловать, Аэлита, — произнесла девушка на ресепшене. — Остальные уже прибыли.

— Остальные?

— Такие же участники программы.

Значит, она все-таки не одна. Это неожиданно успокоило.

Комната ожидания больше напоминала дорогую гостиницу: книги, кофемашина, растения, панорамные окна. Пять человек.

Когда дверь открылась, разговоры мгновенно стихли. Все посмотрели на неё. Первым улыбнулся высокий парень в инвалидном кресле.

— Значит, нас уже шестеро. Мирон, — представился он, протягивая руку. — Не бойся. Я приехал вчера, и меня пока не съели.

Аэлита невольно улыбнулась.

— Аэлита.

— Красивое имя.

— Спасибо.

— Моё менее оригинальное.

Они засмеялись. Напряжение немного исчезло. Рядом с Мироном сидела девушка с короткими светлыми волосами. Она без остановки крутила в руках карандаш.

— Лея.

Аэлита кивнула ей в ответ.

— Надеюсь, здесь хотя бы кормят нормально, — сказала Лея. — Потому что ради бесплатной еды я готова участвовать почти в любом эксперименте.

— Почти?

— Если не попросят отрастить вторую голову.

Снова смех. В дальнем углу комнаты молодой мужчина поднял взгляд от планшета.

— Даниэль.

Он кивнул и снова уткнулся в экран. Не слишком дружелюбный или просто осторожный. Возле окна стояла женщина лет тридцати. Прямая осанка. Сложенные за спиной руки. Взгляд человека, привыкшего оценивать обстановку.

— Ева.

Одно слово и снова молчание. Аэлита решила не продолжать разговор.

Возле кофемашины возился подросток. Максимум лет семнадцать. Он разобрал аппарат почти наполовину.

— Он неправильно вспенивает молоко, — сказал парень, даже не поднимая головы.

— Что?

— Я его чиню.

Машина действительно заработала тише. Подросток удовлетворенно кивнул.

— Ноэль.

Он говорил так, будто знакомство было необязательной формальностью. Седьмого человека в комнате не оказалось — лишь пустое кресло.

— А где ещё один? — спросила Аэлита.

Мирон пожал плечами.

— Не появился или передумал.

Дверь открылась — все одновременно повернули головы. Вошёл молодой мужчина в чёрной куртке. Высокий. Тёмные волосы. На лице — несколько почти незаметных шрамов. Он не

поздоровался. Окинул комнату быстрым взглядом, остановился на Аэлите — всего на секунду — и отвёл глаза.

— Кай, — произнёс он.

После чего сел в самый дальний угол комнаты. Лея наклонилась к Аэлите.

— Видела?

— Что?

— Такой взгляд бывает только у двух типов людей.

— Каких?

— Или бывших военных...

— Или людей, которым есть что скрывать.

Аэлита ещё обдумывала её слова, когда Лея решила перевести тему разговора.

— Почему ты здесь?

— В каком смысле? — немного запинаясь от неожиданной смены темы, спросила Аэлита. Её мозгу тяжело было быстро реагировать.

— Просто интерес или лечение? — покачивая ногами, как ребёнок, Лея аккуратно наклонила голову в сторону Мирона. Неужели они пообещали ему поставить на ноги?

— А, да… у меня синдром Штрайфера. Это такое заболевание… — уже заученно она начала объяснять по-простому.

— Это такое заболевание, которое поражает участки мозга, отвечающие за формирование новых нейронных связей, — неожиданно перебила Ева. — Очень редкий нейродегенеративный синдром, — она произнесла это с таким восхищением, как будто даже рада, что Аэлита больна. — Я врач.

Да, она была права. Аэлита лишь коротко ей кивнула. Её редкое заболевание начинается очень незаметно. Сначала мигрени, шум в ушах, кратковременные провалы памяти, потом ухудшается внимание, становится трудно узнавать лица, человек забывает собственные слова. В финальной стадии мозг постепенно перестаёт формировать личность: человек остаётся жив, но медленно теряет самого себя. По симптомам чем-то напоминает ранние формы деменции, однако это совсем другое заболевание.

— А ты почему здесь? — спросила Ева у Леи. Аэлите удалось среагировать на звук и выбраться из воспоминаний о болезни.

— Сначала просто хотела узнать, что они тут делают, а потом задала слишком много вопросов.

— И тебя за это пригласили в эксперимент? — спросил Мирон.

— Видимо, решили, что так будет проще отвечать.

Ноэль протянул ей стаканчик кофе из того самого автомата, и она сделала маленький глоток.

— А ты получила ответы? — спросила Аэлита.

Лея покрутила стаканчик в руках.

— На некоторые. Остальные ещё задам.

Она улыбнулась и спросила Ноэля, не возьмётся ли он заодно починить погоду. За окном начинался дождь.

Через несколько минут в комнату вошёл мужчина в белом халате. Высокий. Седые волосы. Спокойная улыбка. Он производил впечатление человека, которому хочется доверять.

— Добрый день. Меня зовут Артур Левин. Спасибо, что приехали. Сегодня начинается проект, который, возможно, изменит историю человечества. Но сначала… добро пожаловать домой.

Некоторые всё ещё переглядывались. Домой? Странное слово. Аэлита почувствовала, как по спине пробежал холодок, будто эта фраза уже когда-то звучала, хотя она была уверена, что никогда раньше здесь не была.

Даниэль поднял голову от планшета.

— Результаты обследований останутся только у вас?

Артур посмотрел на него.

— Вы получите свои записи.

— И после запуска? Я хочу видеть, что со мной происходит.

— Журнал работы вашего медицинского модуля тоже будет доступен.

Даниэль коротко кивнул, планшет он пока не убрал.

В это же время, двумя этажами ниже, сотрудник службы безопасности просматривал записи с камер. На одном из мониторов автоматически появились досье участников.

Аэлита Воронцова. Совместимость — 99,8%.

Он удивлённо присвистнул: таких показателей раньше не было. Не успел он открыть файл полностью, как экран мигнул. Изображение исчезло. На чёрном фоне появилась короткая строка.

«Доступ запрещён».

Через секунду система снова заработала как ни в чём не бывало. Сотрудник нахмурился.

— Странно...

Он не знал, что это уже второй подобный сбой за сегодняшний день.

Глава 3. Архитектор будущего

Большой конференц-зал больше напоминал аудиторию престижного университета, чем помещение секретного исследовательского центра: вместо привычных рядов кресел здесь стояли полукруглые диваны, обращенные к огромному экрану. Стены были отделаны светлым деревом, а потолок представлял собой сплошную стеклянную панель, за которой медленно проплывали облака. Всё было устроено так, чтобы люди чувствовали себя спокойно и безопасно. Аэлита заметила, что нигде не было камер. *«Странно...»* Хотя нет. Если присмотреться, маленькие чёрные точки всё же виднелись между деревянными панелями. Она машинально отвела взгляд.

— Прошу, присаживайтесь.

Артур Левин вошёл без халата, теперь же на нём был тёмно-серый костюм. Он выглядел скорее профессором философии, нежели человеком, руководящим самым засекреченным проектом страны. Когда все заняли места, он некоторое время просто смотрел на них, словно художник, который закончил картину.

— Спасибо, что доверились нам. — Никто не ответил. — Прежде чем вы услышите, что именно мы создали, я хочу задать вопрос. Что делает человека человеком?

Лея первой нарушила тишину.

— Очень оптимистичное начало.

Несколько человек улыбнулись. Артур тоже.

— Хороший вопрос редко бывает веселым.

Он подошёл к экрану. На нём появилась фотография первых людей, добывающих огонь, потом колесо, печатный станок, электричество, компьютер, интернет и наконец изображение человеческого мозга.

— Каждая эпоха начиналась с технологии, которая сначала казалась безумием.

Следующее изображение. Девочка в очках виртуальной реальности.

— Интернет изменил цивилизацию.

Следующее. Человек с нейроинтерфейсом.

— Следующая революция — соединение человеческого сознания и информации.

Даниэль поднял руку.

— Вы хотите сказать, что мы будем читать мысли?

— Нет.

— Тогда что?

Артур улыбнулся.

— Пока нет.

Ответ прозвучал странно. «Пока». Аэлита это запомнила. На экране появилась крошечная металлическая пластина. Она была меньше ногтя.

— Это Нейра. Первая универсальная версия. До неё мы работали с медицинскими имплантами для отдельных задач.

Лея прищурилась.

— Такой маленький?

— Размер никогда не определял значение открытия.

Артур осторожно взял со стола прозрачную капсулу, внутри действительно лежал чип. Он выглядел почти безобидно.

— После имплантации он подключается к нейронной сети мозга: не заменяет её, не управляет ею, а становится... переводчиком.

— Между чем и чем? — спросила Ева.

— Между вашим сознанием и мировой информацией.

В комнате воцарилась тишина.

— Вы сможете получить любой ответ быстрее, чем успеете сформулировать вопрос.

Он щёлкнул пальцами. Экран сменился. На нём появился человек за роялем.

— Никогда не учились музыке? Через секунду сможете сыграть любое произведение.

Следующий кадр. Китайская газета.

— Не знаете язык? Теперь знаете.

Следующий. Шахматная доска.

— Хотите стать чемпионом мира? Вероятнее всего, сможете.

Следующий. Операционная.

— Или провести сложнейшую хирургическую операцию.

Следующий. Космос.

— Или рассчитать траекторию полета к Марсу.

Лея тихо присвистнула. Мирон недоверчиво покачал головой. Ноэль смотрел на экран с восхищением. Только Кай сидел неподвижно, скрестив руки, будто уже слышал всё это раньше. Артур продолжал:

— Вам больше не придётся помнить, потому что помнить будет система.

Аэлита почувствовала странное беспокойство.

— Простите. — Все повернулись к ней. — Если система знает всё… она никогда не ошибается?

Артур улыбнулся.

— Ошибается… иногда, как и люди.

— Тогда почему ей стоит доверять?

Впервые за всё время он задумался прежде, чем ответить.

— Потому что она учится быстрее человека.

Странный ответ, не совсем тот, которого она ожидала. Ева подняла руку.

— Какие побочные эффекты?

Артур будто ждал этого вопроса.

— Головные боли в первые недели, небольшая дезориентация, повышенная утомляемость, нарушения сна — всё обратимо.

— А если имплант сломается? — спросил Мирон.

— Не сломается.

— Совсем?

— Мы предусмотрели практически всё.

Практически. Ещё одно слово, которое Аэлита отметила про себя. Даниэль неожиданно спросил:

— Почему именно мы?

— Потому что каждый из вас обладает особенностью.

Никто ничего не сказал.

— Мирон. Ваш мозг демонстрирует феноменальную способность перестраивать нейронные связи.

Мирон удивлённо поднял брови.

— Ева. Ваш организм практически не реагирует на большинство известных нейростимуляторов.

Ева нахмурилась.

— Даниэль…

Тот положил планшет рядом с собой.

— У меня эпилепсия, фокальная, в карте написано «фармакорезистентная». Это значит, что лекарства до сих пор не смогли остановить приступы.

Артур кивнул, но Даниэль ещё не закончил.

— Я приехал не за японским. Хочу хотя бы знать, что смогу закончить обычный день так, как запланировал.

Лея перестала крутить карандаш.

— Для этого мы и настраиваем ваш медицинский модуль, — сказал Артур. — Он распознаёт характерную для вас активность и отвечает короткой стимуляцией. Задача — не дать приступу развиться или сделать его слабее.

— Сам? Без моей команды?

— Да. Иногда у человека просто нет времени её дать.

Даниэль посмотрел на капсулу с чипом.

— А если не распознаёт?

— Такое возможно. Нам ещё предстоит проверить настройки. Обещать, что приступов больше никогда не будет, я не стану.

Даниэль коротко кивнул.

— Хорошо, с этого и начнём.

Артур перевёл взгляд дальше.

— Кай...

Артур посмотрел в его сторону. Пауза длилась чуть дольше.

— Вы умеете замечать закономерности, которые большинство людей игнорирует.

Кай ничего не ответил, лишь слегка кивнул.

— Ноэль. Ваш интеллект значительно превышает возрастную норму.

Подросток смущённо опустил глаза. Наконец взгляд Артура остановился на Аэлите.

— Аэлита… — Он улыбнулся. — Ваш мозг совместим с Нейрой лучше, чем любой из тех, кого мы обследовали за последние десять лет.

Девушка замерла.

— Насколько лучше?

— Почти идеально.

По залу пробежал тихий шёпот. Лея удивлённо посмотрела на Аэлиту. Даниэль перестал смотреть на капсулу с чипом. Даже Кай поднял голову. А самой Аэлите вдруг стало не по себе. Почему именно она?

Позже, когда остальные отправились осматривать жилой корпус, Артур остался один. Он медленно подошёл к огромному окну.

— Они готовы? — раздался голос за спиной.

Максим Эльдаров остановился в дверях.

— Почти.

— Особенно девушка.

Артур долго молчал.

— Да, особенно она.

Максим внимательно посмотрел на него.

— Ты ведь понимаешь, что начинаешь привязываться?

Артур грустно улыбнулся.

— Нет...

Он перевёл взгляд на парк, где участники уже гуляли по дорожкам.

— Я никогда не переставал.

Максим хотел что-то спросить, но промолчал, потому что впервые за пятнадцать лет увидел в глазах Артура Левина не учёного, а отца.

Глава 4. Первый запуск

Аэлита проснулась от запаха свежего кофе. Несколько секунд она не понимала, где находится. Белый потолок. Большое окно. Тонкие светлые шторы медленно колыхались от утреннего ветра. Затем не без труда память вернулась. Исследовательский центр. Эксперимент. Нейроимплант. Сегодня. На прикроватной тумбе лежал планшет. Экран автоматически загорелся.

«Доброе утро, Аэлита.

Операция назначена на 09:30.

Просим не употреблять пищу и напитки».

Ниже была только одна кнопка.

«Подтвердить готовность».

Она нажала. На секунду ей показалось, будто кнопка вспыхнула раньше, чем палец коснулся стекла. *«Показалось...»*

Аэлита разблокировала телефон и открыла заметки, чтобы проверить, не забыла ли она что-то важное, как и каждое утро. Название списка «Не забыть» звучало уже почти смешно.

14 марта

Забыла слово «объектив». Объясняла его как «эта штука на камере».

19 марта

Два раза искала ключи. Они были у меня в руке.

2 апреля

На секунду не узнала собственный подъезд.

Она медленно пролистнула ниже.

8 апреля

Забыла, что уже завтракала. Второй раз приготовила омлет.

11 апреля

Десять минут пыталась вспомнить пароль от ноутбука. Пользуюсь им каждый день.

15 апреля

Назвала соседку чужим именем. Она сделала вид, что не заметила.

Аэлита тяжело выдохнула. Следующая запись появилась совсем недавно.

В магазине не смогла вспомнить, зачем пришла. Стояла между полками минут пять. Купила молоко. Дома оказалось, что молоко уже есть.

Она закрыла глаза. Всё это выглядело так глупо. Такие мелочи, такие обычные ошибки. Любой человек иногда забывает слова, любой может оставить ключи дома, любой способен растеряться, но с ней это происходило всё чаще. И врач сказал ту самую фразу, которую она теперь слышала почти каждую ночь. *«Пока мы не знаем, что именно происходит. Но изменения есть».*

Палец завис над экраном. Новая запись.

Сегодня.

Она долго не могла придумать, что написать. Потом медленно напечатала:

Очень боюсь однажды забыть, зачем вообще начала вести этот список.

Она перечитала предложение. Стёрла его. Слишком страшно. Вместо этого написала:

Не забыть зарядку от телефона.

Усмехнулась и сразу почувствовала, как к горлу подступил ком. Она поняла, что солгала самой себе: больше всего её пугало не забыть зарядку, не забыть купить хлеб и даже не забыть собственный адрес. Она боялась однажды открыть программу для монтажа… и не понять, как ею пользоваться. Боялась взять в руки камеру… и не вспомнить, почему когда-то так сильно любила снимать. Боялась, что однажды посмотрит старые фильмы и не узнает сцены, которые пересматривала десятки раз, что забудет голос мамы.

Она посмотрела на своё отражение в чёрном экране телефона. И вдруг подумала: *«А если однажды я посмотрю в зеркало… и не узнаю себя?»*

За дверью раздался стук.

— Аэлита? — послышался спокойный голос Артура. — Через пятнадцать минут начинаем подготовку.

Она быстро заблокировала телефон, сунула его в карман и впервые за всё утро поймала себя на неожиданной мысли. Если эксперимент не сработает… возможно, через несколько лет она уже не сможет вспомнить, что сегодня боялась. А если сработает… кем она проснётся?

В столовой почти никто не разговаривал. Просто кощунство делать общий сбор там, где пахнет едой, когда никому нельзя позавтракать.

— Есть хочется ужасно, — произнесла Лея.

— Мне тоже, — признался Мирон.

— Представляешь, если после операции окажется, что все продукты мира на вкус одинаковые?

— Это было бы величайшее разочарование человечества.

Ноэль улыбнулся. Даже Кай слегка усмехнулся. Впервые. Аэлита поймала себя на мысли, что улыбается вместе со всеми, будто они уже давно знакомы.

Операционный блок оказался неожиданно уютным. Не было холодных металлических столов, не было яркого света. Помещение больше напоминало современную лабораторию. Возле дверей Ноэль что-то обсуждал с молодым сотрудником. В руках у него был планшет с открытой схемой импланта.

— А задержка между запросом и ответом действительно будет меньше секунды?

— После калибровки — да.

— А когда мы сможем проверить работу сети?

— Сегодня. Сначала индивидуальные настройки, затем первый запуск.

Ноэль кивнул и вернул планшет.

— Отлично. Я этого больше всего ждал.

Аэлита невольно позавидовала его спокойствию. Сама она старалась не думать о предстоящей операции, а он выглядел так, будто пришёл на занятие, которое давно хотел посетить.

— Боишься? — спросил её Артур. Сегодня он встречал каждого лично.

Боялась ли она? Её мама умерла, отец ушёл и больше не появлялся. Друзей у неё не было, учебу пришлось бросить. С работой не ладилось, долг по счетам давно превысил денежные сбережения. Этот список можно продолжать до бесконечности, он словно снежный шар, несущийся с горы, грозящийся задавить насмерть. Но и это не самое страшное. Хуже всего было то, что она боялась забыть себя из-за болезни. И рядом не было того, кто мог бы ей обо всём напомнить…

— Немного.

— Это нормально.

Он говорил спокойно, уверенно — так разговаривают люди, которые тысячу раз делали одно и то же.

— Больно не будет.

— А после?

— После всё изменится.

Он сказал это без пафоса, просто как факт.

Врач протянул ей планшет. Согласие на установку импланта. Индивидуальная медицинская программа. Ниже — первый запуск доступа к информационной сети.

Аэлита задержала палец над последней строкой.

— А всё, что будет потом?

— Следующие экспериментальные этапы обсудим отдельно, — ответил Артур. — Сейчас вы соглашаетесь на то, что здесь перечислено.

Она ещё раз пробежала глазами текст и поставила подпись.

За неплотно закрытой дверью Даниэль разговаривал с врачом. Аэлита узнала его голос.

— Здесь нужно поправить. Сначала металлический привкус, а уже потом всё остальное.

— Он бывает каждый раз?

— Часто, но не всегда успеваю заметить.

Врач что-то уточнил. Последовал короткий ответ, которого Аэлита не расслышала. Потом дверь закрылась. Девушка легла на операционный стол. Над ней медленно опустилась прозрачная дуга. Анестезиолог улыбнулся.

— До десяти.

— Это обязательно?

— Такая традиция.

Она усмехнулась.

— Один.

Маска закрыла лицо.

— Два.

За стеклом стоял Артур. Он смотрел прямо ей в глаза, не как врач, а словно пытался запомнить каждую черту её лица.

— Три...

Мир начал расплываться. Четыре. Пять. Темнота.

Ей снился дождь. Она шла по пустой улице, вокруг никого, только звук капель. Вдруг впереди появился маленький ребёнок. Девочка лет восьми. Она стояла спиной и в руках держала бумажный самолетик.

— Эй...

Девочка медленно обернулась. Лица не было видно. Солнце светило прямо за её головой.

— Ты опоздала.

Голос показался знакомым, очень знакомым.

— Кто ты?

Девочка ничего не ответила, лишь отпустила самолетик. Он полетел прямо к Аэлите, и в тот момент, когда она попыталась его поймать...

— Аэлита.

Она открыла глаза. Над ней склонился молодой врач.

— Как себя чувствуете?

Голова была тяжелой, но боли совсем не было.

— Уже все?

— Да.

Она осторожно коснулась правой стороны головы. Небольшая повязка и больше ничего.

— Не чувствуется...

— Так и должно быть.

Врач улыбнулся.

— Сам чип меньше рисового зерна.

Она села. В палате уже находились остальные. Лея сонно зевала. Ноэль с интересом рассматривал свою повязку в зеркале. Ева внимательно наблюдала за приборами. Мирон выглядел удивительно бодрым. Только Кай сидел отдельно, молча смотрел в окно. Артур вошёл через несколько минут.

— Поздравляю. Операция прошла успешно. Без исключений. Сейчас импланты находятся в режиме калибровки. Ещё около часа они будут работать автономно. Мы проверим индивидуальные настройки, а потом проведём первый запуск доступа к сети.

Врач остановился рядом с Даниэлем и повернул к нему экран. По нему тянулись две неровные линии.

— Это запись из вашей карты. А это то, что имплант считывает сейчас. По старым эпизодам мы настроили распознавание, теперь проверяем его на ваших сигналах.

Даниэль придвинул экран.

— Стимуляция уже включена?

— Пока нет. Сначала проверка, а затем включим в согласованных пределах и продолжим наблюдение.

— Покажите, где это будет видно в журнале.

Врач открыл другую вкладку. Даниэль прочитал её и только тогда вернул планшет.

Мирон тем временем придерживал край больничной рубашки. Медсестра поправляла на его пояснице широкий пояс с плоским блоком.

— Не давит?

— Нет. А это тоже Нейра?

— Это стимулятор, — ответил Артур. — Он будет получать команды от импланта и помогать включать нервные структуры ниже повреждения. Один чип у виска этого не сделает.

Мирон осторожно провёл ладонью по поясу.

— Уже сегодня?

— Сегодня проверим отклик, дальше будем подбирать нагрузку.

Через час врач ещё раз подошёл к Даниэлю. На экране загорелась строка о включении медицинского модуля. Даниэль посмотрел на время рядом с ней и кивнул.

Когда проверки закончились, Артур позвал остальных.

У всех одновременно пересохло во рту. Вот он. Момент, ради которого они приехали. Их проводили в круглую комнату. Стены были полностью белыми. В центре стояли семь кресел, над каждым висело тонкое металлическое кольцо.

— Садитесь.

Артур обошёл круг, проверил приборы. Максим наблюдал за показателями. Аэлита узнала его имя из разговоров и *запомнила!* С именами ребят не вышло с первого раза. Вот только Аэлита не срастила, что именно Максим ей звонил с приглашением в проект.

— Начинаем.

Металлические кольца медленно опустились над головами участников. Свет в комнате стал мягче.

— Закройте глаза.

Все подчинились.

— Не пытайтесь ничего делать, просто слушайте.

Несколько секунд ничего не происходило. Только тихий гул оборудования. Потом… Аэлита услышала короткий звук, словно где-то очень далеко включили радиоприемник. Ш-ш-ш… треск. Тишина. Ещё треск. А затем… миллионы голосов. Она резко открыла глаза, но ничего не изменилось: белая комната, те же люди, — однако где-то глубоко внутри сознания непрерывным потоком текла жизнь. Обрывки новостей, музыка, иностранная речь, детский смех, формулы, стихи, рецепты, координаты, названия городов, история человечества — всё одновременно, всё сразу. Она машинально зажала уши ладонями, но не помогло: голоса были не снаружи, они были внутри.

— Спокойно!

— Это нормально! — донёсся голос Артура.

Постепенно хаос начал стихать, будто кто-то невидимый крутил ручку громкости. Поток информации разделился, стал понятнее, тише, удобнее и вдруг… наступила абсолютная ясность. Аэлита моргнула. Она знала — не чувствовала, не вспоминала — именно знала. Она знала столицу любой страны, все языки, которые когда-либо слышало человечество, могла

перечислить спутники Сатурна, назвать победителя любого чемпионата мира по шахматам, вспомнить рецепт хлеба тысячелетней давности. Это не было памятью. Это было… доступом. Она подняла взгляд. Остальные выглядели точно так же, потрясенными, счастливыми, неверящими. Лея вдруг тихо рассмеялась.

— Я… я только что поняла японский...

Ноэль прошептал:

— Я решил в уме дифференциальное уравнение в частных производных, хотя никогда их не изучал...

Мирон смотрел на свои ноги так, словно видел их впервые. Его палец едва заметно пошевелился. Мужчина задержал дыхание, посмотрел на Артура, потом снова на ногу, словно боялся, что никто больше этого не увидел. Ева молча плакала. Даже Кай выглядел растерянным. Артур медленно обвёл их взглядом. В его глазах стояли слёзы.

— Добро пожаловать… — он едва заметно улыбнулся, — в новую эпоху человечества.

Поздно вечером, когда лаборатории почти опустели, Максим просматривал журналы запуска. Все показатели были идеальными. Сто процентов успешной синхронизации. Ни одной ошибки. Он уже собирался закрыть программу, когда на экране появилась новая строка. Журнал не фиксировал, кто её создал.

Соединение установлено.

Максим нахмурился.

— Странная формулировка… обычно система писала иначе.

Он потянулся к клавиатуре, но сообщение исчезло и его место заняла другая запись.

Первый контакт завершён.

Максим замер.

— Контакт?..

Система никогда не использовала это слово. Никогда.

Глава 5. Новый мир

ocean eyes — Billie Eilish

Утренний воздух пах мокрой землёй. Ночью прошёл дождь, и теперь небольшая поляна за лабораторией сверкала каплями воды. Большинство участников ещё спали. Только Мирон уже сидел на деревянной скамейке. Он молча смотрел на траву. На его ногах были кроссовки, чистые, практически новые. Рядом стояли ходунки и его кресло. Под краем расстёгнутой куртки виднелся пояс со стимулятором.

Артур вышел из здания с планшетом в руках. Ева — следом. Она заметила Мирона первой.

— Почему он здесь один?

— Я попросил его подождать нас, хочет попробовать на улице.

Артур подошёл ближе и проверил показания на планшете. Мирон посмотрел на него. Тот кивнул. Мирон медленно наклонился, развязал шнурок, потом второй. Очень осторожно снял обувь, носки. Несколько секунд он просто сидел, будто собирался с силами. Потом поставил правую ступню на траву и замер. Его пальцы едва заметно сжались. Он резко вдохнул, зажмурился, потом так же осторожно поставил вторую ногу. По щекам неожиданно покатились слёзы. Они просто текли сами собой. Ева нахмурилась.

— Ему больно?

— Мирон? — позвал Артур.

Тот покачал головой, пока не мог ответить. Артур встал рядом. Мирон ухватился за рукоятки ходунков и медленно поднялся. Трава приминалась под его весом. Он смотрел вниз, не двигаясь. Потом сделал первый шаг. Второй. Очень медленно, будто боялся спугнуть это ощущение. Артур придерживал его за локоть. Возле небольшой лужи Мирон остановился. Пальцами ноги осторожно коснулся воды и неожиданно засмеялся, так искренне, что Ева невольно улыбнулась.

— Я…

Он смотрел себе под ноги.

— Она холодная…

Он сказал это почти шёпотом, будто делился самой большой тайной.

— Она правда холодная…

Ева перевела взгляд на Артура.

— Чувствительность тоже изменилась?

Она ведь читала медицинскую карту. Повреждение спинного мозга. Полная потеря двигательной функции. Отдельные ощущения в ногах сохранялись, но это не помогало ему встать.

— Это ещё проверим, — ответил Артур. — Сейчас он сам поставил ногу туда, куда хотел.

Ева снова посмотрела на Мирона. Он осторожно перенёс вес на руки и сделал ещё один шаг, остановился, поднял лицо к солнцу.

— Давай обратно к скамейке, — сказал Артур.

— Я только начал.

— Вижу, но руки уже дрожат.

Мирон посмотрел на свои пальцы, стиснувшие рукоятки, будто только сейчас заметил. Он неохотно развернулся. До скамейки было всего несколько шагов. На последнем Ева поддержала его с другой стороны. Сев, он ещё долго не убирал ноги с травы.

— Я думала, вчерашнее движение пальца… — Ева замолчала. — Что до первого шага ещё далеко.

Артур повернул к ней планшет. На схеме позвоночника светился повреждённый участок. Тонкая голубая линия обходила его.

— Имплант считывает намерение, а стимулятор помогает выполнить движение. Но равновесие, нагрузку, усталость приходится учитывать отдельно. Мы ещё будем менять настройки.

— Само повреждение осталось.

— Да. Сейчас он ходит с помощью системы.

Мирон провёл ладонью по поясу.

— А без неё?

Артур присел рядом со скамейкой.

— Пока не получится.

Мирон очень медленно кивнул, потом снова посмотрел на свои ступни.

— Пока — это сколько?

— Я не знаю. Тренировки могут помочь лучше использовать сохранившиеся связи. Но обещать, что однажды устройство станет не нужно, я не могу.

— И мышцы не станут сильнее за одну ночь.

— Заметил, — признался Мирон.

Он разжал пальцы. На ладонях остались красные следы от рукояток.

— На сегодня всё?

— Отдохнёшь, потом посмотрим, сколько сможешь пройти ещё, конечно, с поддержкой.

Мирон хотел что-то возразить, но вместо этого осторожно провёл босой ногой по траве, словно хотел запомнить каждую травинку.

— Доктор… Артур… Вы вообще понимаете, какая она мягкая?

Ева тихо рассмеялась. Артур тоже. Сейчас она видела в нём не учёного, а человека, который просто радовался тому, что кто-то снова почувствовал под ногами обычную утреннюю траву.

***

Первые три дня прошли так быстро, что Аэлита перестала замечать время. В учебных комнатах не было настенных часов. Планшет напоминал об очередном занятии, окна плавно меняли затемнение, и Аэлита всё реже смотрела на время в телефоне. Иногда казалось, будто существовал только один день, и он никак не заканчивался.

— Закрой глаза.

Артур положил перед Аэлитой небольшую деревянную коробку.

— Не открывай, пока не скажу.

Она послушалась.

— Сейчас внутри лежит предмет. Попробуй узнать, какой.

— На ощупь?

— Нет.

Она усмехнулась.

— Тогда как?

— Просто задай вопрос.

Это звучало нелепо, но за последние дни слово «нелепо» потеряло всякий смысл. Она глубоко вдохнула. *«Что лежит в коробке?»* Ничего. Тишина. Прошла секунда. Потом ещё одна. И вдруг… перед глазами вспыхнуло слово. Компас. Настолько отчётливо, будто кто-то произнёс его вслух. Аэлита резко открыла глаза.

— Компас.

Артур молча кивнул.

— Проверь.

Она подняла крышку. Внутри действительно лежал старый латунный компас.

— Это невозможно...

— Нет. — Он улыбнулся. — Просто теперь ты умеешь искать информацию быстрее, чем успеваешь осознать сам вопрос.

До того как Аэлита вошла в лабораторию, Артур выбрал предмет — старый латунный компас. Предмет заранее показали системе: поместили под сканер, и Нейра получила его визуальный образ. Сама коробка была нужна только для одного: исключить привычные способы получить ответ. Аэлита не должна была увидеть предмет, услышать его название или догадаться по каким-то внешним признакам. Артура интересовало не то, сможет ли она угадать, что лежит внутри. Он хотел понять, способна ли Нейра передать человеку информацию, которой тот прежде не располагал, но которая уже существовала внутри системы, а не в открытом доступе в интернете.

Если Аэлита называла компас, не открывая коробки, это означало, что между её собственным знанием и знанием Нейры появилась новая связь. Вопрос, возникший у неё в голове, мог превратиться в запрос, а ответ — вернуться обратно не строкой на экране и не голосом в наушнике, а почти сразу стать частью её мысли.

Именно это Артур и проверял. Не способность Нейры распознавать предметы — это она умела и раньше. Его интересовало, может ли человек получить результат этого распознавания напрямую, минуя зрение, слух и всё то, чем обычно приходилось пользоваться, чтобы узнать что-то новое.

— Оно исчезло, — неожиданно сказала Аэлита.

Артур поднял глаза.

— Что?

— За эти дни — ни головной боли, ни провалов. Я снова могу читать часами. Я не устаю. — Она внимательно посмотрела на него. — Это ведь из-за импланта?

Артур долго молчал. Потом честно ответил:

— Да.

— Значит… вы действительно смогли мне помочь.

Он медленно кивнул. Аэлита провела пальцем по крышке коробки. Впервые за долгое время ей хотелось скорее вернуться к недочитанному, а не проверять, сколько она забыла.

В соседней лаборатории Мирон смеялся громче всех. Он сидел в своём кресле: после упражнений на ходьбу ногам дали отдохнуть.

— Ещё раз!

— Последний, — ответил Максим.

На полу стояла роботизированная рука.

— Готов?

Мирон кивнул. Манипулятор резко бросил в него теннисный мяч. Парень поймал его одной рукой. Потом второй. Третий. Четвёртый. Пятый. Скорость увеличилась. Через минуту мячи летели почти одновременно. Мирон поймал все.

— Это ненормально!

— Это твоя реакция с поддержкой импланта. Нейросеть анализирует движение быстрее, чем ты успеваешь подумать.

— Получается… я всегда мог так?

— Нет. Теперь можешь.

Лея возле карты мира вдруг заговорила по-исландски. Испугалась собственного голоса. Замолчала, потом попросила Артура повторить, что именно она сказала. Оказалось, всего лишь спросила дорогу к библиотеке.

На экране Ноэля сменялись математические задачи. Он смотрел на возникающие ответы без прежнего восторга.

— Мне кажется… я не решаю задачи. Я будто… вспоминаю ответы.

Максим переглянулся с Артуром. Оба ничего не сказали.

На контрольном осмотре Даниэль сам попросил открыть журнал своего модуля. Врач увеличил короткий участок записи.

— Здесь он распознал активность. Эта отметка — ответная стимуляция. После неё активность прекратилась.

Даниэль сверил время.

— Я тогда читал, ничего не заметил.

— Мы проверили запись. Модуль сработал так, как настраивали. Но это пока один подтверждённый эпизод.

Даниэль смотрел на экран.

— Лечение оставляем прежним?

— Да. Продолжаем наблюдение.

Он сохранил запись в своём планшете. В комнате отдыха уже спорили о том, чем заняться после обеда. Даниэль остановился в дверях.

— Если будете играть, позовите меня.

Лея удивлённо подняла голову.

— А ты придёшь?

— Приду.

Он не добавил «если получится». Потом сел у окна и открыл книгу на том месте, где остановился.

Ева впервые за много лет снова вошла в операционную. Пусть учебную, пусть виртуальную. Перед ней лежал искусственный пациент. На экране загорелась надпись:

Удаление аневризмы.

— Я давно не проводила нейрохирургических операций.

— Теперь попробуй.

Её руки дрожали. Первые секунды. Потом… будто кто-то включил давно забытый навык. Она знала, какой инструмент взять, где сделать разрез, как остановить кровотечение. Когда операция закончилась, компьютер вывел результат.

99,97% точности.

Ева долго смотрела на экран.

— Если это станет доступно каждому… мы изменим медицину.

Артур тихо ответил:

— Именно поэтому мы здесь.

Ева выбрала медицину задолго до того, как поняла, насколько жестокой она может быть. Ещё в университете преподаватели называли её одной из самых талантливых студенток курса. Она не боялась сложных задач, задерживалась в анатомическом театре дольше остальных и могла часами разбирать снимки головного мозга, будто читала увлекательный роман. Пока однокурсники мечтали о спокойной работе, Ева уже знала, что станет нейрохирургом.

Ей хотелось делать невозможное возможным: возвращать людям речь, память, движение, саму жизнь. Она привыкла думать, что медицина всегда движется вперёд, что однажды найдётся решение практически для любой болезни — нужно лишь не переставать искать.

Эта уверенность исчезла в один день. Во время одной из первых сложных операций. Молодой мужчина. Опухоль головного мозга. Без вмешательства у него почти не оставалось шансов. Операционная работала как единый механизм, пока за несколько секунд всё не изменилось. Началось стремительное кровотечение. Команда боролась до последнего, но пациент умер.

Позже комиссия тщательно изучила каждый этап операции. Заключение оказалось безжалостным в своей объективности: действия хирургов были правильными, осложнение невозможно было предвидеть, врачебной ошибки не было.

Только для Евы эти слова ничего не изменили. Нет, она не перестала быть врачом. Она продолжала работать в больнице, консультировала пациентов, разбирала снимки, участвовала

в исследованиях, преподавала студентам. Каждый день помогала людям, но больше не входила в операционную.

Стоило ей увидеть яркий свет хирургических ламп или услышать металлический звон инструментов, как перед глазами снова возникал тот операционный стол, и человек, которого она не смогла спасти. Со временем окружающие перестали спрашивать, почему она больше не оперирует. Она отвечала коротко:

— Сейчас занимаюсь исследованиями.

Это было правдой, но не всей. Настоящая причина заключалась в другом. Ева перестала доверять собственным рукам.

Когда ей впервые рассказали о проекте «Эхо», она почти не слушала громких обещаний о будущем человечества. Её заинтересовало совсем другое. Если эта технология действительно способна восстановить утраченные функции мозга и нервной системы… Если хотя бы часть заявленного окажется правдой… Значит, медицина ещё не исчерпала своих возможностей. А значит… возможно, и она сама ещё не потеряла своё место в ней.

Артур когда-то объяснял Ноэлю, что страх вообще плохо поддаётся таким вещам, потому что не существует в мозге в виде одного сигнала, который можно просто выключить. Нейра могла приглушить его телесную сторону — дрожь в руках, сбившееся дыхание, учащённый пульс, ту секунду оцепенения, когда тело отказывается выполнять уже принятое решение. Могла убрать лишний шум и оставить перед человеком ясную последовательность действий. Именно поэтому тот, кто боялся высоты, всё ещё мог бояться, стоя у края, но уже не терял контроль над ногами; тот, кто однажды едва не утонул, всё ещё помнил воду, но не обязательно захлёбывался паникой, оказавшись в ней снова. Нейра не убеждала человека, что опасности нет. Она лишь не позволяла страху решать за него. Именно поэтому Ева согласилась приехать: не ради денег, не ради известности, не ради научной сенсации — она приехала за надеждой однажды снова войти в операционную без страха, что её руки снова станут для кого-то последними, кого человек увидит в своей жизни.

После обеда все собрались в комнате отдыха. Лея азартно расставляла шахматы.

— Кто первый?

— Я, — спокойно сказал Кай.

— Отлично. Я тебя уничтожу.

Они играли быстро и почти не думали над ходами. Когда на доске остались два короля, Лея нахмурилась.

— Ещё раз!

Во второй партии никто не получил преимущества. Потом с ней играли Даниэль, Ноэль, Мирон, Ева. Каждый раз исход был одинаковым. Ничья. И с каждой партией Лея всё дольше смотрела на доску перед тем, как расставить фигуры заново.

— Это невозможно... — простонала Лея.

Кай задумчиво посмотрел на доску.

— Похоже, дело в подсказках. Мы все используем одну и ту же информацию, видим одни и те же варианты.

Наступила тишина. Это был первый момент, когда безграничные возможности чипа показались... странными. Если все становятся одинаково умными… можно ли вообще кого-нибудь победить?

Позже Ноэль всё-таки спросил об этом Артура. Если Нейра давала им доступ к одному и тому же массиву знаний, означало ли это, что теперь любой из них способен на всё? Может ли он, например, сесть на место Евы и провести операцию, а Ева — открыть его код и разобраться в нём так же быстро, как он сам?

Артур тогда только покачал головой.

— Вы почему-то всё время представляете знания как файлы, — сказал он. — Будто их достаточно скопировать из одной головы в другую. Но мозг так не работает. Нейра может дать тебе информацию. Может показать последовательность действий, подтянуть нужную ассоциацию, иногда даже помочь воспроизвести чужой моторный паттерн. Но ей всё равно приходится работать с тем, что уже есть.

Он постучал пальцем по виску.

У каждого из них была своя основа: годы обучения, привычки, способ мышления, память, моторика, скорость реакции, даже то, на что человек обычно обращал внимание. Один и тот же поток в разных головах укладывался по-разному. Еве было легче встроить новую хирургическую технику, потому что её мозг уже знал, как выглядит операционное поле, как ощущается инструмент в руке и какое движение считается слишком резким. Ноэль мог получить описание той же операции вплоть до мельчайших деталей и понимать происходящее почти так же хорошо, как она, — только это ещё не делало его хирургом. Его руки не прожили тех лет, которые прожили её.

— Но, если Нейра может подсказать мне каждое движение, — возразил Ноэль, — какая разница, делал я его раньше или нет?

— Разница в том, что она не просто передаёт команду мышцам, — ответил Артур. — Ей приходится учитывать, как именно твой мозг управляет этими мышцами и как ты воспринимаешь результат. Представь, что вы с Евой держите одинаковые инструменты. Система показывает вам одно движение. Ева уже знает, какое усилие приложить, как почувствовать сопротивление и когда остановиться. Тебе всё это придётся осваивать с её помощью.

— Но она ведь сможет меня научить?

— Значительно быстрее, чем раньше. Возможно, ты даже справишься с отдельными действиями почти так же хорошо. Но если произойдёт что-то неожиданное, Ева сможет опереться не только на подсказку. А ты пока будешь гораздо сильнее от неё зависеть.

Ноэль задумался.

— Значит, мы можем знать одно и то же, но не обязательно одинаково хорошо это делать.

— Именно. Знания стали общими. Опыт — пока нет.

— А шахматы? — спросил кто-то.

— Там проще, — ответил Артур. — Большая часть игры — распознавание закономерностей, память, расчёт вариантов. Это как раз то, чем Нейра умеет делиться особенно хорошо. Поэтому вы все неожиданно стали играть сильнее. Но даже теперь один из вас будет замечать комбинацию раньше, другой — лучше планировать на десять ходов вперёд, третий — рисковать там, где остальные отступят. Вы получили доступ к большему количеству возможностей. Вы не стали одним человеком.

Он добавил:

— Нейра не стирает различия между вами. Она работает через них. Иногда усиливает то, к чему мозг уже приспособлен. Иногда позволяет быстрее освоить непривычное. Но чем дальше новое умение находится от того, что человек уже умеет, тем больше остаётся между знанием и настоящим навыком.

Вечером Аэлита вышла на крышу жилого корпуса. Солнце уже садилось. Лес вокруг комплекса казался бесконечным. Она услышала шаги. Кай. Он остановился рядом. Несколько минут они молчали.

— Красиво, — сказала она.

— Да.

— Ты всегда такой неразговорчивый?

— Почти.

— Почти?

Он едва заметно улыбнулся.

— Иногда разговариваю.

Она рассмеялась.

— Это уже прогресс.

Кай посмотрел на горизонт.

— Что ты чувствуешь?

— Будто… всю жизнь я пыталась смотреть на мир через замочную скважину, а теперь дверь открыли.

Он кивнул.

— Хорошее сравнение.

— А ты?

Кай долго молчал.

— Будто теперь я слышу слишком много.

Она хотела спросить, что он имеет в виду, но он уже развернулся, пробурчав почти невнятно: «Спокойной ночи», — и ушёл. Аэлита проводила его взглядом. Странный человек. Но впервые за долгое время ей стало любопытно узнать о ком-то больше.

Поздно ночью Артур вошёл в серверную. Огромные стойки с оборудованием тихо гудели. На центральном экране отображались показатели всех семерых участников. Пульс. Активность мозга. Состояние имплантов. Все параметры были идеальными. Артур облегчённо выдохнул.

— Получилось...

Он уже собирался выключить монитор, когда одна строка изменилась сама собой. Без команды. Без запроса.

Пользователь №1

Адаптация завершена.

Начало обучения.

Артур нахмурился.

— Обучения?..

В документации, с которой работал Артур, такой фразы не было. Он открыл журнал событий. Никаких записей об этом сообщении, будто оно появилось только для него. Через секунду экран очистился. Снова обычные графики. Артур долго стоял неподвижно, а потом впервые за многие годы почувствовал то, чего никогда не испытывал рядом со своим изобретением, — едва уловимый страх.

Глава 6. Первый сон

На четвёртый день центр перестал казаться чужим. У каждого появился свой распорядок: утренние тесты, завтрак, тренировки, эксперименты. Вечерние разговоры на террасе. Иногда Аэлита ловила себя на мысли, что почти перестала вспоминать и без того отчасти забытую прежнюю жизнь, будто она осталась где-то далеко, за воротами комплекса.

Артур предупреждал, что после установки Нейры могут появиться головные боли. Некоторые участники жаловались на них уже в первые дни. Аэлита невольно прислушивалась к себе. Её собственная боль давно стала частью жизни — такой же привычной, как утренний кофе или необходимость проверять, ничего ли она не забыла.

Теперь боли не было. Аэлита уже сказала об этом Артуру, но каждое утро всё ещё ждала, что знакомое давление вернётся. Лежала, не открывая глаз, прислушиваясь к себе: не пульсировало за глазами, не хотелось сразу тянуться к обезболивающим. И всё же она ещё не верила этому до конца. Слишком долго боль появлялась раньше, чем она успевала о ней подумать, и теперь тело словно продолжало ждать её по привычке. Иногда Аэлита ловила себя на том, что прислушивается уже не к боли, а к её отсутствию. Тишина сохранялась. К ней оказалось труднее привыкнуть, чем к боли.

Доктор Левин ежедневно фиксировал физическое и психологическое состояние каждого участника, но Аэлита по-прежнему продолжала вести свой список заметок. Эта привычка появилась задолго до проекта и стала для неё способом бороться со страхом потерять себя. Сегодня она долго смотрела на пустую строку. И наконец вместо *«Не смогла вспомнить название любимого мультфильма»* она медленно напечатала:

«Ушли головные боли. Я помню. Я помню всё».

Она перечитала запись несколько раз и улыбнулась. Страх никуда не делся, но сегодня ей хотелось записать именно это — не новую потерю — то, что удалось вернуть.

После ужина Лея предложила сыграть в игру.

— Давайте проверим, кто быстрее найдёт ответ.

— Опять? — простонал Мирон.

— Да, потому что вы слишком серьёзные.

Она хлопнула в ладоши.

— Итак, как звали первого человека, совершившего кругосветное путешествие в одиночку на воздушном шаре?

Ответ прозвучал одновременно. Все семеро сказали одно и то же имя. В одну секунду. Одинаковой интонацией. Наступила тишина. Потом все рассмеялись.

— Это начинает пугать, — сказала Лея.

— Скорее надоедать, — ответил Даниэль.

— Мы стали коллективным поисковиком.

Кай ничего не сказал. Он задумчиво смотрел на остальных.

Ночью Аэлита долго не могла уснуть. В голове больше не звучал тот хаотичный поток информации, который появился после первого подключения. Это, конечно, стоило усилий. Однажды во внутреннем дворе Ноэль поднял с земли небольшой серый камень и принялся вертеть его в руках. Самый обычный, таких вокруг были сотни.

— Интересно, сколько ему лет? — пробормотал он.

Через секунду камень выпал из его пальцев. Ноэль резко схватился за голову. Он смотрел куда-то сквозь людей, будто двор исчез, будто он больше не видел ни деревьев, ни травы, ни людей вокруг. Только то, что видел он, оставалось для остальных недоступным.

— Выключите... — прохрипел он. — Пожалуйста... выключите...

Его дыхание стало частым. Пальцы дрожали. Кай успел подхватить его прежде, чем он рухнул на землю. Всё произошло так быстро, что никто не успел испугаться, кроме Аэлиты, ей впервые пришло в голову, что имплант способен не только спасать.

Артур подошёл почти сразу, удивительно спокойно, будто ожидал чего-то подобного.

— Ноэль, слушай мой голос.

Тот будто не слышал. Только продолжал тяжело дышать, крепко зажмурив глаза.

— Не пытайся принять всё сразу, — ровно произнёс Артур. — Ты не обязан знать всё. Выбери одну мысль. Только одну.

Ноэль несколько раз глубоко вдохнул. Постепенно его дыхание стало ровнее. Плечи перестали дрожать. Через минуту он медленно открыл глаза. В них ещё оставался страх. Аэлита раньше не видела его таким испуганным.

— Что ты увидел? — тихо спросила Ева.

Он долго молчал, потом посмотрел на тот самый камень, словно видел перед собой не безобидный кусок породы, а что-то по-настоящему опасное.

— Всё. — Одно короткое слово. — Я увидел... всё. — Он говорил медленно, словно подбирал слова. — Из чего он состоит, где образовался, сколько ему миллионов лет, какие минералы входят в его состав, где ещё встречается такая порода, какие здания построены из похожего камня. Статьи, формулы, карты, изображения… — Он закрыл лицо ладонями. — Оно не заканчивалось.

По спине пробежал холод. Аэлита машинально посмотрела на лежащий в траве камень, обычный серый камень, и вдруг испугалась даже прикоснуться к нему.

— Это невозможно... — тихо произнесла Ева.

— Возможно, — спокойно ответил Артур.

Он поднял камень с земли.

— В режиме поиска Нейра пока плохо ограничивает объём ответа. Она выполняет запрос, а человек не успевает принять всё, что получает.

— Но он ведь ничего не спрашивал.

— Спросил.

Артур посмотрел на Ноэля.

— Он захотел узнать. Этого оказалось достаточно.

Аэлита смотрела на камень в его руке и вдруг поняла одну простую вещь. Самыми опасными могут оказаться вовсе не оружие, и не сама технология. Самым опасным может стать знание, к которому человеческий мозг ещё не готов. В тот день Аэлита впервые испугалась не того, что Нейра может сделать с телом. Она испугалась того, что чип способен сделать с разумом.

После этого Артур учил их сужать запрос: не всё о камне сразу, а одно свойство. Останавливаться, когда ответ уже получен. И теперь знания будто ждали своего часа. Стоило задать вопрос — и ответ возникал сам собой. Это даже нравилось. Но где-то глубоко внутри оставалось ощущение… что мозг работает не совсем так, как раньше. Аэлита перевернулась на другой бок и наконец уснула.

За завтраком Лея выглядела непривычно молчаливой.

— Что случилось? — спросил Мирон.

— Мне приснилась какая-то ерунда.

— Кошмар?

— Нет. — Она нахмурилась. — Именно ерунда.

Все посмотрели на неё.

— Я шла по огромному супермаркету, вокруг никого, только полки. Потом сверху загорелись огромные буквы… — Она ненадолго задумалась. — «Освежи вкус своей жизни».

Мирон прыснул со смеху.

— Что?

— Подожди… — Лея уже сама начала смеяться. — А потом с потолка начали падать банки газировки. И голос такой торжественный… «Попробуй новый вкус. Почувствуй настоящее удовольствие!»

Она попыталась изобразить интонацию диктора. Получилось настолько смешно, что даже Ева улыбнулась.

— Серьёзно?

— Клянусь.

Все расхохотались. Кроме Кая. Он поставил кружку на стол.

— А что было потом?

Лея пожала плечами.

— Проснулась.

— И всё?

— Всё.

Артур, до этого молча наблюдавший за разговором, неожиданно спросил:

— Ты раньше видела эту рекламу?

— Не помню.

— Бренд?

— Не было бренда. Просто… реклама.

Максим быстро что-то отметил в планшете. Аэлита заметила это.

— Это важно?

Артур улыбнулся.

— Скорее необычно. Сны часто используют воспоминания. Но реклама без продукта… это интересно.

Лея снова рассмеялась.

— Если мой мозг начал показывать рекламу, надеюсь, мне хотя бы будут платить.

Все снова улыбнулись, кроме Кая, естественно.

После завтрака участников пригласили в лабораторию. Сегодня им предстояло научиться управлять компьютером без рук. Перед каждым стоял обычный монитор. Клавиатуры не было. Мыши тоже. Максим объяснял спокойно, будто рассказывал очевидные вещи.

— Представьте курсор. Не двигайте глазами. Не напрягайтесь. Просто… захотите.

Аэлита смотрела на пустой экран. «Влево». Курсор дрогнул, потом плавно переместился. Она повторила команду. На этот раз он остановился там, где она хотела. Лея уже открывала окна программ. Ноэль печатал текст со скоростью, недоступной обычному человеку. Мирон случайно запустил сразу пять приложений.

— Кажется, я слишком сильно захотел.

Все рассмеялись. Артур наблюдал за ними с нескрываемым восторгом.

— Получить ответ — только начало. Теперь попробуйте сделать с ним что-нибудь сами: открыть файл, изменить его и сохранить.

Ева тихо сказала:

— Это действительно изменит мир.

Артур кивнул.

— Именно.

Позже вечером Аэлита снова встретила Кая на крыше. Он сидел на бетонном парапете, глядя в тёмный лес.

— Можно?

Он молча кивнул. Несколько минут они просто слушали ветер.

— Ты не смеялся утром.

— Когда?

— Из-за сна Леи.

— Нет.

— Почему?

— Потому что сны не появляются случайно.

Аэлита удивлённо посмотрела на него.

— Это всего лишь сон.

— Возможно.

— Ты правда думаешь, что реклама во сне что-то значит?

— Я думаю...

Он задумался, подбирая слова.

— Если в системе есть входящий поток информации… значит, когда-нибудь появится и исходящий.

Аэлита нахмурилась.

— Не понимаю.

— Пока неважно.

Несколько минут они молча смотрели на звёзды.

— Красиво, — тихо сказала она.

— Да.

— Ты никогда не рассказываешь о себе.

Кай пожал плечами.

— А что рассказывать?

— Например… каким ты был раньше.

Он тихо рассмеялся.

— Намного скучнее.

Она повернулась к нему.

— Не верю.

Он покосился на неё.

— Почему?

— Потому что человек не становится таким… просто так.

Он долго молчал. Потом неожиданно спросил:

— А ты?

— Что я?

— Если бы тебе не пришло то письмо, какой была бы твоя жизнь?

Аэлита задумалась.

— Наверное… если бы не болезнь, я закончила бы университет, снимала бы короткометражки, жаловалась бы, что никто их не смотрит.

— И всё?

— Завела бы кота.

Кай тихо хмыкнул.

— Вот это уже серьёзный план.

Она рассмеялась, по-настоящему, не чтобы поддержать общий смех. Кай смотрел на неё так, словно тоже заметил это.

— Знаешь… — тихо сказал он. — Мне нравится, когда ты смеёшься.

Она смутилась.

— Почему?

— Потому что тогда кажется… будто всё ещё можно исправить.

Слова повисли между ними. Никто не отвёл взгляда. Аэлита вдруг поняла, насколько близко они сидят. Она видела маленький шрам у него над бровью, усталость в глазах, и то, как

он всё ещё бессознательно прислушивается к каждому звуку вокруг. Потом он ушёл. Аэлита ещё долго смотрела ему вслед. Почему он постоянно замечал то, чего не видел никто другой?

В ту же ночь Артур сидел в своём кабинете. На экране снова появилась запись сна Леи. Никаких изображений, только показатели активности мозга. Максим вошёл без стука.

— Нашёл что-нибудь?

Артур покачал головой.

— В журнале входящих соединений ничего. Во время сна имплант не должен был принимать данные извне.

Он задумчиво потёр переносицу.

— Тогда откуда взялась реклама?

Максим пожал плечами.

— Может, совпадение.

Артур хотел согласиться, но взгляд зацепился за одну цифру. Время начала сна. 02:17:43. Он открыл системный журнал импланта. В ту же секунду. 02:17:43. Короткая запись. Всего одна строка.

Фоновая синхронизация завершена.

Артур нахмурился.

— Что за...

Он открыл свою техническую документацию. Процесса с таким названием там не было. Он снова посмотрел на журнал. Строка исчезла, будто её никогда не было. Артур медленно закрыл ноутбук. За последние сутки это был уже третий необъяснимый сбой. И впервые за всё время ему пришла мысль, которую он тут же попытался отогнать. А что если система начала меняться сама?

Глава 7. Почти семья

Через неделю центр перестал быть лабораторией. Он стал домом не потому, что стены изменились. Изменились люди. Каждое утро Лея включала музыку. Точнее, не включала. Она просто закрывала глаза, мысленно выбирала песню — и аудиосистема послушно запускала её.

— Это читерство, — ворчал Мирон.

— Это эволюция.

— Нет, читерство.

Она показала ему язык.

— Просто признай, что завидуешь.

— Конечно, завидую. Я хотел быть самым ленивым человеком в мире, но ты меня опередила.

За завтраком Даниэль неожиданно заговорил первым.

— У меня вопрос.

Все подняли головы.

— Почему здесь нет интернета?

Лея удивилась.

— В каком смысле?

— Мы подключены к мировой сети, но Wi-Fi нигде нет.

Максим, проходивший мимо с подносом, улыбнулся.

— Он вам больше не нужен.

— А если телефон?

— Для связи с внешним миром.

— А связь?

— Ограничена условиями проекта.

Даниэль недовольно кивнул.

— Значит, мы полностью изолированы.

Максим не ответил. Именно молчание стало ответом. После занятий Артур объявил выходной.

— Сегодня никаких тестов.

Лея театрально ахнула.

— Неужели учёные умеют отдыхать?

— Иногда.

— Тогда научите и нас.

Они вышли в парк. За высоким забором шумел лес. Воздух пах сосной. Впервые за долгое время никто не думал об эксперименте. Мирон настоял на том, чтобы устроить пикник.

— Даже если мы живём в сверхсекретной лаборатории, это не повод не есть бутерброды.

— Глубокая мысль, — заметила Ева.

— Запишите для потомков.

Про секретность Мирон, конечно, слегка загнул. Сам Центр нейроинтеграции никогда не был секретным. У него было название, адрес, официальный штат и даже вполне безобидный перечень исследований, который при желании можно было найти в открытом доступе. Здесь занимались нейрореабилитацией, интерфейсами мозг-компьютер, восстановлением двигательных функций — всем тем, чем научный центр с таким названием и должен был заниматься.

Секретным был не Центр. Секретным было то, что находилось внутри него.

Артур однажды объяснил это Даниэлю почти с раздражением, когда тот спросил, зачем вообще прятать проект в здании, на котором фактически написано слово «нейро».

— Потому что спрятать здание гораздо сложнее, чем спрятать одну дверь, — ответил он. — Если человек знает, что здесь изучают нейроинтерфейсы, он не знает ничего. Если он знает, что мы приглашаем людей для экспериментальной программы, он всё ещё не знает ничего. Нейра начинается значительно дальше.

Именно поэтому первые телефонные разговоры никогда не требовали от кандидатов настоящей секретности. Им называли Центр, говорили об экспериментальном исследовании и обещали возможности, которых пока не могла предложить обычная медицина. Даже если после такого звонка человек рассказывал семье или друзьям всё услышанное слово в слово, рассказывать ему было, по существу, нечего.

Никому по телефону не говорили, что система способна передавать знания непосредственно в сознание. До определённого момента кандидат знал только ту версию Центра, которая вполне могла существовать официально.

Настоящая граница проходила уже внутри. За ней менялись и правила, и документы, и количество людей, имевших право задавать вопросы. Чем глубже человек входил в проект, тем меньше оставалось того, о чём он мог говорить за его пределами.

Лея уже раскладывала плед. Ноэль принёс настольные игры. Даже Кай пришёл. Правда, сел чуть поодаль.

— Кай!

— Что?

— Иди сюда.

— Мне и здесь нормально.

— Нет.

Лея поднялась, подошла к нему, схватила за рукав.

— Ты теперь часть коллектива, хочешь ты этого или нет.

Он тяжело вздохнул.

— Сдаюсь.

Все засмеялись. Аэлита впервые увидела, как Кай улыбается по-настоящему. Совсем немного, но улыбка удивительно меняла его лицо. *«Мне тоже нравится, когда ты смеёшься»*.

Позже они начали вспоминать детство.

— Я мечтал стать космонавтом, — признался Мирон.

— А стал бухгалтером, — рассмеялась Лея.

— Жизнь жестока.

— А ты? — она посмотрела на Аэлиту.

— Археологом. — Нейра работала намного лучше её собственной памяти, поэтому, когда ей с легкостью удалось вспомнить такую мелочь, она невольно улыбнулась.

— Правда?

— Мне казалось удивительным… что вещи могут помнить людей.

Лея задумчиво кивнула.

— Красиво.

— А ты?

— Я хотела стать актрисой.

— Почему не стала?

— Потому что оказалось, что у меня талант только устраивать спектакли в собственной жизни.

Все снова рассмеялись.

— Ева?

— Военным хирургом.

— Получилось?

— Почти.

Она не стала продолжать. Никто не стал расспрашивать.

— А кроме работы? — неожиданно спросила Лея.

Ева посмотрела на неё.

— Что?

— Ну, должно же у тебя быть какое-нибудь увлечение. Только не говори, что ты в свободное время читаешь медицинские справочники.

— Иногда читаю.

Лея закатила глаза.

— Я так и знала.

Ева неожиданно улыбнулась.

— Ещё я занималась керамикой.

Мирон поднял голову.

— Серьёзно?

— А что тебя удивляет?

— Просто представляю, как ты стоишь над гончарным кругом и объясняешь глине, что она неправильно себя ведёт.

Все рассмеялись.

— Между прочим, чаще всего так и происходило, — невозмутимо ответила Ева. — У меня до сих пор дома стоит кружка, которую невозможно поставить на ровную поверхность. Она всё время заваливается набок.

— И зачем ты её хранишь? — спросила Аэлита.

Ева пожала плечами.

— Нравится.

Лея удивлённо посмотрела на неё.

— Тебе нравится вещь, которая получилась неправильно?

— Представь себе.

Ева сделала глоток чая.

— Я вообще-то не такая скучная, какой вы меня считаете.

— Нет, — возразил Мирон. — Теперь ты гораздо подозрительнее. У человека должна быть какая-то причина добровольно делать кривые кружки.

— Тебе первую и подарю.

— Спасибо, доктор. Очень тронут.

Ева рассмеялась. И на этот раз даже не попыталась скрыть улыбку.

— Ноэль?

— Учёным.

— Неожиданно, — улыбнулся Мирон.

— Очень смешно.

— Кай?

Он долго молчал.

— Путешественником.

Лея удивлённо подняла брови.

— Правда?

— Да.

— Тогда почему...

Он посмотрел куда-то вдаль.

— Потому что некоторые дороги заканчиваются раньше, чем ты рассчитываешь.

После этих слов никто не заговорил. Даже Лея почувствовала, что лучше сменить тему.

Вечером Аэлита сидела в библиотеке. Перед ней лежала настоящая бумажная книга. Она провела пальцами по пожелтевшим страницам.

— Не пользуешься имплантом?

Она подняла голову. Кай.

— Пользуюсь, но иногда хочется читать медленно.

Он сел напротив.

— Понимаю.

— Правда?

— Интернет отвечает на вопросы. Книги учат задавать их правильно.

Она улыбнулась.

— Это хорошая мысль.

— Не моя.

— И чья?

— Не помню.

Они оба рассмеялись. Наступило молчание, не неловкое, скорее, спокойное.

— Можно задать вопрос?

— Конечно.

— Почему ты почти никому не доверяешь?

Кай некоторое время смотрел в окно.

— Потому что однажды доверился не тем людям.

— И всё?

— Этого оказалось достаточно.

Аэлита не стала продолжать. Она чувствовала: если сейчас промолчит, когда-нибудь он расскажет сам.

Когда девушка ушла, Кай ещё несколько минут сидел за столом. Книга так и осталась лежать открытой. Он поймал себя на странной мысли. Когда они познакомились, он был уверен, что она не выдержит. Слишком растерянная, слишком доверчивая. Она приехала сюда с глазами человека, который всё ещё верит, что взрослые всегда говорят правду. Он видел таких раньше. Обычно они ломались первыми. Но Аэлита не сломалась, она задавала вопросы, спорила с Артуром, не боялась признавать, что чего-то не понимает и почему-то продолжала замечать в людях хорошее даже тогда, когда у самой почти не оставалось сил. Иногда Кая это раздражало. Ему казалось, что однажды эта вера обязательно причинит ей боль. Наверное, поэтому он всё время оказывался рядом. Сначала говорил себе, что просто наблюдает. Потом — что присматривает. Потом перестал искать объяснения. Он замечал её раньше остальных. Замечал, когда она слишком долго молчала, когда снова начинала тереть висок, думая, что никто не видит, когда делала вид, будто не испугалась. И каждый раз, проходя мимо комнаты отдыха, библиотеки или лаборатории, неожиданно ловил себя на мысли: «Интересно, она там?» Это раздражало, потому что было непривычно, потому что означало, что кто-то снова стал для него важен. А Кай слишком хорошо помнил, чем обычно заканчивается привязанность.

Он тихо закрыл книгу и вдруг понял, что впервые за много лет рядом с кем-то ему не приходится притворяться сильнее, чем он есть. Эта мысль испугала его куда больше, чем любой эксперимент центра.

Позже вечером все собрались смотреть фильм. Точнее… попытались. Первые пятнадцать минут никто не произнёс ни слова, потом Лея неожиданно сказала:

— Сейчас будет поворот.

Через секунду он действительно произошел.

— Это было очевидно, — пожал плечами Даниэль.

— Нет, это было предсказуемо.

— Разница?

— Огромная.

Через полчаса стало ясно. Им больше неинтересны обычные фильмы. Они заранее просчитывали почти каждую сцену, каждый сюжетный ход, каждую реплику.

— Кажется... мы испортили себе кино, — вздохнул Мирон.

— И шахматы.

— И детективы.

— И кроссворды.

— И экзамены.

— И жизнь.

Последнюю фразу произнёс Кай. Очень тихо. Кажется, никто, кроме Аэлиты, её не услышал.

Ночью она долго лежала без сна. За последние дни произошло слишком много хорошего. Она вдруг поймала себя на мысли, что почти не скучает по дому, не думает о старых знакомых, о прошлой работе, о своей квартире, будто вся прежняя жизнь постепенно тускнела.

Она резко села на кровати. *«Почему?»* Она попыталась вспомнить лицо соседки, с которой прожила два года. Получилось не сразу. *«Опять?»* Странно. Очень странно. Через несколько секунд память вернулась. *«Перенервничала»* — так она решила и снова легла.

Глава 8. Синхронизация

CHIHIRO — Billie Eilish

— Сегодня будет необычный эксперимент.

Артур стоял перед участниками, как всегда спокойный, но сегодня в его голосе звучало едва заметное волнение. Даже Максим выглядел напряжённым. На экране за их спинами появилась новая схема: семь окружностей, соединённых тонкими линиями.

— Все предыдущие испытания касались связи человека с информацией. Сегодня мы проверим связь человека с человеком.

Лея подняла руку.

— Телепатия?

Артур улыбнулся.

— Нет. Скорее… обмен нейронными паттернами.

— Это должно звучать менее страшно? — спросил Мирон.

Несколько человек улыбнулись. Артур тоже.

— Вы не будете читать мысли, лишь почувствуете направление мышления друг друга.

Максим добавил:

— Эксперимент продлится не более шестидесяти секунд. Полностью контролируемая процедура. Никаких рисков.

Кай впервые за утро заговорил.

— А если система не захочет разрывать соединение?

В комнате повисла тишина. Артур спокойно посмотрел на него.

— Захочет.

Ответ прозвучал слишком быстро, будто он хотел закончить разговор. Кай больше ничего не сказал. Семь кресел снова стояли кругом. Все уже привыкли к ним. Металлические кольца медленно опустились над головами.

— Закройте глаза.

Знакомая команда. Тихий гул оборудования. Зелёные индикаторы. Глубокий вдох.

— Запускаю синхронизацию.

Три.

Два.

Один…

Первые несколько секунд ничего не происходило. Потом Аэлита почувствовала тепло, будто кто-то находился совсем рядом. Очень близко, настолько близко, что можно было почувствовать его настроение: спокойствие, любопытство, страх. Чьё это? Она не успела понять. В голове вспыхнуло воспоминание.

Мальчик лет десяти бежит по полю, смеётся, падает. Кто-то поднимает его на руки. Картина исчезла. На её месте возник другой образ. Операционная. Кровь на перчатках. Женщина плачет. Ещё один. Тюремная камера. Металлическая дверь. Ещё. Самолет. Снег. Горы. Дождь. Детская комната. Эмблема. Чужие жизни. Чужие воспоминания. Они мелькали так быстро, что невозможно было понять, кому принадлежат.

«Аэлита...»

Она резко открыла глаза, но голос прозвучал не ушами. Внутри. Она повернулась. Все сидели неподвижно. Однако она точно знала… это была Лея. Она испугалась. Очень сильно. Аэлита даже чувствовала, как быстро бьётся её сердце.

«Что происходит?..»

На этот раз мысль была не её. Она просто… оказалась внутри.

В соседнем кресле Мирон вдруг рванулся вперёд, приподнялся, опираясь на подлокотники.

— Выключайте!

Рядом вскочила Ева.

— Немедленно!

— Разрывай соединение! — крикнул Максим.

Артур уже вводил команду, но система не реагировала. На экране вспыхнула красная надпись.

Синхронизация активна.

— Почему она не отключается?

Максим лихорадочно нажимал клавиши.

— Не понимаю! Все команды проходят! Но… ничего не происходит!

В голове Аэлиты словно открылись десятки дверей. Она больше не различала свои эмоции. Рядом была радость, чужая, страх, но не её, чувство вины, одиночество, злость, — всё одновременно.

Кто-то ненавидел своего отца. Кто-то боялся темноты. Кто-то всю жизнь чувствовал себя виноватым. Кто-то… любил море. Все перемешалось. И вдруг… совсем рядом. Очень тихо. Она почувствовала мысль — не слова — именно чувство, такое тёплое, спокойное, направленное прямо на неё. Она повернула голову.

Кай. Он тоже смотрел на неё. Всего секунду. И Аэлита вдруг поняла: это чувство принадлежало ему.

В тот же момент Кай почувствовал то же самое. Он не знал, как это возможно. Но сомнений не было. Эта девушка… почему-то вызывала у него доверие. Такое чувство он не испытывал много лет. И это пугало, потому что оно появилось слишком быстро.

— Есть!

Максим наконец запустил аварийный разрыв общей синхронизации. Свет в комнате погас. На секунду всё исчезло. Потом снова загорелся. Металлические кольца поднялись. Наступила абсолютная тишина. Все тяжело дышали, будто только что пробежали марафон. Артур подошёл к креслам, сверяя показания на планшете. Общий сеанс был остановлен. Индивидуальные медицинские модули оставались активны.

Он задержался у Мирона, проверил связь со стимулятором. Тот откинулся на спинку кресла и убрал руки с подлокотников.

Лея первой нарушила молчание.

— Простите… — Она посмотрела на Даниэля. — Я не знала.

Он резко поднял голову.

— Чего не знала?

— Что ты...

Она замолчала. Даниэль побледнел.

— Не говори.

Она испуганно прикрыла рот ладонью. Ева смотрела на Мирона. Совсем иначе. Он это заметил.

— Что?

Она тихо покачала головой.

— Ничего.

Но выражение её лица говорило обратное. Кай быстро поднялся, не сказав ни слова, вышел из комнаты. Аэлита машинально пошла за ним.

Она догнала его в пустом коридоре.

— Подожди!

Он остановился, не оборачиваясь.

— Ты тоже почувствовал?

Он очень тихо сказал:

— Да.

— Что именно?

Он наконец посмотрел на неё.

— Слишком много.

Она не знала, что ответить.

— Мне кажется… я теперь знаю вас всех гораздо лучше. И одновременно… совсем не знаю.

Кай едва заметно кивнул.

— Именно поэтому такие эксперименты нельзя проводить.

Он ушёл. Аэлита осталась одна. Она прислонилась к холодной стене. Перед глазами всё ещё вспыхивали чужие воспоминания, чужие чувства. И одно ощущение не отпускало её сильнее остальных. Тепло, то самое, которое принадлежало Каю. Но она не понимала, было ли оно настоящим или его тоже породила система.

Поздно ночью Артур молча сидел в серверной. Максим положил перед ним распечатку.

— Вот журналы.

Артур быстро просмотрел первые страницы, потом резко остановился.

— Этого не может быть.

— Я тоже так подумал.

В отчете значилось:

Время плановой синхронизации: 60 секунд.

Ниже.

Фактическое время: 4 минуты 17 секунд.

Ещё ниже.

Количество переданных нейронных паттернов:

Артур перечитал цифру трижды. Она была слишком большой, настолько большой… что соответствовала не эксперименту, а почти полному обмену внутренними моделями личности. Он медленно опустил лист.

— Мы только что...

Максим закончил за него.

— Дали им почувствовать друг друга.

Повисшая тишина была практически осязаема.

— Этого эксперимента не должно было произойти.

Глава 9. Тишина

Утро наступило слишком быстро. За завтраком никто не разговаривал. Ещё неделю назад Лея обязательно пошутила бы. Мирон начал бы спорить с Ноэлем. Даниэль сидел бы, не отрываясь от планшета. Теперь же ложки тихо стучали о тарелки. Каждый избегал чужих глаз, будто за одну ночь все успели сильно поссориться, хотя никто не произнёс ни слова.

Аэлита поймала себя на странной мысли. Она знала, что Лея ненавидит запах сирени, хотя та никогда об этом не рассказывала. Она знала, что Мирон в детстве мечтал стать летчиком, что Ева однажды потеряла пациента и до сих пор винила себя, что Даниэль до сих пор вздрагивает, когда слышит звук закрывающейся металлической двери.

Все эти знания не были её, но теперь жили рядом с собственными воспоминаниями, и отделить одно от другого становилось всё труднее.

— Доброе утро.

Артур вошёл в столовую, словно ничего не произошло.

— Как вы себя чувствуете?

Молчание.

— Есть жалобы?

Лея медленно подняла голову.

— Да.

Он подошёл ближе.

— Какие?

Она долго подбирала слова.

— Мне кажется… я больше не имею права смотреть на людей.

Артур нахмурился.

— Почему?

— Потому что я знаю то, чего знать не должна.

Он ничего не ответил.

После завтрака Артур попросил всех пройти в конференц-зал. На экране появилась одна фраза.

«Постэффекты коллективной синхронизации».

— Вчерашний эксперимент оказался значительно интенсивнее, чем мы рассчитывали.

Максим бросил на него быстрый взгляд. Артур впервые открыто признал ошибку.

— Нам известно, что некоторые из вас получили доступ к эмоциональным отпечаткам других участников.

— Некоторым? — тихо спросил Кай.

Артур посмотрел на него.

— Всем.

— Тогда не называйте это «некоторым».

В комнате стало тихо. Артур медленно кивнул.

— Ты прав.

— Это пройдёт? — спросила Ева.

— Большая часть воспоминаний исчезнет через несколько дней.

— А чувства?

Артур замолчал.

— Мы пока не знаем.

Лея нервно рассмеялась.

— Великолепно. Получается, я теперь всегда буду помнить, кто из вас боится пауков?

— Это не самое страшное, — тихо сказал Мирон.

Она посмотрела на него. Он отвернулся.

После собрания Аэлита решила пройтись одна. Лес вокруг центра казался удивительно спокойным. Она медленно шла по дорожке и вдруг остановилась. Впереди стоял Кай. Он будто ждал её.

— Привет.

— Привет.

Несколько секунд оба молчали.

— Тоже решила сбежать?

Она усмехнулась.

— Пока только погулять.

Он кивнул.

— Это уже неплохое начало.

Они пошли рядом, не торопясь. Шуршали сосны. Где-то далеко пели птицы. Наконец Аэлита не выдержала.

— Это ужасно.

— Что именно?

— Чужие воспоминания.

Кай некоторое время молчал.

— Нет.

— Нет?

— Самое ужасное — то, что мы начинаем считать их своими.

Она резко посмотрела на него. Он продолжил:

— Сегодня утром я вспомнил запах духов. Очень отчётливо. Только потом понял… что это не моя память. Именно этого я и боялся.

— Ты знал, что так будет?

— Нет. Но… — Он посмотрел куда-то вдаль. — Любая система стремится к объединению. Если между двумя компьютерами появляется соединение… они начинают обмениваться данными. Почему человеческий мозг должен вести себя иначе?

Аэлита вдруг почувствовала холод. Он говорил слишком логично, слишком спокойно, будто давно думал об этом.

— Кто ты такой, Кай?

Он улыбнулся, но в этой улыбке не было радости.

— Человек, который однажды уже слишком сильно доверился технологиям.

Смотря прямо ему в глаза, Аэлита погрузилась в воспоминания. Когда мысли обо всех участниках обрушились на неё, она не обратила внимание на самое важное.

Коридор. Красные сигнальные лампы. Чьи-то крики. Люди в форме. Чей-то голос: *«Изменник!»* Она помнила лицо Кая, не такое, каким знала его теперь: моложе, уставшее, испачканное кровью. И ещё она помнила взгляд, не человека, который собирался предать, а человека, который уже понял, что его предали. Тогда ей было слишком мало известно, чтобы сделать выводы. Остальные сделали их за неё.

В лаборатории Аэлита слышала разговоры шёпотом.

«Он продал информацию».

«Из-за него погибли люди».

«Таким нельзя доверять».

Она и сама пыталась в это поверить, ведь факты словно говорили сами за себя. Но теперь… теперь она вспоминала, как Кай незаметно подхватывал Мирона, если тот терял равновесие, как первым вставал между остальными и любой опасностью, как каждую ночь обходил территорию, пока остальные спали, как всегда садился так, чтобы видеть вход и как ни разу не воспользовался чужой слабостью, хотя возможностей было предостаточно.

Она наконец отвела взгляд. Что-то не сходилось. Она не могла представить, что человек, который без колебаний рискнул бы собой ради почти незнакомых людей, когда-то так же легко предал тех, кого называл своими. Конечно, люди меняются, но не настолько. А если и меняются, то обычно в обратную сторону. Эта мысль не давала ей покоя. Впервые Аэлита поймала себя на желании узнать не то, что сделал Кай, а почему весь мир так старательно убеждал её, что он виновен.

Она сама не заметила, как снова посмотрела на Кая. *«Не может быть...»* Кай медленно повернул голову и посмотрел прямо на неё. Сердце предательски дрогнуло. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Аэлите вдруг показалось, что между ними снова натянулась едва уловимая нить. Она ничего не сказала, но почему-то была почти уверена, что он почувствовал. *Сомнение.*

Кай едва заметно нахмурился, будто в голове на мгновение мелькнуло что-то чужое. Красные сигнальные лампы. Чей-то крик. Одно единственное слово. **«Изменник».** Образ исчез так же быстро, как появился. Он медленно отвёл взгляд. Конечно.

Аэлита почувствовала, как к щекам приливает тепло. Ей стало неловко, будто она случайно открыла страницу чужого дневника. Кай ничего не спросил. Только едва слышно произнёс:

— Не всему, что ты увидела, стоит верить.

Он увеличил дистанцию. Аэлита долго смотрела ему вслед. Странно. После этих слов она стала доверять ему ещё больше.

В тот же момент в лаборатории Максим изучал журналы синхронизации.

— Посмотри.

Артур подошёл. На экране были семь цветных линий. Каждая соответствовала одному участнику. После вчерашнего эксперимента они должны были полностью разделиться. Но… между двумя линиями оставалась тонкая серебристая нить.

— Что это?

Максим увеличил изображение. Имена всплыли автоматически.

Аэлита Воронцова.

Кай Северин.

Соединение не исчезло. Оно ослабло, но продолжало существовать.

— Это невозможно, — тихо сказал Артур.

— Может быть, ошибка программы?

Артур покачал головой.

— Нет, это реальная нейронная связь.

Максим медленно посмотрел на него.

— Что будем делать?

Артур долго молчал, потом неожиданно ответил:

— Ничего.

— Что?

— Пока ничего. Если мы вмешаемся… можем повредить их мозг.

Максим нахмурился.

— Но они продолжают быть связаны.

Артур посмотрел на экран. Две серебристые линии едва заметно пульсировали.

— Значит… будем наблюдать.

Вечером участники снова собрались в комнате отдыха. Лея включила музыку, но никто не начал подпевать. Каждый был слишком занят собственными мыслями, или уже не только собственными. Аэлита посмотрела на Кая. В ту же секунду он поднял голову. Их взгляды встретились. На долю секунды ей показалось, будто она услышала знакомое ощущение. Спокой-

ствие. Не мысль. Не слово. Только чувство. Оно исчезло так же быстро, как появилось. Кай едва заметно нахмурился. Значит… он тоже это почувствовал.

И где-то глубоко под лабораторией, в центре вычислительного комплекса, один из серверов самостоятельно записал новую строку в системный журнал.

Обнаружена устойчивая связь между узлами.

Ни один человек в здании этого сообщения не видел.

Глава 10. Слепые зоны

NDA — Billie Eilish

Через два дня жизнь в центре почти вернулась в привычное русло. Настолько, насколько это вообще было возможно после коллективной синхронизации. Лея снова шутила. Мирон спорил с Ноэлем. Ева проводила часы в медицинском блоке. Артур продолжал занятия так, словно ничего необычного не произошло. Только Кай стал ещё молчаливее. И Аэлита всё чаще замечала, что он… наблюдает… за самим центром.

— Сегодня мы поговорим о безопасности.

Артур вывел на экран изображение импланта.

— Многие из вас задавали вопрос, может ли Нейра работать самостоятельно. Медицинские программы могут запускаться автоматически, по тем условиям, которые мы настроили заранее. Но имплант не решает за вас, кем вам быть. Он не изменяет вашу личность, не вмешивается в мышление. В режиме поиска он исполняет ваши запросы.

Аэлита поймала себя на мысли, что после этих слов ей почему-то стало спокойнее. Но рядом тихо усмехнулся Кай, настолько тихо, что услышала только она. После занятия она догнала его в коридоре.

— Что смешного?

Он остановился.

— Ты правда хочешь знать?

— Да.

Кай посмотрел по сторонам, будто проверяя, нет ли рядом сотрудников.

— Замечала камеры?

— Конечно.

— Нет. — Он покачал головой. — Не эти.

Она непонимающе посмотрела на него. Кай поднял взгляд наверх.

— Видишь над дверью?

Аэлита проследила за его взглядом и кивнула.

— А теперь посмотри на ту, возле вентиляции.

Она не сразу поняла, куда именно он показывает. Камера почти сливалась с тёмным корпусом решётки.

— Их здесь больше, чем кажется, — сказал Кай. — Большинство даже не пытаются прятать. Потому что никто не смотрит наверх достаточно долго.

— Откуда ты знаешь?

Он не ответил сразу.

— Потому что они иногда поворачиваются.

Аэлита невольно улыбнулась.

— Кай...

Он серьёзно посмотрел ей в глаза.

— Я не шучу.

Она хотела возразить, но вдруг вспомнила. Несколько дней назад ей действительно показалось, что маленький чёрный датчик под потолком изменил угол. Тогда она решила, что ей показалось.

— Совпадение.

— Возможно.

Он отступил глубже в узкий закуток между стеной и низкими тумбами. Аэлита последовала за ним. Здесь приходилось стоять почти вплотную друг к другу. Кай прислонился к тумбам

спиной, чтобы вид на пустой коридор ничто не загораживало. Так, опять же по мнению Кая, было видно, не идёт ли кто мимо. Аэлита стояла прямо перед ним, чувствуя спиной его тепло.

— И зачем мы сюда залезли?

— Хочу проверить одну вещь.

Кай поднял голову, наблюдая за камерой.

— Если я правильно понял её траекторию, сюда она не достаёт. Совсем.

— Слепая зона?

— Именно.

Он говорил тихо, продолжая смотреть куда-то поверх её плеча.

— Подожди. Сейчас увидишь.

— Что?

— Камеру.

Аэлита снова посмотрела вверх, но не поняла, какую именно.

— Не туда.

Кай, не задумываясь, коснулся ладонью её щёки и мягко повернул лицо вправо.

— Вот.

Камера под потолком едва заметно пришла в движение. Корпус медленно развернулся, задержался на несколько секунд и пошёл обратно.

Аэлита успела увидеть её. А потом почти сразу перестала смотреть. Тепло пришло мгновенно. То самое — знакомое уже настолько, что она узнала его прежде, чем успела испугаться. Оно возникло где-то глубоко в голове и почти сразу растеклось ниже, по шее, плечам, груди.

Ладонь Кая всё ещё лежала у неё на щеке. Он тоже замер. Аэлита перевела взгляд на него. Только теперь она заметила, насколько близко они стоят. Между их лицами оставалось совсем немного пространства. Достаточно, чтобы различить, как изменилось его дыхание.

Кай не убрал руку. Может быть, потому что тоже почувствовал это. Аэлита подняла ладонь и накрыла его пальцы своими. Он едва заметно напрягся.

— Ты всегда такой напряжённый? — спросила она.

Кай посмотрел ей в глаза.

— Последние лет семь.

Она тихо усмехнулась.

Только после этого его ладонь медленно соскользнула с её щёки. Аэлита могла бы отпустить его сразу. Почему-то не отпустила. Их руки опустились между ними, пальцы на мгновение неловко зацепились друг за друга — а потом остались так, будто ни один из них не решился первым разорвать прикосновение.

Аэлита опустилась на край низкой тумбы. И он впервые за долгое время позволил себе просто сидеть. Не прислушиваться. Не просчитывать пути отхода. Не ждать выстрела. Просто сидеть рядом. Тишина больше не казалась неловкой. Она стала уютной. Кай медленно переплёл свои пальцы с её. Очень осторожно, словно спрашивал разрешения. Аэлита слегка сжала его ладонь в ответ. И только тогда он позволил себе улыбнуться. По-настоящему.

— Будь осторожна.

На его лице промелькнуло смятение, словно последние слова вырвались раньше, чем он успел решить, стоит ли их произносить.

Вечером же Аэлита специально начала смотреть по сторонам: коридоры, холлы, лаборатории — повсюду маленькие чёрные полусферы. Некоторые были очевидными камерами, другие выглядели как датчики освещения или пожарные сенсоры. Она почувствовала себя неловко, будто впервые заметила, насколько тщательно за ними наблюдают. В библиотеке Кай уже ждал её.

— Ты пришла.

— Откуда ты знал?

Он кивнул на книгу в её руках.

— Вчера ты не дочитала главу.

Логично. И всё же немного странно. Она села напротив.

— Хорошо. Предположим. Ты прав насчёт камер. Что дальше?

— Ты замечала, что сотрудники никогда не открывают двери сами?

Она нахмурилась.

— В смысле?

— Двери открываются раньше, чем они подходят.

Она попыталась вспомнить. И действительно: так и было.

— Может быть, датчики движения.

— Тогда почему они открываются только перед сотрудниками?

Она ничего не ответила. Кай достал лист бумаги. Нарисовал план первого этажа.

— Смотри. Вот здесь. Столовая. Вот лаборатория. Вот жилой корпус. Он отметил несколько точек.

— Здесь я не нашёл ни одной камеры.

Аэлита удивлённо подняла глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Проверял.

— Как?

— Ходил кругами.

Смотрел, где персонал перестаёт наблюдать. Она невольно улыбнулась.

— Ты серьёзно составил карту слепых зон?

— Да.

— Зачем?

Он долго смотрел на рисунок, потом спокойно ответил:

— На случай, если однажды придётся поговорить без свидетелей, как сегодня. Только камеры я проверял. Насчёт звука пока не уверен.

По спине Аэлиты пробежал холод.

— Ты думаешь, нас подслушивают?

— Нет. Я думаю, что нас изучают.

На следующий день во время обеда произошло нечто странное. Лея рассказывала очередную историю. Все смеялись. И вдруг Артур сказал:

— Кстати, Аэлита. Как продвигается книга?

Она замерла.

— Какая книга?

— Та, которую ты начала читать вчера вечером, «Дедушка из Венгрии», кажется. — Он улыбнулся. — Надеюсь, интересная.

Она медленно кивнула, но внутри всё сжалось. Она никому не говорила, что читает именно эту книгу. Никому. После обеда она догнала Кая.

— Ты был прав.

Он даже не спросил, о чём речь.

— Что произошло?

Она пересказала разговор. Кай слушал молча, потом тихо сказал:

— Он не мог знать название книги.

— Может быть, видел.

— Не видел.

— Почему ты так уверен?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что в тот момент он находился в другом корпусе.

Аэлита почувствовала неприятную тяжесть в груди.

— Откуда ты...

Он снова замолчал. Она начинала замечать: Кай никогда не отвечает на вопросы, касающиеся его прошлого.

Тем же вечером они оказались в одной группе на тренировке по управлению техникой. Перед каждым стоял небольшой дрон. Задача была простой: поднять его, провести через препятствия, вернуть обратно. Аэлита сосредоточилась. Дрон плавно взлетел, но неожиданно резко дёрнулся в сторону. Она не давала такой команды. Он описал круг, замер и только потом снова подчинился.

— Странно...

Максим быстро подошёл.

— Что случилось?

— Кажется… он двигался сам.

Максим проверил планшет.

— В журнале нет никаких ошибок.

Артур тоже подошёл.

— Возможно, ты просто отвлеклась.

Аэлита кивнула. *Наверное*. Но где-то внутри оставалось ощущение, что это была не её команда.

Поздно ночью Кай сидел один на крыше. Перед ним лежал тот самый лист со схемой центра. Он поставил ещё одну точку и подписал:

Слепая зона №7.

Позади раздались шаги.

— Ты снова здесь.

Это был Даниэль. Кай быстро перевернул лист.

— Не спится?

— Не люблю, когда мне врут.

Кай внимательно посмотрел на него.

— О чём ты?

Даниэль медленно произнёс:

— Ты не случайный участник эксперимента.

Это был не вопрос. Кай ничего не ответил. Даниэль усмехнулся.

— Я так и думал.

Он развернулся и ушёл. Кай остался один. Ветер переворачивал страницы блокнота. На последней странице была всего одна короткая запись.

«Никогда не доверяй системе, которая знает о тебе больше, чем ты сам».

Он медленно закрыл блокнот и впервые за долгое время посмотрел не на лаборатории, а на высокий бетонный забор, будто мысленно пытался понять, как его можно преодолеть.

Глава 11. Совпадения

Есть совпадения, которые случаются один раз. Есть совпадения, которые повторяются дважды. А есть такие, после которых слово «совпадение» перестаёт существовать.

Утро началось с дождя. Крупные капли медленно стекали по стеклянной крыше центрального холла. Аэлита сидела возле окна и читала — точнее, пыталась. Она ловила себя на том, что уже несколько минут смотрит на одну и ту же страницу не потому, что не понимает текст, а потому, что мысли постоянно возвращаются к последним дням. Каю. Эксперименту. Рекламе во сне. И странному ощущению, что за каждым их шагом кто-то внимательно наблюдает.

— Можно?

Она подняла голову. Кай держал в руках две кружки кофе.

— Конечно.

Он сел напротив. Аэлита сделала глоток и почти сразу посмотрела на кружку.

— Лаванда?

— Не нравится?

— Наоборот. Я просто… — Она снова отпила. — Откуда ты знал?

Кай нахмурился.

— Что?

— Что я люблю лавандовый сироп.

Он посмотрел сначала на её кружку, потом на свою.

— Не знал.

— Кай.

— Серьёзно. Я взял тебе его и даже не подумал почему.

Аэлита изучала его лицо, пытаясь понять, шутит он или нет.

— А у тебя?

— Обычный.

Почему-то от этого стало ещё страннее. Кай медленно провёл большим пальцем по краю своей кружки.

— Можно я тебя кое о чём спрошу?

— Спрашивай.

— Вчера, когда мы были в коридоре… ты что-нибудь почувствовала?

Аэлита сразу поняла, о чём он. И оттого, что поняла без объяснения, стало не по себе.

— Тепло?

Кай поднял на неё глаза.

— Значит, не только я.

Она поставила кружку на стол.

— Ты тоже его чувствуешь?

— После синхронизации — иногда. Рядом с тобой сильнее. Вчера, когда коснулся тебя…

Он оборвал фразу.

Аэлита вспомнила его ладонь на своей щеке, то, как тепло пришло раньше, чем она успела осознать прикосновение.

— Я думала, это *осталось* только у меня.

— Я тоже.

— Думаешь, это Нейра?

— Не знаю. — Кай посмотрел на её кофе. — Но я точно не знал про лаванду.

Аэлита проследила за его взглядом.

— Совпадение?

Уголок его рта едва заметно дёрнулся.

— Ты веришь в случайности?

— Иногда.

— А я нет.

Он поставил свою кружку на стол.

— Посмотри вокруг.

Она огляделась. Обычный холл. Люди. Сотрудники. Тишина.

— Что именно?

— Восемь сотрудников. Все правши.

Аэлита рассмеялась. *Так он решил сменить тему?*

— Ты это серьёзно?

— Да.

— И что?

— Ничего. Пока ничего.

Она покачала головой.

— Ты слишком много анализируешь.

— Возможно. — Он сделал глоток кофе. — Но если завтра здесь появится девятый сотрудник, и он тоже окажется правшой… это уже будет закономерность.

Аэлита едва заметно улыбнулась. Теперь она почти чувствовала, зачем он заговорил о правшах: не потому, что это действительно было самым важным, а потому, что ему тоже нужно было куда-то деть возникшую между ними неловкость. Тепло никуда не исчезло — наоборот, стало отчётливее, мягко отзываясь внутри чем-то чужим и одновременно слишком понятным. Ей вдруг показалось, что Кай думает о том же, о чём минуту назад думала она сама, просто ни один из них пока не решался назвать это вслух. На мгновение Аэлита подумала, не рассказать ли об этом Артуру. И почти сразу решила, что нет. По крайней мере, пока.

После завтрака участников пригласили на новое испытание. Большая лаборатория была разделена на несколько зон. Сегодня они должны были работать в парах. Артур раздал карточки.

— Сегодня мы проверим, насколько эффективно вы взаимодействуете друг с другом.

Лея быстро перевернула свою карточку.

— Мирон.

Отлично. Ноэль оказался с Евой. Даниэль — с Максимом. Аэлита посмотрела на свою карточку. Кай. Она невольно улыбнулась. Он подошёл почти сразу.

— Похоже, судьба.

— Или эксперимент.

— Ты быстро учишься.

Перед ними поставили сложную инженерную задачу. Нужно было собрать небольшой разведывательный дрон без инструкции, только детали. Обычно на такую работу уходило несколько часов. Они справились за двадцать две минуты. Максим удивлённо покачал головой.

— Новый рекорд.

Артур внимательно посмотрел на показатели.

— Интересно...

— Что?

— Вы почти не разговаривали.

Аэлита только сейчас это заметила. Действительно. Большую часть времени они молчали, но почему-то понимали друг друга. Она подавала деталь ещё до того, как Кай успевал попросить. Он подключал провод именно в тот момент, когда она собиралась это предложить, будто… они уже работали вместе раньше. Эта мысль показалась настолько нелепой, что Аэлита сразу отбросила её.

Она не заметила, что Артур продолжал смотреть им вслед, когда они отошли от стола.

— Ты это видел? — тихо спросил он.

Максим ещё раз открыл результаты. На соседнем окне всё ещё была открыта карта активности имплантов. Между двумя профилями сохранялась та самая линия, которую он заметил после синхронизации. Она так и не исчезла.

— Поэтому ты поставил их в пару? — спросил Максим.

Артур кивнул. Он хотел проверить, была ли эта связь просто остаточной активностью — красивой аномалией на экране, не имевшей никакого значения вне системы. Теперь ответ ему не нравился. Связь работала. Не как разговор и не как передача готовых мыслей. Скорее, как что-то более раннее: намерение одного успевало достигнуть другого прежде, чем превращалось в просьбу.

— Они знают? — спросил Максим.

Артур посмотрел на Кая и Аэлиту в другом конце лаборатории.

— Пока не уверен.

Он закрыл окно с графиком, но перед этим добавил короткую строку в наблюдение:

«Устойчивая межсубъектная связь подтверждена поведенчески. Синхронизация намерений без вербального обмена».

После тренировки Кай неожиданно остановился возле стеклянной стены. За ней находился внутренний двор. Несколько сотрудников разговаривали между собой.

— Видишь мужчину в синем?

— Ну охранник, — сказала Аэлита. — И что? Мы находимся в закрытом исследовательском центре. Было бы страннее, если бы здесь вообще никого не охраняли.

— Я не говорю, что охраны не должно быть.

Кай продолжал смотреть через стекло.

— Тогда что тебя смущает?

— То, что он охраняет.

Аэлита снова посмотрела на мужчину в синем.

— Центр?

— Нет.

Кай едва заметно качнул головой.

— Посмотри, куда он смотрит.

Мужчина снова перевёл взгляд с одной двери на другую.

— На выходы.

— Именно. Не на двор. Не на въезд. Не на людей, которые могут сюда прийти. На двери, через которые ходим мы.

Аэлита нахмурилась.

— Может, просто следит за порядком.

— Может.

Он произнёс это тем тоном, который означал совсем обратное. Один из учёных уронил папку. Листы рассыпались по полу. Все вокруг машинально обернулись. Мужчина в синем даже не посмотрел в их сторону.

Его взгляд остался на двери.

— Камеры я ещё мог понять, — тихо сказал Кай. — Секретный проект. Контроль доступа. Защита данных. Но камеры следят за нашими коридорами. Этот человек следит за нашими выходами.

Он наконец посмотрел на неё.

— Мне начинает казаться, что охраняют не только проект от посторонних.

Аэлита почувствовала холод прежде, чем он договорил.

— Нас?

— От нас пока никто не защищается, — сказал Кай. — А вот следят именно за нами.

Вечером Лея снова рассказывала смешную историю. Мирон смеялся так громко, что Ева попросила его быть потише, но Аэлита почти не слушала. Она украдкой наблюдала за сотрудниками и вдруг заметила странную вещь. Каждый раз, когда кто-то из участников вставал из-за стола… кто-нибудь из персонала автоматически поднимал голову. Каждый раз. Без исключений. Она перевела взгляд на Кая. Тот едва заметно кивнул. Он тоже это видел.

Ночью она долго не могла уснуть. Теперь вопрос был не в том, следят ли за ними, а в другом: зачем Центру понадобилось настолько тщательно следить за людьми, которые, по словам Артура, находились здесь добровольно? И что произойдёт, если кто-нибудь из них действительно захочет уйти? Она встала и подошла к окну.

Во дворе горел одинокий фонарь. Под ним стоял человек. Высокий. В тёмной куртке. Кай. Он смотрел прямо на главное административное здание, будто пытался запомнить каждое окно.

— Не спишь?

Он даже не обернулся.

— Уже привык.

Аэлита подошла ближе.

— К чему?

— Замечать.

— Знаешь… большинство людей думают, что наблюдательность — это видеть больше других. Это неправда.

— А что тогда?

— Умение заметить то, что не изменилось.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Не поняла.

Он указал на административный корпус.

— Видишь третий этаж?

— Да.

— Уже неделю в одном окне горит свет. Каждую ночь: с двадцати двух часов до четырёх утра. Ни минутой больше, ни минутой меньше.

Она нахмурилась.

— Может, кто-то работает.

— Возможно.

Он спокойно пожал плечами.

— Но мне интересно узнать почему.

В это же время за тем самым окном действительно кто-то сидел. Артур Левин. Перед ним лежали семь личных дел. Он долго смотрел только на одно.

Аэлита Воронцова.

Потом медленно закрыл папку. Достал другую. На обложке не было имени. Только код.

Проект «Эхо».

Артур открыл первую страницу. Фотографий не было. Под заголовком **«Заключительный этап. Полная синхронизация»** — одна короткая запись.

«Все семь испытуемых утратили чувство собственной личности после сорока восьми часов в этом режиме».

Артур закрыл глаза, тяжело выдохнул и впервые за долгое время прошептал:

— Только не снова...

С такого расстояния Аэлита не могла услышать ни звука. Она уже собиралась спросить Кая, заметил ли он движение губ, когда внутри возник знакомый импульс — почти такой же, как при поисковом запросе. Нейра зацепилась за увиденное сама. Движение губ повторилось в

памяти, замедлилось, разбилось на отдельные положения. Наиболее вероятное распознавание: «Только не снова». Аэлита замерла.

— Ты это видел? — тихо спросила она.

Кай не отрывал взгляда от окна.

— Да.

— «Только не снова»?

Он посмотрел на неё.

— У меня получилось то же самое.

Артур не заметил, что в этот момент за окном, в темноте, стояли две фигуры. Аэлита и Кай. Они не могли прочитать документы, но теперь точно знали: Артур Левин не просто продолжал работать по ночам, он что-то скрывал.

Глава 12. Комната без номера

ilomilo — Billie Eilish

После разговора у административного корпуса Аэлита почти не спала. Перед глазами стояло освещённое окно третьего этажа. Что Артур делал там каждую ночь? Снизу нельзя было разобрать ни документов на его столе, ни выражения лица. Только свет, который снова горел до утра. Она лежала, глядя в потолок, и поймала себя на мысли, что хочет не пройти эксперимент, а понять его.

Утром Кай сидел в столовой один. Перед ним лежала салфетка, исписанная карандашом.

— Это что?

Он молча подвинул её к Аэлите. План первого этажа. Только теперь на нём появились новые отметки.

— Ты опять рисовал карту?

— Исправлял.

— Нашёл ошибку?

Он покачал головой.

— Нет, нашёл лишнее.

Она внимательно посмотрела на схему.

— Не понимаю.

Кай провёл карандашом по длинному коридору.

— Мы проходили здесь уже восемь раз.

— И?

— Если считать длину помещений по обе стороны… коридор должен быть короче примерно на семь метров.

Она нахмурилась.

— Может быть, стены толще?

— Проверил.

— Как?

— Простучал.

Аэлита невольно улыбнулась.

— Ты точно ненормальный.

— Возможно. — Он тоже едва заметно улыбнулся. — Но стены не врут.

Весь день мысль о семи метрах не давала ей покоя. После ужина она сама предложила прогуляться.

— Опять исследование?

— Конечно.

— Ты быстро учишься.

Они дождались, пока коридоры опустеют. Вечером сотрудники редко появлялись в жилом блоке. Кай остановился возле длинной белой стены. Провёл ладонью по панели. Один стук. Второй. Третий. Звук был одинаковым. Потом… совсем другой. Глухой. Пустой. Аэлита тоже постучала. Теперь услышала разницу.

— Здесь пустота.

Кай молча кивнул. Они начали внимательно рассматривать стену. Когда их руки невольно соприкоснулись, оба даже не обратили на это внимание. Теперь это стало нормальным. Но никаких ручек, замков, швов они не обнаружили, будто прохода не существовало.

— Может быть, это техническое помещение?

— Возможно.

Кай присел на корточки, провёл пальцами вдоль пола и вдруг остановился.

— Вот.

Маленькая металлическая пластина, почти незаметная, без надписей. Он осторожно нажал. Ничего.

— Не работает?

Кай задумался, потом неожиданно приложил к пластине свою ладонь. Над ней проступила узкая строка.

Служебная регистрация распознана.

Ещё ниже — старая дата. Задолго до их приезда. Кай убрал руку, но было поздно. Тихий щелчок. Аэлита вздрогнула. Часть стены медленно отъехала в сторону.

— Как...

Он смотрел на погасшую строку.

— Не думал, что она ещё действует.

Аэлита повернулась к нему.

— Какая регистрация?

Кай посмотрел в открывшийся проход.

— Не здесь.

Кай привычно зашёл первым, проверил коридор, только потом тихо кивнул. Аэлита вдруг поняла, что за всё время поисков он ни разу не позволил ей войти в незнакомое помещение первой. И кажется, сам этого не замечал. Освещение включилось автоматически. Никто не произнёс ни слова. Они шли медленно. Слишком тихо. Воздух здесь был другим, более холодным, будто помещение давно никто не открывал. В конце коридора находилась единственная дверь. На ней не было номера, только маленькая металлическая табличка.

Архив 1.

Внутри пахло бумагой. Вдоль стен стояли высокие металлические шкафы, в них папки, коробки, жесткие диски. Все аккуратно подписано, но странным образом: не именами, а кодами. *П-01. П-02. П-03… П-07.*

Аэлита подошла ближе.

— Это… семь участников.

Кай открыл одну папку. Внутри лежали фотографии. Семь человек. Все взрослые, разного возраста. Несколько кресел стояли в ряд, у одного были высокая спинка и опора для головы. Мужчина рядом с краем снимка сидел вполоборота к монитору. Женщина с рыжими волосами смотрела прямо в объектив. Кто-то улыбался, кто-то казался уставшим. Аэлита долго разглядывала их лица. Ей хотелось понять, так же ли они ждали перемен, как она сама перед первым запуском. На обратной стороне фотографии стояла подпись, на которую она поначалу не обратила внимания, и дата. Пятнадцать лет назад. Аэлита почувствовала, как по коже пробежали мурашки.

— Они действительно были.

Кай быстро перелистывал документы.

— Медицинские обследования, совместимость, психологические тесты.

Он задержался на листе с графиками. Сверху было напечатано: «Индивидуальная калибровка декодера». Ниже — несколько зачёркнутых результатов и новые настройки.

Между страницами лежал ещё один снимок. Женщина в кресле смотрела на чашку, которую удерживала возле неё механическая рука. Её собственные руки лежали на опорах. На полях кто-то приписал: «Подвела сама. Со второй попытки».

Аэлита поднесла снимок ближе. На общем фото эта женщина тоже была. Здесь она смотрела только на чашку, будто в комнате больше ничего не существовало.

— Посмотри.

Кай протянул ей другую запись. Коммуникационный модуль. На маленькой распечатке экрана — неровная строка с исправлением: «Поверните меня к окну». Под ней короткая пометка: «Текст набран участником самостоятельно. Требуется пауза».

Аэлита перечитала просьбу. По другим записям она поняла, что человек, напечатавший этот текст, был немым. Они дали ему возможность говорить таким образом.

— Они ведь могли просто позвать кого-нибудь благодаря этому.

Кай молча положил лист обратно. Здесь были ещё страницы, но ни одна из тех, что они успели просмотреть, не объясняла, что произошло потом.

Аэлита остановилась на последней странице. Внизу каждой анкеты стояла одинаковая отметка.

Проект прекращён.

Без объяснений. Без причин. Без подписей.

— Посмотри сюда.

Кай держал в руках толстую папку. На обложке было написано: «Итоговый отчёт».

Он открыл первую страницу. Внутри… пусто. Все листы были аккуратно вырезаны. До последнего, будто кто-то специально уничтожил содержимое.

— Кто-то не хотел, чтобы это прочитали.

Кай медленно закрыл папку.

— Или уже прочитал раньше нас.

Аэлита подошла к последнему шкафу. Доступ к нему закрывала коробка, как оказалось, тяжёлая. Кай молча перехватил её.

— Я могу сама.

— Знаю. — И просто унёс коробку в сторону — без спора, без желания показать силу, будто это настолько естественно, что даже обсуждать нечего.

Шкаф оказался не заперт. Внутри лежала всего одна картонная коробка без маркировки. Она осторожно сняла крышку. Там находились семь небольших предметов: карманные часы, детская машинка, старая фотография, кольцо, зажигалка, билет на поезд и потрепанный плюшевый медвежонок. Личные вещи. Никто не стал бы хранить их здесь без причины.

— Почему их не отдали семьям? — тихо спросила Аэлита.

Кай ничего не ответил. Внезапно где-то в коридоре раздался звук. Шаги. Они одновременно замерли. Кай быстро выключил фонарик и прикрыл Аэлиту спиной. Дверь архива осталась чуть приоткрытой. По коридору кто-то медленно шёл. Шаг. Ещё один. Аэлита слышала собственное дыхание. Тень остановилась прямо за дверью. Несколько бесконечных секунд никто не двигался. Потом шаги удалились. Только когда наступила тишина, Кай едва слышно прошептал:

— Нам пора.

Они уже собирались уходить, когда взгляд Аэлиты случайно упал под нижнюю полку шкафа. Что-то белело в пыли. Она присела, достала небольшой лист бумаги. Нет. Не лист. Обложка. От обычной школьной тетради. На ней было написано от руки.

Дневник.

Но самих страниц не было. Их кто-то аккуратно вырвал. Аэлита посмотрела на Кая.

— Значит… они вели записи.

Он медленно кивнул.

— И кто-то очень постарался, чтобы мы их не нашли.

Когда они вернулись в жилой корпус, никто не заметил их отсутствия. Все уже расходились по комнатам.

Система заметила. Артур Левин ещё не спал. Он стоял у окна своего кабинета. На одном из мониторов перед ним застыл последний кадр из служебного коридора: две фигуры у двери Архива 1. На соседнем экране мигало сообщение службы безопасности.

Несанкционированное открытие Архива 1.

Максим перевёл взгляд с записи на Артура.

— Они были там почти двадцать минут.

Артур ничего не ответил.

— Отправить охрану?

Он медленно покачал головой.

— Нет.

— Артур…

— Архив уже открыт. Если бы я хотел их остановить, нужно было делать это двадцать минут назад.

Максим посмотрел на него внимательнее.

— Ты знал?

— Я получил сигнал в ту же секунду, когда открылась дверь.

— И ничего не сделал.

Артур долго смотрел на две фигуры на экране.

— Некоторые вопросы человек должен задать сам.

Но, оставшись один, Артур открыл внутренний журнал проекта. На первой странице появилась новая запись.

Испытуемые начали самостоятельный поиск информации.

Он поставил дату, закрыл журнал и впервые за долгое время посмотрел не на фотографии участников, а на старую фотографию, спрятанную в нижнем ящике стола. На ней были те самые семь человек. Проект «Эхо». Все ещё живые. Ещё не знающие, чем всё закончится. Артур медленно перевернул фотографию. На обороте черными чернилами было написано всего три слова.

«Мы почти успели».

Глава 13. Люди, которых не существовало

На следующее утро Аэлита проснулась раньше будильника. Первой мыслью был архив. Второй — фотография. Третьей — просьба на маленькой распечатке: повернуть к окну.

Она села на кровати. Вчера ей казалось, что они нашли ответы. Теперь стало ясно: они нашли только вопросы.

За завтраком Кай выглядел так, будто совсем не спал. Он поставил перед Аэлитой кружку чая, жасминового, её любимого. *Откуда?..*

— Сегодня нам нельзя туда возвращаться.

— Почему?

— Потому что они уже знают.

Она удивлённо подняла голову.

— Откуда?

— Если бы ты была на месте Артура… ты бы не заметила, что кто-то открыл секретный архив?

Она вздохнула.

— Значит, всё?

— Нет.

Он достал из кармана сложенный лист. Копию списка участников проекта «Эхо».

— Я успел сфотографировать.

Она невольно улыбнулась.

— Ты же говорил, что телефоны бесполезны.

— Для связи — да. Для камеры — нет.

После занятий они встретились в библиотеке за самым дальним столом. Кай разложил снимки списка. Семь имён, семь дат рождения, семь номеров испытуемых. Здесь не было ни графиков, ни медицинских записей, которые они видели в архиве.

— Что будем искать?

— Их.

— Где?

— Везде.

Аэлита закрыла глаза. *«Найти информацию о...»* Она мысленно произнесла имя первого участника. Ответ появился мгновенно… ничего. Она нахмурилась. Попробовала второе имя. Снова пусто. Третье. Четвёртое. Пятое. Ничего. Совсем ничего.

— Не получается?

Она медленно покачала головой.

— Их нет.

Кай тоже попробовал. Результат оказался тем же: никаких записей, никаких фотографий, никаких документов, будто этих людей никогда не существовало.

— Это невозможно.

Даниэль тихо поставил на стол поднос. Они даже не заметили, как он подошёл.

— Что невозможно?

Он молча посмотрел на фотографии, потом на их лица.

— Можно?

Кай некоторое время колебался, потом кивнул. Даниэль внимательно изучил список и почти сразу изменился в лице.

— Вот этого человека я знаю.

Он показал на имя: Алексей Громов.

— Откуда?

— Потому что мой отец рассказывал о нём.

Аэлита и Кай переглянулись.

— Кто он?

— Журналист. Очень известный. Он исчез лет пятнадцать назад.

— Исчез?

— Да. Официально — без вести пропал.

Даниэль ещё раз посмотрел на список.

— Подождите. А зачем вы вообще его ищете?

Аэлита невольно взглянула на Кая. Тот почти сразу забрал телефон со стола.

— Пока сами не знаем, что именно ищем.

— А остальные кто?

— Вот это и пытаемся понять.

Даниэль перевёл взгляд с одного на другого. Было очевидно, что такой ответ его не устроил, но настаивать он не стал.

— Ладно. Но Громов точно существовал и исчез, как я сказал, примерно пятнадцать лет назад. Если найдёте что-нибудь ещё…

Он не закончил.

— Спасибо.

Даниэль задержался ещё на секунду, словно собирался спросить снова, но только кивнул и ушёл. Аэлита тихо сказала:

— Кажется, он понял, что мы что-то скрываем.

— Пусть пока думает именно это, — ответил Кай.

— Подожди.

— Что?

— А если дело не в них? Если поиск просто…

Она не договорила и мысленно сформулировала другой запрос. *Артур Левин*. Ответ пришёл мгновенно. Биография. Научные публикации. Фотографии с конференций. Интервью. Центр нейроинтеграции. Исследования интерфейсов мозг-компьютер. Ссылок оказалось столько, что Аэлита сразу остановила поток.

— Работает, — тихо сказала она.

Кай понял без объяснений. Сам повторил запрос и нахмурился.

— Очень хорошо работает.

Аэлита снова посмотрела на семь имён перед ними. Семь человек — ничего. Артур Левин — тысячи следов. Но ни одной о связи с участниками. Теперь это уже не походило на случайность. Она осторожно уточнила запрос: Артур Левин, проект «Эхо». Пусто. Ни статьи. Ни упоминания. Ни фотографии.

— Странно.

— Почему? — спросил Кай.

— Он знает, что произошло с первой группой. Помнишь, он произнёс: «Только не снова»? Наверняка, это как-то связано. Я думала, хотя бы что-нибудь найдётся.

Кай смотрел на список имён.

— Мы вообще не знаем, что он тогда здесь работал.

Аэлита подняла глаза.

— Но он знает о проекте.

— Сейчас знает. Это не одно и то же.

— Думаешь, «Эхо» делал кто-то другой?

— Почему нет? Пятнадцать лет — большой срок. Мог быть другой руководитель, другая команда. Артур мог получить эти материалы позже. Или уже после закрытия проекта пытался понять, что с ним произошло.

Это почему-то немного меняло картину. До сих пор Аэлита почти автоматически помещала Артура в центр всего, что они находили. Но доказательств этому у них не было.

Пока.

Вечером Кай предложил рискнуть.

— Нужно проверить ещё раз.

— Ты же сам сказал...

— Не архив. Архив уже наверняка проверили. Есть другое место.

— Какое?

— Кабинет Артура.

Аэлита посмотрела на него так, будто он сошёл с ума.

— Ты серьёзно?

— Нет, совершенно несерьезно. — Он улыбнулся. — Поэтому и предлагаю только посмотреть.

— А камеры? — спросила Аэлита. — Ты же сам говорил, что мы даже не знаем, где они все.

— Знаю.

— И тебя это не смущает?

Кай на секунду задумался.

— После архива — уже меньше.

Она непонимающе посмотрела на него.

— Вчера мы открыли помещение, в которое вообще не должны были попасть. Если система следит за дверями хотя бы вполовину так хорошо, как за нами, они это видели.

— Но никто ничего не сказал.

— Именно.

Аэлита замолчала.

— Думаешь, Артур знает?

— Думаю, кто-то знает точно и почему-то решил нас не останавливать.

От этой мысли стало не спокойнее.

— Поэтому ты предлагаешь пойти к нему в кабинет?

— Я предлагаю пройти мимо его кабинета, — поправил Кай. — Это пока не запрещено. Прятаться от каждой камеры бессмысленно. Если начнём красться по коридорам, будет только хуже.

— А если за нами действительно следят?

Кай пожал плечами.

— Тогда они увидят двух участников проекта, которые прошли по коридору.

— Очень убедительно.

— Я стараюсь.

Он уже серьёзнее добавил:

— Внутрь не полезем. Посмотрим и уйдём.

Иногда Аэлита ловила себя на мысли, что сама не понимает, почему продолжает помогать Каю. Если бы неделю назад кто-нибудь сказал ей, что однажды она будет вместе с ним перебирать архивы Артура Левина, она бы только рассмеялась.

Аэлита ведь приехала сюда именно из-за Артура, потому что поверила его письму, поверила его обещанию и лично убедилась в его навыках, ведь головные боли ушли, а вспоминать стало легче. Это было настоящее облегчение. Но она не знала, что происходило с её памятью теперь. И всё же… после каждой новой находки вопросов становилось больше. Артур явно чего-то не договаривал. Но и Кай не рассказывал всей правды. Самое странное заключалось в том, что он никогда не просил верить ему. Ни разу. Он лишь говорил:

— Посмотри сама.

И почему-то именно это убеждало сильнее любых оправданий. Кай не пытался склонить её на свою сторону. Он просто открывал дверь и позволял сделать выводы самостоятельно. Наверное, именно поэтому она продолжала идти за ним: не потому, что доверяла, а потому, что рядом с ним ей никто не навязывал, во что она должна верить.

Они не собирались проникать внутрь — только пройти мимо, запомнить расположение, но, когда подошли к административному корпусу… дверь кабинета оказалась приоткрыта, свет горел, а внутри никого.

— Это ловушка?

— Возможно.

Кай осторожно заглянул. Пусто. Они вошли. Кабинет выглядел удивительно просто. Книжный шкаф, стол, два кресла, большое окно, никаких секретных устройств, никакой роскоши, будто здесь работал обычный преподаватель.

Аэлита подошла к книжному шкафу. Все книги были настоящими, бумажными, и почти все — по нейробиологии, кроме одной — старый атлас мира. Она взяла его в руки. Книга оказалась слишком тяжелой.

— Кай...

Он уже стоял рядом.

— Что?

— По-моему… за книгами что-то есть.

Он осторожно потянул полку, та тихо сдвинулась. За ней оказался небольшой встроенный сейф, закрытый.

— Не успеем.

Кай уже собирался вернуть полку на место, когда взгляд Аэлиты случайно упал на стол. Фотография. Та самая. Семь человек. Проект «Эхо». Но теперь она увидела то, чего не заметила вчера. В углу снимка стоял ещё один человек. Он почти не попадал в кадр. Только плечо и часть лица. Артур Левин. На пятнадцать лет моложе. Он улыбался так же искренне, как сейчас улыбается им.

Аэлита приподняла рамку. Защитная крышка сзади была сдвинута, и край фотографии выступал наружу. Она осторожно вытащила снимок, перевернула.

«Мы почти успели».

— Кай.

Он наклонился к ней, достал телефон и сфотографировал оборот. Ниже виднелась ещё одна, более бледная строчка. Аэлита уже поднесла снимок ближе, но в коридоре послышались шаги. Она быстро вложила фотографию обратно и поставила рамку на прежнее место. Кай мгновенно погасил свет.

— Сюда. — Он осторожно потянул Аэлиту за запястье.

Они успели спрятаться за высоким архивным шкафом за секунду до того, как дверь открылась. Артур вошёл один. Он включил только настольную лампу. Просто стоял посреди кабинета.

Аэлита почти не дышала. За шкафом было тесно. Настолько, что она чувствовала тепло чужого плеча совсем рядом. Кай осторожно поднял руку, едва заметным движением прося её не шевелиться. В другой ситуации этот жест показался бы странным. Сейчас он был единственным, что не давало ей выдать их случайным движением.

Артур медленно подошёл к окну. В кабинете стояла такая тишина, что Аэлите казалось: он наверняка слышит, как быстро бьётся её сердце. Она машинально сделала шаг назад. Шкаф упёрся в спину. Отступать было некуда. Кай это понял. Совсем незаметно сместился в сторону, освобождая ей немного места, хотя самому стало ещё неудобнее. Эта маленькая забота почему-то тронула её сильнее, чем если бы он сказал что-нибудь вслух. Она украдкой посмотрела на него. Даже в темноте было видно, как внимательно он следит за каждым движением Артура.

И всё же в какой-то момент он будто почувствовал её взгляд. Их глаза встретились всего на секунду. Никто не улыбнулся. Никто ничего не сказал. Но почему-то именно в эту секунду Аэлита поняла, что рядом с ним ей совсем не страшно.

— Простите… — тихо произнёс Артур.

Аэлита замерла. Он разговаривал с ними? Сам с собой? Или… с фотографией? Артур подошёл к столу и провёл пальцами по рамке.

— Я обещал, что всё исправлю. — На секунду его голос дрогнул. — В этот раз получится.

Он ещё немного постоял, потом выключил настольную лампу и вышел. Только когда шаги стихли, Аэлита поняла, что всё это время задерживала дыхание. Они покинули кабинет тем же путём. До жилого корпуса никто не произнёс ни слова, лишь у самой двери Кай неожиданно остановился.

— Видишь разницу?

— Какую?

— Он не говорил как человек, скрывающий преступление.

Аэлита удивлённо посмотрела на него.

— Тогда как?

— Как человек, который не смог кого-то спасти.

Она тихо сказала:

— Значит… он действительно верит, что делает добро.

Кай медленно кивнул.

— Именно это пугает меня больше всего.

Поздно ночью Артур снова открыл старую фотографию. На этот раз он перевернул её. Под надписью *«Мы почти успели»* проступала другая, более бледная: *«Не повтори нашу ошибку»*. Артур долго смотрел на эти слова. Затем осторожно провёл по ним пальцами. Чернила выцвели, впитались в старую бумагу. Запись была здесь давно. Но он не помнил, как она появилась. Не помнил, кто её написал. Впервые за много лет Артур почувствовал не тревогу, а настоящий страх. Он знал эту фотографию. Столько раз держал её в руках. Почему же не мог вспомнить несколько слов на обороте?

Глава 14. Следы

После истории с кабинетом Артура они решили больше не рисковать. По крайней мере… на один день. Следующее утро началось с обычных тестов памяти. Максим раскладывал на столе карточки с изображениями.

— Правила прежние. Запомните последовательность. Через пять минут повторите.

Лея театрально вздохнула.

— Это становится слишком легко.

— Именно поэтому мы усложняем задания.

Максим улыбнулся. Карточки перевернули. Тридцать изображений. Пять минут. Когда время закончилось, Аэлита восстановила последовательность без единой ошибки. Как и остальные. Сто процентов. Ещё совсем недавно такая цифра показалась бы ей чудом. Она боялась забыть разговор, потерять день, однажды открыть глаза и обнаружить очередной провал там, где должна была быть часть её жизни. Теперь перед внутренним взглядом все тридцать изображений стояли на своих местах — чёткие, неподвижные, доступные в любую секунду. И всё же больше остальных она почему-то помнила семнадцатую карточку. Ветка жасмина. На несколько секунд вместе с ней возникло совсем другое: кухня, утренний свет, запах чая и мама, что-то напевающая у плиты. Аэлита даже не могла вспомнить мелодию до конца. Не знала, какое было время года. Не помнила, во что мама была одета. И неожиданно именно эти пробелы её успокоили. Это воспоминание не пришло готовым ответом. Оно было неровным, неполным и её собственным.

Аэлита улыбнулась и только потом заметила, что Артур совсем не выглядит довольным результатами. Он долго смотрел на результаты, слишком долго.

После занятий Аэлита заметила, что Артур о чём-то спорит с Максимом. Тихо, почти шёпотом. Она не слышала слов, только отдельные фразы.

— ...слишком быстро...

— ...не должно происходить...

— ...раньше этого не было...

Когда мужчины заметили её, разговор сразу прекратился. Максим улыбнулся так естественно, что стало ещё тревожнее.

Вечером Кай снова принёс свои записи. Сегодня на стол лёг не план центра, а список.

— Что это?

— Все странности, которые произошли за последние дни.

Аэлита пробежала глазами.

• Сон Леи.

• Синхронизация.

• Архив.

• Фотография.

• Проект «Эхо».

• Сообщения в системе.

• Камеры.

Внизу оставалось пустое место.

— Думаешь, список закончится?

Кай покачал головой.

— Думаю, это только начало.

Он перевернул лист. На обратной стороне была ещё одна колонка. Совпадения.

— Что это значит?

— Пока не знаю, но все странности происходят после одного и того же.

— После чего?

— После обновлений системы.

Аэлита нахмурилась.

— Каких обновлений?

— Каждую ночь.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Откуда ты...

— Сегодня проснулся в три часа, вышел в коридор, — никого, а имплант вдруг нагрелся. На секунду.

Она машинально коснулась головы. Ей действительно казалось, что прошлой ночью она ненадолго проснулась, но не придала этому значения.

Они решили проверить. Следующей ночью. Без пяти три. Оба сидели в библиотеке. Официально — читали. Неофициально — ждали. Часы на старом настенном циферблате медленно отсчитывали секунды. 02:59. Кай поднял голову.

— Сейчас.

Три часа. Аэлита ничего не почувствовала. Уже собиралась сказать, что он ошибся. И вдруг… тепло, совсем лёгкое, будто под кожей на мгновение включили крошечную лампу. Оно длилось меньше секунды, но было.

— Было? — шёпотом спросил Кай.

Она медленно кивнула.

— Да...

Они переглянулись. Никто из сотрудников не подходил к ним, никаких приборов рядом не было, но имплант явно что-то сделал. Сам.

На следующий день Артур объявил неожиданную новость.

— С сегодняшнего дня мы вводим обязательный режим обслуживания имплантов.

На экране появилась схема. Каждый вечер. С полуночи до трёх часов. В это время будет проводиться подзарядка, диагностика и проверка сетевых модулей. Внешний поиск и функции межимплантной синхронизации будут временно недоступны.

— Что значит межимплантная синхронизация? — спросил Мирон.

Артур ненадолго задумался.

— Ваши импланты постоянно меняются вместе с вами. Подстраивают декодирование сигналов, уточняют калибровку, проверяют состояние каналов. Чтобы несколько устройств могли участвовать в общих экспериментах, система периодически сверяет их параметры между собой.

— То есть они общаются?

— Устройства — да. Вы — нет. Речь идёт о служебной информации: времени, состоянии модели, калибровке, совместимости. Ни мысли, ни воспоминания таким способом не передаются.

Лея усмехнулась.

— Жаль. Было бы удобно.

Артур почему-то не улыбнулся.

— Поверьте, это было бы гораздо менее удобно, чем вам кажется.

— А отключение имплантов опасно? — спросил Мирон.

— Нет, это обычная техническая процедура.

— Почему раньше её не было?

Артур ненадолго замолчал.

— Мы решили добавить дополнительную защиту.

Кай бросил быстрый взгляд на Аэлиту. Защиту. Или контроль?

— Итак, хочу дать уточнение. Сам имплант не отключается. Ваши индивидуальные медицинские программы продолжат работать локально.

Даниэль поднял голову.

— Даже без связи с системой?

— Да. Распознавание критических состояний и базовая ответная стимуляция не зависят от внешнего поиска или межимплантной синхронизации.

Артур перевёл взгляд на остальных.

— Но часть функций, которые обычно корректируются системой в реальном времени, может работать иначе. Поэтому в эти три часа я прошу ничего специально не проверять.

Мирон нахмурился.

— И что это значит для меня?

— Стимулятор продолжит получать команды. Но движения могут стать тяжелее или менее точными, чем днём. Поэтому ночью ходунки — обязательно. Никаких попыток проверить, насколько хорошо ты можешь обходиться без них.

— Если кто-нибудь почувствует что-то необычное?

— Вызываете дежурного врача. Персонал будет здесь всю ночь. Кнопки вызова и аварийная медицинская система от этого режима не зависят.

Даниэль поднял взгляд.

— Даже если начнётся приступ?

— Твой локальный модуль распознавания и стимуляции продолжит работать. Но если почувствуешь знакомую ауру — сообщи врачу, даже если дальше ничего не произойдёт.

— То есть нам просто спать? — спросила Лея.

Артур улыбнулся.

— Было бы неплохо.

После собрания Лея неожиданно сказала:

— А знаете… мне это даже нравится.

— Что именно? — удивился Мирон.

— Три часа без бесконечного потока информации, будто снова можно побыть обычным человеком.

Все задумались. Последние дни Аэлита настолько привыкла к постоянному присутствию знаний, что мысль о тишине вдруг показалась... приятной. Только Кай выглядел настороженным. Если связь между ними действительно шла через Нейру, интересно, исчезнет ли ночью и она?

Поздно вечером он снова пришёл в библиотеку, на этот раз без схем, без записей. В руках у него была обычная школьная тетрадь, самая дешёвая, в клетку. Он положил её перед Аэлитой.

— Зачем?

— Начни писать.

— Что именно?

— Всё.

Она непонимающе посмотрела на него.

— Мысли, события, разговоры, подозрения, любые мелочи.

— Почему на бумаге?

Он некоторое время молчал, потом тихо сказал:

— Потому что бумага не умеет обновляться.

Эта фраза прозвучала странно, но почему-то очень убедительно. Аэлита медленно открыла первую страницу. Белый чистый лист... она написала дату, затем первую строчку.

«Если однажды я перестану доверять собственной памяти, значит, мне понадобится что-то, чему можно доверять».

Она поставила точку, закрыла тетрадь и не знала, что в этот момент делает первый шаг к собственному спасению.

В это же время Артур просматривал ночные журналы системы. В разделе диагностики появилось новое предупреждение.

Обнаружен внешний аналоговый носитель.

Артур нахмурился.

— Что?..

Такого сообщения раньше не существовало. Он открыл подробности. Пусто. Лишь одна строка.

Цифровая синхронизация невозможна.

Артур медленно откинулся на спинку кресла. Он не понимал, что именно произошло, но впервые за долгое время почувствовал странное облегчение. Если система действительно не может контролировать всё… значит, у человека ещё остаётся место, куда она не способна проникнуть. И он не подозревал, что всего в нескольких сотнях метров от его кабинета Аэлита уже начала вести дневник. Тот самый дневник, который станет самым опасным документом во всём исследовательском центре.

Глава 15. Наблюдатель

Halley's Comet — Billie Eilish

Первая ночь без связи оказалась страннее, чем ожидала Аэлита. Ровно в полночь мир стал... тише. Не исчезли звуки, не пропали мысли. Но исчезло ощущение, что где-то совсем рядом всегда находится бесконечный поток информации. Она лежала в темноте и впервые за много дней не могла мгновенно ответить на любой вопрос, который возникал в голове. И это оказалось удивительно приятно. Спать пока не хотелось. Аэлита вышла за водой. В комнате отдыха горела одна лампа. Даниэль сидел в кресле с книгой на коленях.

— Тоже не спишь?

— Хочу дочитать.

Она налила воды и уже собиралась уйти, когда он вдруг перестал следить за строками, сглотнул, осторожно положил книгу на стол.

— Даниэль?

Он не ответил сразу, достал телефон, посмотрел на время. Аэлита остановилась рядом. Он сидел неподвижно, словно ждал чего-то, что она не могла заметить.

— Позвать врача?

— Подожди…

Прошло несколько секунд. Даниэль медленно выдохнул. Плечи опустились. Он посмотрел на книгу, потом на Аэлиту.

— Металлический привкус. Обычно с этого начинается.

Она вспомнила его голос за дверью операционного блока. «Сначала привкус».

— Сейчас?

— Уже нет.

Он провёл ладонью по лицу. Не улыбался, но напряжение постепенно уходило. Аэлита придвинула стул и села. Некоторое время они молчали.

— Может, модуль сработал, — сказал он наконец.

— Ночью?

— Вот именно.

Аэлита посмотрела на его висок.

— Артур говорил, что медицинская программа может включаться сама.

— Говорил. Только что она делает во время обслуживания, я хочу увидеть в журнале.

Он снова открыл телефон. Набрал несколько слов и показал ей: «00:17. Привкус металла. Дальше не пошло».

— Пока это всё, что я знаю. Может, и само бы прошло.

В голосе всё ещё слышалось облегчение. Он посмотрел на время ещё раз, словно проверял, действительно ли эти несколько минут уже остались позади.

— Я сам спрошу на осмотре. Пока никому, ладно?

— Хорошо.

Даниэль взял книгу. Палец нашёл место, на котором он остановился.

— Ты всё-таки будешь читать?

— Там осталось три страницы.

Аэлита кивнула. Посидела рядом ещё немного, потом пожелала ему спокойной ночи и вышла в коридор.

Тишина в голове никуда не исчезла. Она сделала несколько шагов к своей комнате и остановилась. Совсем забыла.

Кай.

Ещё вечером, после объявления Артура, она подумала, что ночью наконец станет понятно, относится ли их странная связь к тем функциям, которые отключаются вместе с сетью. Теперь сеть не работала. Оставалось проверить вторую половину.

У двери его комнаты Аэлита просто стояла, чувствуя себя глупо. Было далеко за полночь. Если он спал, объяснение *«я пришла проверить, чувствую ли тебя без интернета»* едва ли сделало бы ситуацию менее странной. Она уже собиралась уйти, когда дверь открылась. Кай посмотрел на неё без особого удивления.

— Ты чего здесь стоишь?

— А ты почему не спишь?

— Услышал шаги.

— Очень убедительно.

Он прислонился плечом к дверному косяку.

— Хорошо. Не спалось.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Потом Кай чуть прищурился.

— Ты пришла проверить?

Аэлита даже не спросила что.

— Да.

— Я тоже об этом думал.

От этого почему-то стало неловко сильнее, чем от самого ночного визита.

— И?

— И пока ты стоишь в коридоре, я ничего не понимаю.

Аэлита оглянулась. Коридор был пуст.

— В библиотеку?

Кай кивнул. Они почти не разговаривали по дороге.

Ночью Центр выглядел иначе. Не страшнее — просто пустее. Свет горел только через одну лампу, двери лабораторий были закрыты, за окнами лежала чёрная поверхность двора. Даже вентиляция будто работала тише.

В библиотеке Кай включил только настольную лампу. Жёлтый круг света лёг на стол, оставив шкафы и дальнюю стену в полумраке.

— Ну? — спросила Аэлита.

— Что «ну»?

— Ты у нас специалист по экспериментам.

— С каких пор?

— С дрона.

Он усмехнулся.

— Хорошо. Стой там.

Аэлита осталась у двери. Кай отошёл к противоположному краю комнаты.

— Что-нибудь?

Она прислушалась к себе. Обычно тепло не было чем-то, что можно было специально найти. Оно просто появлялось — иногда едва заметно, иногда так ясно, что его невозможно было спутать ни с чем другим. Сейчас — ничего.

— Нет.

Кай сделал несколько шагов ближе.

— А теперь?

Аэлита покачала головой. Ещё несколько. Она почувствовала это почти сразу. Лёгкое изменение температуры где-то глубже кожи, совершенно не связанное с прохладой комнаты.

— Стой.

Кай остановился.

— Есть?

— Кажется.

Он посмотрел на расстояние между ними.

— Сколько здесь? Метра два?

— Примерно.

— Значит, либо мы сейчас открыли совершенно новый закон физики, либо…

— Не порть момент.

Он улыбнулся, и тепло стало чуть сильнее. Аэлита нахмурилась.

— Подожди.

— Что?

— Сделай ещё раз.

— Что именно?

— То, что ты сейчас сделал.

— Улыбнулся?

— Да.

— Я не лабораторная крыса.

— Кай.

Он демонстративно вздохнул, но уголки губ снова дрогнули, и она почувствовала это: не улыбку, а что-то за ней. Мягкое, спокойное, почти ленивое тепло, которого секунду назад было меньше. Аэлита медленно опустила руки.

— Я чувствую.

Улыбка исчезла.

— Что?

Она не сразу нашла слово.

— Тебя.

Кай больше не шутил. Они стояли неподвижно.

— Сеть отключена, — наконец сказал он.

— Я знаю.

— Поиск не работает.

— Я уже проверяла.

— Артур сказал, что синхронизация тоже.

— Знаю.

Кай посмотрел на неё так, будто именно последнее слово теперь требовало объяснения. Аэлита подошла ближе. Тепло усилилось, стало отчётливее. Она остановилась почти рядом с ним.

— А теперь?

— Что?

— Ты что-нибудь чувствуешь?

— Да.

— То же самое?

— Думаю.

Ей хотелось спросить, что именно означает его «думаю», но Кай сам протянул руку между ними — словно предлагал решить самой. Аэлита посмотрела на его пальцы, потом положила сверху свои. Эффект оказался мгновенным. Тепло прокатилось от ладони вверх, к локтю, плечу, а потом словно разошлось внутри груди. Но теперь в нём было что ещё. Ощущение узнавания, будто какая-то часть её уже знала человека напротив настолько хорошо, что прикосновение лишь подтверждало: да, это он.

Кай едва заметно сжал пальцы.

— Значит, осталось.

Аэлита кивнула. Почему-то ни один из них не убрал руку.

Затем они ещё некоторое время посидели за столом. Сначала пытались рассуждать всерьёз: что именно отключил Артур, почему связь сохранилась, могла ли система просто соврать им. Потом разговор незаметно ушёл в сторону.

Кай рассказал какую-то нелепую историю о том, как однажды три часа просидел в поезде не в том вагоне и заметил это только потому, что человек напротив начал есть его ужин. Аэлита не поверила. Он поклялся, что это правда. Она пыталась доказать, что такого не могло произойти, и впервые за долгое время пожалела, что не может мысленно проверить расписание поездов, устройство вагонов и вообще всё на свете за несколько секунд.

— Тяжело быть обычным человеком? — спросил Кай.

— Ужасно.

— Держись. Осталось всего два часа.

Потом говорить перестали. В библиотеке было тепло. Намного теплее, чем в коридоре. Аэлита устроилась на диване у стены, Кай сел рядом, оставив между ними сначала несколько сантиметров.

Через какое-то время этого расстояния не осталось. Она не заметила, когда именно прислонилась к его плечу. Заметила только, что он не отодвинулся. Тепло теперь было постоянным, настолько спокойным, что Аэлита перестала следить за ним, как перестают замечать звук дождя за окном.

— Если я усну, разбуди меня до трёх.

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Нет.

Аэлита подняла голову.

— Почему?

— Потому что ты сейчас выглядишь так, будто впервые за неделю нормально расслабилась.

Она смотрела на него.

— Ты иногда умеешь говорить хорошие вещи.

— Никому не рассказывай.

— Репутация пострадает?

— Катастрофически.

Последнее, что она помнила, — его плечо под щекой и собственную ладонь рядом с его рукой. Проснулась Аэлита резко. Несколько секунд не могла понять, где находится. Потом увидела тёмные книжные шкафы, настольную лампу и Кая. Он тоже спал. Голова была откинута на спинку дивана. Его ладонь лежала поверх её пальцев — непонятно, кто из них первым так устроился.

Аэлита осторожно посмотрела на часы.

02:47.

Она не пошевелилась. Почти три часа сеть была недоступна. И всё это время тепло никуда не исчезало. Теперь, когда она специально обратила на него внимание, оно ощущалось совершенно отчётливо — тихое, ровное, будто между ними действительно оставалась какая-то невидимая нить, которой было всё равно, подключён Центр к ним или нет. Кай открыл глаза. Не вздрогнул. Просто посмотрел на неё.

— Который час?

— Без тринадцати три.

Он выпрямился.

— И?

Аэлита показала на их руки.

— Всё ещё.

Кай смотрел на переплетённые пальцы.

— У меня тоже.

Они не стали разжимать их. В 02:59 Аэлита уже ждала. Это было почти смешно: двое взрослых людей сидели ночью в пустой библиотеке и смотрели на электронные часы, словно от смены одной цифры зависело что-то огромное.

03:00.

Изменение пришло сразу. Не болью и не звуком. Просто мир снова стал шире. Где-то на краю сознания вернулась привычная возможность обратиться к поиску — ощущение открытой двери, которой ещё секунду назад не существовало.

Аэлита закрыла глаза. Тепло осталось прежним. Ни сильнее. Ни слабее. Она посмотрела на Кая. Он уже смотрел на неё.

— Значит, осталось, — тихо сказал Кай.

Аэлита посмотрела на их руки.

— Получается.

Она почему-то ожидала облегчения. Вместо этого стало только непонятнее.

— Но если сеть отключена…

— Значит, это не обычная синхронизация.

— Или Артур нам не всё рассказал.

— Тоже вариант.

Аэлита усмехнулась, но руку не убрала. Некоторое время они просто сидели рядом. В библиотеке было непривычно тихо. Даже Нейра больше не подсовывала ответы на вопросы, едва они успевали появиться. И именно поэтому один вопрос вдруг показался особенно громким.

— Кай.

— М-м?

— А если это вообще не Нейра?

Он повернул голову.

— Что именно?

Аэлита слегка пошевелила пальцами в его ладони.

— Это.

Тепло откликнулось почти сразу. Кай посмотрел на их руки, потом на неё.

— Ты хочешь спросить, нравишься ли ты мне?

Аэлита замерла.

— Я вообще-то сформулировала гораздо научнее.

— Нет. Ты спросила именно это.

— Ты ужасный человек.

— Зато честный.

Она попыталась вытащить руку, но он не удерживал её — просто разжал пальцы. Почему-то от этого стало ещё более неловко. Аэлита отвернулась к окну.

— Забудь.

— Не могу.

— Очень смешно.

— Я не про память.

Она снова посмотрела на него. Кай уже не улыбался.

— Ты мне нравишься.

Сказал совершенно спокойно, будто речь шла о факте, который он долго проверял и наконец решил больше не оспаривать.

Аэлита молчала.

— Вот так просто?

— А как нужно?

— Не знаю. Хотя бы сделать вид, что тебе трудно это сказать.

— Мне трудно.

— Не похоже.

— Я семь лет тренировался выглядеть так, будто мне всё равно.

Она не удержалась и улыбнулась. Кай посмотрел на неё чуть дольше, чем требовал разговор.

— И ты красивая.

Аэлита моргнула.

— Что?

— Ты слышала.

— Нет, повтори.

— Теперь уже точно нет.

— Кай.

Он покачал головой.

— Поздно.

Она рассмеялась — тихо, чтобы не разбудить остальных. И почти сразу почувствовала тепло. Сильнее прежнего. Где-то под рёбрами. Кай снова протянул ей ладонь. На этот раз Аэлита вложила в неё свою без колебаний. Тепло стало ровнее.

— Знаешь, что меня больше всего раздражает? — спросил Кай.

— В моём характере?

— Список слишком длинный.

Она толкнула его плечом.

— Я серьёзно.

Кай посмотрел на сцепленные пальцы.

— Я не понимаю, где заканчивается она и начинаемся мы.

Аэлита перестала улыбаться. Вот это она понимала слишком хорошо.

— А если никак не проверить?

— Тогда придётся решить самим.

— Что именно?

Он поднял глаза.

— Что считать своим.

Ответ прозвучал настолько просто, что она не сразу поняла, почему сердце вдруг ударило сильнее.

— И что ты считаешь своим?

Кай посмотрел на неё. Тепло между ними стало почти невыносимо отчётливым.

— То, что я считал бы своим и без неё.

— Например?

Он чуть заметно усмехнулся.

— Например, я замечал, что ты красивая, ещё до того, как начал чувствовать это дурацкое тепло.

Аэлита опустила взгляд.

— Это ужасный научный аргумент.

— Другого у меня нет.

— Тогда эксперимент провален.

— Полностью.

После недолгой паузы на осмысление Аэлита спросила:

— Артуру скажем?

— Ты хочешь?

Аэлита вспомнила графики, тесты, взгляд Артура после дрона. Всё, что здесь превращалось в показатель сразу после того, как становилось известным.

— Пока нет.

— Тогда пока нет.

Они ещё несколько секунд сидели молча.

— Кстати, я должен был тебя разбудить.

— Должен был.

— Забыл.

— С твоей идеальной памятью?

— Значит, это было осознанное решение.

Аэлита тихо рассмеялась. На этот раз тепло пришло ещё раньше. Тишина в голове никуда не исчезла. Но теперь она уже не была уверена, что понимает, что именно отключилось в полночь. Она придвинулась ближе. Не специально. По крайней мере, именно это Аэлита сказала себе, когда их плечи соприкоснулись. Кай ничего не сказал. Через несколько минут она уже сидела, поджав ноги, а голова сама собой оказалась у него на плече. Они ещё некоторое время говорили обо всём подряд, но слова становились всё реже. В какой-то момент Аэлита поняла, что Кай лениво проводит большим пальцем по костяшке её руки — одним и тем же движением, почти не замечая этого сам. Она тоже не стала обращать его внимание. Последнее, что Аэлита успела подумать перед тем, как уснуть, было совсем не о Нейре. *Если бы тепло исчезло прямо сейчас, ей всё равно хотелось бы остаться здесь.*

Утром все выглядели бодрее обычного.

— Кажется, я наконец выспалась, — призналась Лея.

— И я, — поддержал Мирон.

Даже Ева кивнула. Артур внимательно слушал. Каждое замечание он сразу заносил в планшет.

— Значит, перерыв в сетевом обмене пошёл на пользу.

Кай сидел молча. Когда Артур закончил запись, он спокойно спросил:

— А что именно вы проверяете?

Артур поднял взгляд.

— Качество сна.

— Только?

— Пока да.

Кай задержал на нём взгляд. *«Пока»*. Потом кивнул, но было видно — он не поверил.

Спустя некоторое время Артур просматривал утренние отчёты, когда в дверь его кабинета осторожно постучали.

— Войдите.

В дверном проёме появился Мирон.

— Не отвлекаю?

— Нет. Что случилось?

Мирон неловко пожал плечами.

— Да, вообще-то… ничего серьёзного.

Он дошёл с ходунками до стула перед столом и сел.

— Просто хотел спросить.

Артур закрыл планшет.

— Слушаю.

— Ночью… когда связь отключили… — Он задумался. — Мне показалось, что ноги стали какими-то… тяжёлыми.

Артур внимательно посмотрел на него.

— Насколько тяжёлыми?

— Не знаю. — Мирон смущённо усмехнулся. — Звучит глупо. Я встал с ходунками, пошёл в туалет и поймал себя на мысли, что иду медленнее обычного, будто тело снова сопротивляется. Не сильно. Но… — Он замолчал. — Будто кто-то убавил громкость.

Артур спокойно спросил:

— Это произошло во время периода автономии?

— Да. К утру стало легче. Я сначала подумал, что просто не выспался.

Артур придвинул планшет.

— Проверим ночные настройки. Скажи, когда ты это заметил?

Мирон задумался, назвал примерное время. Артур записал его.

— Но если всё отключено… почему я вообще мог идти?

— Имплант не выключается целиком. Базовая программа продолжает передавать команды стимулятору. А подстройка с помощью сети ночью недоступна.

— Поэтому ноги тяжелее?

— Это может объяснить разницу. Но нужно проверить, как программа отработала именно у тебя.

Он поднялся из-за стола и подошёл к трёхмерной модели позвоночника.

— Помнишь, как ты пытался сделать первый шаг после операции?

Мирон усмехнулся.

— Такое трудно забыть.

— Ты уже лучше удерживаешь равновесие, переносишь вес. Учишься пользоваться этой связью. Но повреждение никуда не исчезло. И помощь устройства тебе по-прежнему нужна.

Мирон долго смотрел на изображение.

— Значит… это не откат?

— По одному ощущению мы этого не определим. Сегодня проверим ходьбу без сетевой подстройки, здесь, с поддержкой. Если станет трудно — остановимся.

Мирон опустил взгляд на ходунки.

— Я уже думал, можно меньше за них держаться.

— Пока не спеши.

Мирон молча кивнул. Уже у самой двери он вдруг сказал:

— Знаете… я ведь сначала даже не понял, что произошло. — Артур вопросительно посмотрел на него. — Просто… когда ноги снова стали тяжелее… я вдруг разозлился, потому что уже успел забыть, каково это. — Он тихо выдохнул. — Наверное, это хороший знак.

Когда за Мироном закрылась дверь, Артур смотрел ему вслед. Потом сделал короткую запись в журнале наблюдений:

«Во время автономии отмечает тяжесть в ногах. Проверить работу базовой программы и устойчивость без сетевой подстройки. Пациент уже воспринимает ходьбу с поддержкой как привычную возможность».

Он поставил точку, добавил проверку в расписание и позволил себе улыбнуться.

На утреннем занятии участников ждал новый эксперимент. Сегодня им предложили пройти виртуальный лабиринт. Правила были простыми: нужно найти выход. Но сделать это без сетевых подсказок. На время задания поиск отключили.

— Это вообще возможно? — удивилась Лея.

— Именно это мы и хотим выяснить, — ответил Артур.

Аэлита вошла в симуляцию. Первые секунды она уверенно двигалась вперёд, потом остановилась. Девушка поймала себя на мысли, что пытается мысленно обратиться к системе. И… не может. В голове стало непривычно пусто. Она впервые за долгое время почувствовала, насколько быстро привыкла к постоянной помощи импланта. Из лабиринта она вышла последней, и это неприятно удивило. Всего-то убрали готовые ответы. А она несколько раз возвращалась к одному и тому же повороту.

После тестов Максим остановил Кая в коридоре.

— Можно тебя на минуту?

Аэлита машинально замедлила шаг. Они отошли в сторону. Разговор длился меньше минуты. Максим говорил тихо. Кай почти не отвечал. Когда разговор закончился, Максим похлопал его по плечу и ушёл. А Кай стоял неподвижно.

— О чём вы говорили?

Они встретились позже, в библиотеке. Кай долго молчал.

— Он спросил… почему я постоянно считаю камеры.

Аэлита нахмурилась.

— Он знает?

— Думаю, да.

— И что ты ответил?

— Правду.

— Какую именно?

— Что мне скучно.

Она рассмеялась.

— И он поверил?

— Не знаю.

В этот момент в библиотеку вошёл Максим. Аэлита инстинктивно закрыла тетрадь. Максим это заметил, но сделал вид, что нет. Он подошёл к книжному шкафу, долго искал какую-то книгу, потом неожиданно сказал, не оборачиваясь:

— Бумага — хорошая привычка.

Аэлита замерла. Он видел дневник. Максим наконец повернулся. На его лице не было ни угрозы, ни удивления, лишь спокойная усталость.

— Только прячьте его лучше.

Он взял книгу и вышел. Наступила тишина.

— Он… что это сейчас было? — тихо спросила Аэлита.

Кай медленно закрыл дверь библиотеки.

— Вот теперь мне действительно страшно.

— Почему?

— Потому что я не понял, предупредил он нас… или предупредил Артура.

Вечером Аэлита начала внимательнее присматриваться к Максиму. Он вел себя совершенно обычно: поверял оборудование, разговаривал с сотрудниками, иногда смеялся. Но теперь ей казалось, что за каждым его движением скрывается что-то ещё.

Поздно вечером она решила спрятать дневник получше. Подняла матрас. Нет. Слишком очевидно. Шкаф. Тоже нет. Наконец она открыла старый атлас мира, точно такой же, как в кабинете Артура, который взяла в библиотеке, толстый, тяжёлый. Между страницами спокойно помещалась тонкая тетрадь. *«Пусть пока будет здесь»*. Она закрыла книгу и вдруг замерла. Из атласа выпал маленький пожелтевший листок. Он явно не относился к книге. На клочке бумаги карандашом была написана всего одна фраза.

Если ты нашёл это, значит, они ещё не научились искать здесь.

Никакой подписи. Никакой даты. Аэлита почувствовала, как сердце забилось быстрее. Она перевернула листок: с обратной стороны была нарисована крошечная стрелка и одно слово. *«Север»*.

Аэлита показала записку Каю. Тот долго рассматривал её.

— Бумага старая. Очень.

— Значит...

— Значит, кто-то оставил её задолго до нас. — Он задумался. — Атлас. Тоже старый. Его почти никто не берет. Логично.

Она улыбнулась.

— Ты опять строишь теории.

— Нет. На этот раз… — Он осторожно сложил записку. — На этот раз кто-то строил их до нас.

В ту же ночь Максим сидел в маленькой комнате наблюдения. На экране медленно менялись изображения с камер. Жилой корпус. Лаборатория. Коридоры. Библиотека. Он остановил запись. Перемотал назад. На экране появилась Аэлита. Она прятала тетрадь в атлас. Максим тяжело выдохнул. Сначала просто смотрел на запись. Затем открыл служебный журнал. Курсор мигал в пустом поле. Он должен был написать: *«Испытуемый нарушил правила хранения личных вещей»*.

Вместо этого Максим закрыл журнал, удалил запись с камеры и тихо произнёс:

— Не повторяйте наших ошибок...

Он выключил монитор. Не подозревая, что в этот момент автоматическая система уже успела создать резервную копию удаленного файла. Без его ведома.

Глава 16. Север

Записка не давала Аэлите покоя весь день. Она уже десять раз перечитала эти две строчки. Смысл не становился яснее.

После ужина Кай разложил на столе план центра.

— Покажи.

Аэлита осторожно положила записку рядом. Кай неожиданно спросил:

— Ты уверена, что «север» — это направление?

— А что ещё?

Он взял карандаш. Провёл линию по карте.

— Северный жилой корпус. Северный технический тоннель. Северный склад. Северный выход. — Он подчеркнул каждое слово. — Это может быть что угодно.

Они решили начать с самого простого. Библиотека. На старом плане центра, который Кай однажды увидел в кабинете технического персонала, библиотека находилась именно в северном крыле.

— Значит, искать будем здесь.

— Что искать?

— Пока не знаю. Но тот, кто оставил записку, рассчитывал, что мы поймём.

Они начали с книжных полок. Каждую книгу снимали, перелистывали, возвращали на место. Через полчаса Лея заглянула в библиотеку.

— Вы серьёзно читаете ночью?

Кай спокойно ответил:

— Очень скучную книгу.

— Соболезную.

Она пожала плечами и ушла. Только когда дверь закрылась, Аэлита облегчённо выдохнула. Они пока не знали, кому можно доверять, кроме друг друга.

— Нашёл.

Она резко повернулась. Кай держал в руках толстый географический справочник: не атлас — другую книгу. Между страницами что-то лежало: небольшой пожелтевший конверт без подписи. Аэлита осторожно открыла его. Внутри оказался маленький ключ и клочок бумаги. На нём было написано:

Не открывайте все сразу.

Ниже другим почерком, будто написанным позже.

Если нашли ключ, значит вы уже слишком далеко зашли.

Они переглянулись.

— Здесь два человека писали.

— Или один… в разное время.

Ключ оказался старым, совсем не похожим на современные электронные карты. Настоящий металлический ключ.

— Где вообще могли остаться такие замки?

— Там, где никто не рассчитывал, что когда-нибудь придётся что-то прятать.

Следующие два дня они незаметно проверяли весь центр: подсобные помещения, старые шкафы, архив, мастерскую. Ничего. Ключ никуда не подходил.

На третий день Мирон случайно сказал за обедом:

— Кто-нибудь знает, зачем возле теплицы стоит старый сарай?

Аэлита едва не выронила ложку. Она начинает верить в совпадения.

— Какой сарай?

— Да маленький такой. За теплицей. Старый совсем.

Лея рассмеялась.

— Мирон, ты уже исследовал каждый куст?

— Мне скучно.

Он пожал плечами.

— Там даже дверь деревянная.

Деревянная. Аэлита встретилась взглядом с Каем. Оба одновременно подумали об одном и том же.

Ночью они вышли из жилого корпуса. Теплица находилась почти у самого забора. За ней действительно стояло маленькое строение, словно оставшееся от старого комплекса. Его легко можно было не заметить. Дверь оказалась закрыта. Кай достал ключ. Металл тихо звякнул. Замок повернулся без усилий. Они медленно вошли внутрь.

Это оказался не сарай, а старая мастерская. На полках лежали инструменты. Пыль покрывала всё толстым слоем, будто сюда не заходили много лет.

— Смотри.

Аэлита подошла к верстаку. На деревянной поверхности кто-то вырезал ножом слово.

«Живите».

Ниже. Ещё одна надпись. Почти стертая.

«Не...»

Остальное было срезано.

Кай внимательно осматривал помещение.

— Здесь что-то не так.

— Что?

— Пыль.

— И?

— На полу её меньше.

Он присел, провёл рукой. Под одним из шкафов виднелись свежие царапины.

— Помоги.

Они вместе сдвинули тяжёлый металлический шкаф. За ним оказалась небольшая ниша. В ней стояла герметичная металлическая коробка без замка и без маркировки.

Аэлита медленно открыла крышку. Внутри лежали кассетный диктофон, несколько аудиокассет и стопка фотографий. Она осторожно взяла верхнюю. Те же семь человек. Проект «Эхо». Но теперь они не улыбались. Фотография была сделана позже. Кресла стояли теснее, чем на первом снимке. Голова одного из мужчин лежала на высокой опоре. Женщина рядом смотрела мимо объектива. Лица казались измученными, испуганными, а на заднем плане… Она почувствовала, как по спине пробежал холод. За ними стоял Артур, но его лицо выражало не гордость, а отчаяние.

Кай тем временем рассматривал кассеты. На каждой был написан день.

День 19.

День 24.

День 31.

Других не было.

— Почему только эти?

— Не знаю.

Аэлита взяла диктофон. Он оказался тяжелее, чем выглядел. Настоящий механический. Она нажала кнопку воспроизведения. Ничего.

— Батарейки сели.

Кай перевернул устройство и открыл крышку. Пусто. Батареек не было вообще. Он медленно посмотрел на Аэлиту.

— Их специально вынули.

Они быстро сложили всё обратно. Забирать ничего не стали. Только сфотографировали кассеты и снимки. Перед уходом Аэлита ещё раз посмотрела на вырезанное в дереве слово.

«Живите».

Почему именно оно? Не «бегите», не «спасайтесь», не «боритесь»… Живите. Словно тот, кто оставил это послание, уже понимал: однажды главным испытанием станет не побег, а сохранение самого себя.

Когда они уже подходили к жилому корпусу, в темноте неожиданно раздался голос.

— Красивое место, правда?

Они резко обернулись. Максим. Он стоял у дорожки, держа в руках фонарь. Никто не двигался.

— Что вы здесь делаете? — спокойно спросил он.

Кай незаметно сделал шаг вперёд, словно закрывая собой Аэлиту. Максим заметил это и грустно улыбнулся.

— Не бойтесь. Если бы я хотел вас остановить… я бы пришёл не один.

Наступила долгая тишина. Потом Максим произнёс фразу, после которой у Аэлиты внутри всё похолодело.

— Если найдёте кассеты… не слушайте их здесь.

Он развернулся и ушёл, оставив их одних. Вернувшись в кабинет, Максим открыл старый металлический шкаф. Внутри лежала такая же фотография проекта «Эхо». Он долго смотрел на лица людей, а затем перевернул снимок. На обратной стороне было написано:

«Не позволяй им услышать последнюю запись, пока они не узнают, что было до неё».

Максим закрыл глаза.

— Простите… — прошептал он. — На этот раз я опоздал меньше.

Максим уже однажды потерял этих людей и теперь отчаянно пытался не потерять новых.

Глава 17. Три часа

— Не слушайте их здесь.

Эти слова не выходили у Аэлиты из головы. Она повторяла их снова и снова, словно пыталась найти скрытый смысл. Здесь. Не никогда. Не не открывайте. Именно здесь. Значит… есть место, где можно.

На следующий день Артур объявил изменения в расписании.

— Сегодня предварительная диагностика начнётся в половине двенадцатого. Сетевой обмен отключится, как обычно, в полночь и восстановится в три.

Максим удивлённо посмотрел на него.

— Почему?

— Хотим проверить стабильность новой версии системы.

Он сказал это спокойно, но Кай заметил, как Артур машинально потёр переносицу. Он нервничал… совсем немного, но нервничал.

На плановом осмотре Даниэль попросил открыть журнал за первую ночь обслуживания. Положил рядом телефон со своей заметкой.

00:17.

Врач выделил короткий участок записи.

— Здесь распознана характерная активность. Следом — ответная стимуляция. После неё активность прекратилась.

Даниэль сверил дату и время. Всё совпадало. Он сохранил только этот фрагмент. Позже он показал его Аэлите.

— Значит, тогда сработал модуль?

— Да. Врач проверил запись.

Он задержал взгляд на экране. Тогда, ночью, ему снова пришлось ждать, что будет дальше. Теперь у этого ожидания появился конец — короткая отметка в журнале.

— Каю можешь рассказать. И показать это. Остальное я сам.

Он передал ей копию выделенного фрагмента. Аэлита кивнула. Кай нашёл её после занятий.

— Сегодня ночью.

— Что?

— Проверим кое-что.

— Кассеты?

— Нет. — Он покачал головой. — Пока нет. Сначала нужно понять… что именно происходит во время зарядки.

Без пятнадцати двенадцать они встретились в библиотеке. Свет уже был приглушен. Большинство участников спали. Лея пожелала всем спокойной ночи ещё час назад. Мирон жаловался, что снова проиграл Ноэлю в математическую головоломку. Все выглядело совершенно обычно. Если не знать, что они собираются делать.

— Готова?

Аэлита кивнула. Они устроились за столом. Когда до полуночи осталась минута, Кай достал маленький блокнот.

— Как только почувствуешь отключение… записывай всё, даже если покажется глупостью.

Она открыла чистую страницу дневника. Полночь. Тихий сигнал. Едва ощутимое тепло под кожей. Потом… тишина, настоящая. Она застыла. Аэлита уже знала эту тишину по предыдущим ночам, но каждый раз прислушивалась заново. Не было ощущения бесконечного при-

сутствия информации, не было привычной уверенности, что ответ находится в одном мысленном движении. Только она сама и собственные мысли. Это оказалось неожиданно… красиво.

— Чувствуешь? — тихо спросил Кай.

— Да.

— Что именно?

— Себя.

Он впервые за долгое время улыбнулся по-настоящему.

— Именно.

Аэлита показала Каю фрагмент журнала. Сказала, что Даниэль разрешил передать его, и коротко рассказала о первой ночи. Он читал молча.

— В семнадцать минут первого, — Кай посмотрел на время. — Уже после отключения поиска.

— Но модуль Даниэля сработал.

— Не просто сработал. — Кай провёл пальцем по строке. — Система распознала начало приступа, дала стимуляцию, и активность прекратилась.

Аэлита снова посмотрела на экран.

— Значит, Артур говорил правду. Медицинские программы ночью не отключаются.

— По крайней мере, эта — точно.

— И у Мирона базовая стимуляция оставалась. Просто без сетевой подстройки ему было тяжелее идти.

— Тогда уже два примера.

Он взял блокнот и провёл посередине страницы черту.

— Значит, разделяем. Вот это мы знаем: сетевой поиск ночью недоступен. Медицинская помощь продолжает работать локально. Часть сетевой подстройки исчезает.

— А остальное?

Кай посмотрел на неё.

— Остальное мы пока только предполагаем.

— Камеры?

— Не знаем.

— Записывает ли система то, что происходит ночью?

— Не знаем.

— Что она делает с нашими данными?

— Тоже.

Аэлита нахмурилась.

— То есть окно не делает нас невидимыми.

— Именно. Оно просто отключает некоторые функции. Какие именно — нам пока рассказали только частично.

Она записала это отдельно.

00:17. Медицинский модуль Даниэля работает автономно. Ночное окно ≠ отключение Нейры.

Следующий час они почти не разговаривали. Просто сидели, читали бумажные книги, пили чай, иногда что-то записывали. Впервые за много дней Аэлита заметила, насколько медленно идут мысли без привычных подсказок; раньше это раздражало бы, теперь — успокаивало.

— Есть одна вещь, — сказал Кай.

Аэлита подняла голову от книги.

— Какая?

— Попробуй вспомнить что-нибудь старое. До операции.

— Я и так помню.

— Не факт.

Она нахмурилась.

— А что тогда?

Кай ненадолго задумался.

— Как это ощущалось.

Аэлита закрыла глаза. Первым почему-то снова пришёл жасмин. Она уже вспоминала его во время теста с карточками. Тогда всё было просто: ветка, чай, кухня, мама. Она знала, что это происходило. Знала, что мама любила жасминовый чай и часто напевала, пока готовила. Но сейчас воспоминание пришло иначе. Сначала запах. Сладковатый, тёплый, слишком крепкий — мама всегда держала пакетик дольше, чем нужно. Потом солнечная полоска на краю стола. Шероховатая ручка старой кружки под пальцами. Скрип двери на кухню. А потом голос. Не слова и даже не мелодия целиком. Только несколько нот, которые мама почти всегда напевала неправильно. Аэлита открыла глаза.

— Странно.

— Что?

— Я всё это помнила и раньше. — Она попыталась подобрать слова. — Но по-другому, как будто знала содержание воспоминания. Мама. Кухня. Жасминовый чай. Всё было на месте. Но сейчас оно… развернулось.

Кай внимательно смотрел на неё.

— Стало подробнее?

— Не совсем. — Аэлита покачала головой. — Живее.

Она снова закрыла глаза, боясь потерять ощущение.

— После операции я стала гораздо лучше запоминать то, что происходит сейчас. Карточки, разговоры, детали — всё остаётся почти идеально. Но старые воспоминания… я могу назвать, что было. А сейчас впервые за долгое время вспомнила, каково было там находиться.

Кай медленно кивнул.

— Попробуй ещё что-нибудь.

Аэлита вспомнила квартиру. Не адрес — его она и так знала. Не количество комнат. Не цвет стен. Холодный пол босыми ногами утром. Соседский телевизор за стеной. Запах пыли от батареи зимой. Она открыла глаза.

— Получается.

— У меня тоже, — тихо сказал Кай.

Некоторое время они молчали. Потом Аэлита посмотрела на лежащий рядом блокнот.

— Но почему?

Кай провёл пальцем по краю страницы.

— Может быть, когда сеть работает, она слишком быстро даёт мозгу готовый ответ.

— Вместо того чтобы я вспоминала сама?

— Не вместо. — Он задумался. — Скорее раньше тебя.

Аэлита нахмурилась. Это ей не понравилось. Она записала:

Новая информация — сохраняется лучше. Старые факты — доступны. Старые ощущения — ярче без сетевого потока.

— Значит, Нейра не помогает мне помнить всё одинаково.

— Похоже на то.

— Тогда вопрос не в том, помню ли я прошлое.

Кай поднял глаза.

— А в чём?

Аэлита посмотрела на страницу.

— В том, что именно она оставляет от воспоминания.

После этого оба замолчали. Если без сетевого потока прошлое становилось не точнее, а живее, оставался другой вопрос: что происходило с ним, когда сеть возвращалась?

Около половины второго Аэлита вышла за водой. В коридоре её взгляд задержался на чёрной точке в углу зеркальной рамы. Никакого огонька рядом не было. Она вернулась к Каю.

В два часа ночи дверь библиотеки неожиданно открылась. Максим. Он застыл на пороге, увидел их, затем медленно закрыл дверь за собой.

— Не спится?

— Читаем.

Максим посмотрел на бумажные книги, потом на блокнот Аэлиты. Он прекрасно понимал, чем они занимаются, но неожиданно сказал совсем другое.

— Через час связь восстановится. Спрячьте записи заранее.

Он развернулся и снова направился к выходу.

— Максим!

Он остановился. Кай поднялся.

— Почему вы нам помогаете?

Долгое молчание. Максим стоял спиной.

— Потому что… — он тяжело выдохнул, — когда-то никто не помог им.

Он ушёл. На этот раз окончательно.

Ровно в три часа тепло вернулось резко, будто кто-то снова включил свет. Аэлита почувствовала знакомое присутствие системы. Информация снова оказалась рядом, но теперь… она уже знала разницу и не могла сделать вид, что ничего не произошло.

Утром Артур выглядел непривычно задумчивым. Во время завтрака он внимательно наблюдал за участниками. Особенно за Аэлитой. Особенно за Каем.

— Как спалось?

— Хорошо, — ответила Лея.

— Отлично, — сказал Мирон.

— Замечательно, — улыбнулся Ноэль.

Артур кивнул. Затем посмотрел на Аэлиту.

— А тебе?

Она уже собиралась ответить, но вдруг заметила странную вещь. Артур не ждал слов. Он внимательно следил за выражением её лица, словно ответ был ему уже известен.

— Нормально.

Она специально сказала спокойно. Артур смотрел на неё, потом улыбнулся.

— Рад слышать.

После завтрака Кай неожиданно остановился возле большого зеркала в коридоре.

— Что?

Он ничего не ответил, только указал глазами на потолок. Аэлита медленно подняла взгляд. В углу зеркальной рамы находилась крошечная чёрная точка. Камера. Но не это заставило её замереть. Рядом с камерой горел маленький зелёный индикатор. Когда Аэлита выходила за водой, индикатор не горел. Сейчас — горел.

— Она отключается во время зарядки?.. — едва слышно спросила Аэлита.

Кай посмотрел на чёрную точку.

— Индикатор гаснет. Что происходит с записью, мы ещё не знаем.

— Значит, Максим…

— Знал, что здесь нельзя слушать, но это не обещание, что ночью можно везде.

Аэлита снова посмотрела на камеру. Три часа тишины больше не казались полным исчезновением системы. Медицинский модуль Даниэля работал. Эта камера меняла режим — или только переставала показывать, что работает. Им предстояло узнать, чем можно пользоваться и чему пока нельзя доверять.

Поздно вечером Артур вошёл в помещение серверной. На главном экране отображалась статистика ночной диагностики. Все показатели были в норме, кроме одного.

Испытуемые №1 и №2

Во время периода обслуживания уровень самостоятельной нейронной активности увеличился на 47%.

Артур долго смотрел на цифры, потом тихо произнёс:

— Вы начинаете понимать...

Он не договорил, потому что на экране сама собой появилась новая строка.

Автономное мышление не является ошибкой.

Артур медленно отступил от монитора. В той части кода, которую он писал сам, этой фразы не было, и впервые за всю историю проекта он выключил экран не из-за усталости, а потому, что испугался прочитать следующую строку.

Глава 18. Сомнения

Первой пришла Ева. Она вошла в библиотеку поздно вечером, когда Аэлита уже собиралась уходить.

— Можно?

Аэлита закрыла дневник.

— Конечно.

Ева села напротив и неожиданно спросила:

— Ты когда-нибудь чувствовала, что помнишь событие… которого не было?

Аэлита медленно подняла голову.

— Почему ты спрашиваешь?

Ева посмотрела на собственные руки.

— Сегодня во время учебной операции… — Она замолчала, будто сама не понимала, как объяснить. — Я знала, что уже проводила такую процедуру до мельчайших деталей, но потом проверила архив. Я никогда её не проводила.

Наступила тишина.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Она подняла взгляд.

— Тогда откуда это воспоминание?

На следующий день странность произошла с Мироном. Во время тренировки он неожиданно остановился возле большого окна.

— Что такое?

Лея подошла первой. Он нахмурился.

— Я знаю этого человека.

За стеклом шёл пожилой техник. Лея пожала плечами.

— Ну и что?

— Я знаю, как его зовут.

— Откуда?

— Не знаю… — Он растерянно потёр висок. — Просто знаю.

Через несколько минут техник действительно представился.

— Николай Петрович.

Мирон побледнел. Имя оказалось верным, хотя они никогда раньше не разговаривали.

Позже Аэлита встретила Кая у зеркала в коридоре. Он снова смотрел на угол рамы.

— Проверяй его утром, когда проснёшься. Нужно понять, всегда ли индикатор возвращается в одно время.

— Уже и в зеркало по расписанию? — Лея остановилась рядом, поправляя волосы.

Аэлита улыбнулась, достала дневник и быстро записала несколько слов. Кай придержал тетрадь, пока она убирала ручку. Потом они пошли в столовую.

Лея задержалась у зеркала. Она достала из кармана небольшую косметичку, открыла тушь и осторожно подкрасила ресницы. За последние недели это стало одним из немногих утренних занятий, которые она не собиралась менять ни ради экспериментов, ни ради бесконечных обследований. Иногда приходилось торопиться, иногда краситься почти на ходу, но Лея упрямо продолжала делать это каждое утро.

— Вам ведь известно, что здесь установлены камеры?

Лея обернулась. В нескольких шагах стоял Максим с папкой документов под мышкой.

— Правда? — Она изобразила удивление. — А я-то думала, почему у нас такая прекрасная система безопасности.

— Я просто хотел предупредить.

— Что мой макияж попадёт в научный отчёт?

Максим растерялся.

— Нет, конечно.

— Жаль. Может, хоть так внесу свой вклад в развитие науки.

Она снова повернулась к зеркалу и аккуратно поправила стрелку у внешнего уголка глаза. Максим уже собирался пройти мимо, но почему-то задержался.

— Вы каждый день краситесь? — спросил он.

Лея посмотрела на него через отражение.

— А вы каждый день замечаете?

— Я… нет. Просто…

Он осёкся. Лея медленно повернулась.

— Максим, вы сейчас смутились?

— Нет.

— Уверены?

— Совершенно.

Она с трудом удержала улыбку.

— Хорошо. Тогда скажите, ровно получилось?

Максим посмотрел на неё, явно не понимая, чего именно от него требуют.

— Что?

— Стрелки. — Лея указала на глаза. — У меня никак не получается сделать их одинаковыми.

Он осторожно наклонил голову, рассматривая её лицо.

— Левая чуть длиннее.

Лея моргнула.

— Надо же. А вы наблюдательнее, чем я думала.

— Вы сами спросили.

— Спросила. Просто не ожидала такой точности.

Она поправила макияж, снова посмотрела в зеркало и повернулась к нему.

— Теперь?

— Теперь одинаково.

— Отлично. Спасибо.

Максим кивнул и наконец сделал шаг в сторону коридора.

— Хотя, — неожиданно добавил он, — по-моему, вам и без них хорошо.

Лея замерла с тушью в руке.

— Без стрелок?

Он вдруг понял, что произнёс.

— Я имел в виду… не в том смысле, что вам не стоит краситься. Просто…

— Максим.

Он замолчал.

— Вы сейчас совершенно покраснели.

— Лея…

— Нет, подождите. Мне даже интересно, что вы скажете дальше.

Максим открыл рот, но ничего не произнёс. Она рассмеялась.

— Ладно, не буду вас мучить. Тем более это был очень милый комплимент.

— Я не…

— Не комплимент?

— Комплимент, — неожиданно признал он.

На этот раз Лея перестала улыбаться первой. Всего на секунду.

— Тогда спасибо, — ответила она уже без привычной насмешки.

Максим коротко кивнул, перехватил папку поудобнее и направился к лестнице. Лея проводила его взглядом, затем снова посмотрела в зеркало. Обе стрелки действительно были одинаковыми. Она убрала тушь в косметичку и улыбнулась собственному отражению.

— Надо же, — пробормотала она. — А я думала, он вообще ничего не замечает.

После этого Лея закрыла косметичку и пошла догонять остальных. Даниэль стал раздражительным. Любой шум выводил его из себя. Во время обеда он неожиданно резко встал.

— Хватит.

Все удивлённо посмотрели на него.

— Что случилось?

— Вы… — Он тяжело дышал. — Вы слишком громко думаете.

Наступила тишина. Даже Артур замер. Даниэль словно очнулся.

— Простите… я… не знаю, почему так сказал.

Когда он вышел из столовой, Аэлита догнала его.

— Это было как тогда, ночью?

Он покачал головой.

— Нет. Тогда я знал, что чувствую. А сейчас… будто в голове чужой разговор. Только никто не открывает рта.

Она не стала расспрашивать дальше. Он сам не понимал, что с ним происходит.

Лея перестала смеяться. По-настоящему. Она продолжала шутить, продолжала улыбаться, но Аэлита начала замечать… улыбка появлялась слишком быстро и исчезала сразу после того, как люди отворачивались.

— Ты тоже видишь?

Вечером Кай стоял возле окна. Аэлита подошла ближе.

— Что именно?

— Они меняются.

Она молча кивнула. Теперь это было невозможно отрицать. Тем же вечером они впервые решили рассказать часть правды. Не всю. Только то, что уже невозможно было объяснить случайностью. Собрались в библиотеке. Лея пришла последней и остановилась в дверях.

— Вы меня уже пугаете. Почему все такие серьёзные?

Никто не ответил. Кай положил на стол фотографию проекта «Эхо». Улыбка исчезла с её лица. Мирон первым придвинул снимок ближе.

— Это кто?

— Люди, которые были здесь до нас, — сказал Кай.

— До нас — это когда?

— Примерно пятнадцать лет назад.

Ева тоже наклонилась над фотографией.

— Здесь?

— В этом проекте или в его предыдущей версии.

— Откуда у вас это?

Кай на секунду задержался.

— Мы нашли архив.

Даниэль резко поднял голову.

— Какой архив?

— Закрытый.

В комнате стало тихо. Мирон посмотрел сначала на Кая, потом на Аэлиту.

— Подождите. Вы хотите сказать, что всё это время ходили по каким-то закрытым помещениям?

— Не всё время, — сказала Аэлита.

— Очень успокаивает.

Кай достал вторую фотографию, позднюю. После неё шутки закончились сами собой. На первом снимке семеро стояли близко друг к другу, кто-то смеялся, кто-то смотрел мимо камеры. На втором лица были другими. Не старше — прошло слишком мало времени. Просто будто из них исчезло что-то, что на первом снимке ещё было. Ева медленно выдохнула.

— Господи…

Лея долго смотрела на фотографию.

— Они похожи на нас.

Никто не ответил. Она перевела взгляд на Аэлиту.

— Когда вы это нашли?

Аэлита почувствовала, что Кай рядом чуть напрягся.

— Несколько дней назад.

Лея моргнула.

— Несколько дней?

— Лея…

— Нет, подожди. — Она даже не повысила голос. От этого стало только хуже. — Вы несколько дней знали, что до нас здесь были ещё семь человек, с которыми что-то произошло, и просто ничего не сказали?

— Мы не знали, что именно произошло, — ответил Кай.

— Сейчас тоже не знаете.

Он промолчал. Мирон откинулся на спинку кресла.

— А я всё думал, куда вы постоянно исчезаете.

— Мы сначала хотели понять, есть ли вообще что рассказывать, — сказала Аэлита.

— Фотография семи предыдущих участников — это уже что рассказывать, — заметила Ева.

В её голосе не было злости. Только неприятное спокойствие.

— Если здесь существует риск для всех нас, решение о том, хотим ли мы о нём знать, должно принадлежать не только вам двоим.

Аэлита опустила взгляд. Эта фраза попала слишком точно.

— Мы не хотели втягивать вас, пока сами ничего не понимали.

— Вот это мне не нравится ещё больше, — сказал Даниэль.

Все посмотрели на него. Он сидел, сложив руки на груди.

— Мне всё равно, что вы начали вдвоём. Мне не всё равно, что вы решили за остальных, во что нас стоит втягивать.

— Я никому не доверял, — сказал Кай.

Просто. Без попытки смягчить. Лея коротко усмехнулась.

— Спасибо. Очень приятно.

— Я и себе не особенно доверял.

— Это уже лучше, — пробормотал Мирон.

Аэлита посмотрела на Кая.

— Это было не только его решение.

Он повернулся к ней.

— Аэлита…

— Нет, не надо сейчас брать всё на себя.

По комнате пробежали шепотки «ну, конечно». Все догадывались, что Кай таскается за девчонкой не просто так. Аэлита снова посмотрела на остальных.

— Я тоже согласилась молчать. Сначала потому, что думала: мы можем ошибаться, потом потому, что стало страшно. Если мы правы, то любой, кого мы втянем, оказывается в той же опасности.

Лея ответила почти сразу:

— А ты не подумала, что мы уже в ней?

На это Аэлита не нашла ответа. Потом Ноэль, до сих пор молчавший, взял первую фотографию.

— Можно?

Кай подвинул её к нему. Ноэль долго рассматривал снимок, прочитал надпись на обороте.

— Вообще-то я понимаю, почему они не сказали сразу.

Лея повернулась к нему.

— Серьёзно?

— У них была фотография. Это ещё не объяснение.

— Спасибо, Ноэль.

— Я не сказал, что они правильно сделали.

Он поднял вторую фотографию.

— Я сказал, что на их месте тоже сначала попытался бы проверить.

Вот теперь Лея раздражённо выдохнула.

— Вы все невозможные.

Но напряжение немного спало. Затем Аэлита достала записку и ключ. Вещи одна за другой ложились на стол. Про кассеты они, не сговариваясь, пока решили не рассказывать. Когда Аэлита закончила, Мирон спросил:

— И что теперь?

— Пока мы знаем только одно, — сказала Аэлита. — До нас здесь уже был эксперимент. Семь человек. Артур был с ними. И кто-то очень постарался, чтобы о них ничего нельзя было найти.

— И вы думаете, с нами делают то же самое? — спросила Ева.

— Не знаю.

— Но допускаете, — проговорил Даниэль. Он вспомнил об Алексее Громове. Нетрудно было догадаться. Теперь он потянул к себе фотографию, потом лежащую рядом копию списка. — Так вот зачем вы тогда про него спрашивали.

Никто не ответил. Он снова посмотрел на снимок.

— Вы уже тогда знали, что он был связан с этим проектом?

— Мы знали только, что нашли его имя среди семи участников, — сказала Аэлита.

— И решили мне об этом не говорить.

Это прозвучало без обвинения, почти спокойно. От этого стало только неприятнее. Кай выдержал его взгляд.

— Да.

Даниэль коротко кивнул.

— Понятно. — Но по его лицу было ясно, что как раз теперь ему стало понятно слишком многое. — Мой отец рассказывал о человеке, которого искала половина страны. А вы всё это время знали, где он провёл последние месяцы перед исчезновением.

— Мы не знали, что произошло потом, — сказала Аэлита.

— Я понимаю.

Даниэль поднял взгляд.

— Я просто теперь лучше понимаю, насколько давно вы двое решили, что остальные пока не должны ничего знать.

Кай кивнул. Лея всё ещё смотрела на фотографии.

— Знаете, что меня больше всего бесит?

Аэлита ожидала чего угодно.

— Что?

— Что, если бы вы сказали мне об этом три дня назад, я бы, скорее всего, решила, что вы сошли с ума.

Мирон тихо рассмеялся. Даже Ева улыбнулась.

— А сейчас? — спросила Аэлита.

Лея посмотрела на позднюю фотографию.

— Сейчас я уже не уверена.

Ноэль отложил снимок.

— А я пока уверен.

Все посмотрели на него.

— В чём?

— Что это ничего не доказывает.

Лея почти с облегчением ткнула в его сторону пальцем.

— Вот. Наконец хоть один нормальный человек.

Ноэль нахмурился.

— Я не сказал, что Центр ни при чём. Эксперимент мог закончиться неудачно. Документы могли убрать, потому что не хотели пугать следующих участников.

Кай спокойно посмотрел на него.

— Тогда почему их не просто закрыли? Почему из них вырезали страницы?

Ноэль не ответил. В этот момент дверь библиотеки открылась. Все резко замолчали. Максим остановился на пороге. Его взгляд прошёлся по лицам, потом по разложенным на столе фотографиям.

— Через пять минут библиотека закрывается.

Он уже собирался уйти, но задержался. Никто не пошевелился.

— Не все тайны одинаково опасны.

Дверь за ним закрылась.

Лея посмотрела на остальных.

— Это сейчас была угроза?

— Не знаю, — сказал Кай.

Аэлита медленно собрала фотографии.

— Или предупреждение.

Позже ночью Аэлита сидела в своей комнате. Дневник лежал раскрытым. Она долго смотрела на чистую страницу, потом начала писать.

«Сегодня мы впервые рассказали остальным часть правды. И впервые мне стало страшно не за себя. Если мы ошибаемся, мы разрушим доверие между людьми. Если мы правы — времени остаётся всё меньше».

Она поставила точку, закрыла тетрадь и вдруг почувствовала странное желание проверить предыдущие записи. Она быстро пролистала страницы, замерла. Среди предыдущих заметок нашлась короткая строчка, написанная её почерком.

«Не забывай смотреть в зеркало после пробуждения».

Аэлита похолодела. Она не помнила, чтобы писала это. Совсем. Она внимательно рассмотрела запись. Чернила были такими же, как в остальных заметках. Тот же наклон букв. Та же манера писать. Это действительно был её почерк, но память молчала.

Это написала она. Но самого момента не существовало. Аэлита закрыла глаза, попыталась вспомнить: стол, ручка, открытый дневник — ничего. Она вернулась чуть раньше. Обед. Разговор. Лея что-то сказала. Кай был рядом. А потом — пустота. Не чёрная дыра и не ощущение потерянного времени. Хуже. Память просто утверждала, что ничего не произошло. По спине прошёл холод. Аэлита резко встала. Стул ударился о край кровати.

К Каю.

Мысль возникла мгновенно, без сомнений и без привычного вопроса, стоит ли беспокоить его ночью. Она схватила дневник и пошла к двери, открыла и едва не столкнулась с ним. Кай стоял в коридоре. Они просто смотрели друг на друга.

— Ты…

— Что случилось?

Он сказал это сразу. Не «почему не спишь». Не «куда собралась». Аэлита сильнее прижала тетрадь к груди. Она оглядела коридор и, схватив его за руку, завела в комнату и закрыла дверь. От камер. Затем посмотрела ему в глаза.

— Откуда ты знаешь, что что-то случилось?

Кай нахмурился.

— Не знаю.

— Очень полезный ответ.

— Аэлита.

Теперь она заметила, что он действительно напряжён. Не так, как обычно, когда высматривает камеру или прислушивается к шагам. Иначе, будто испугался.

— Я был у себя, — сказал он. — И вдруг…

Он замолчал.

— Что?

— Стало страшно.

Она перестала дышать на секунду. Кай продолжил уже тише:

— Не мне.

— Ты уверен?

— Нет.

— Тогда почему пришёл ко мне?

Он посмотрел на неё так, словно ответ был очевиден.

— А к кому ещё?

Что-то внутри болезненно сжалось — и почти сразу отозвалось знакомым теплом. Кай почувствовал тоже. Аэлита поняла по тому, как он едва заметно выдохнул. Но сейчас это было не главным. Она раскрыла дневник.

— Смотри.

Кай перевёл взгляд на страницу, прочитал. Его лицо изменилось. Совсем немного, но Аэлита заметила.

— Что?

Он не ответил.

— Кай.

— Я помню зеркало.

Она почувствовала, как пальцы сильнее сжали край тетради.

— Что именно?

— Я говорил тебе проверить индикатор утром.

— Когда?

— Вчера.

— Я этого не помню.

Кай поднял глаза. Аэлита ждала, что он сейчас скажет что-нибудь успокаивающее: что она устала, что разговоров было слишком много, что такое бывает. Он не сказал. И именно поэтому стало страшнее.

— Дальше, — потребовала она.

— Ты достала дневник.

— И?

— Что-то записала.

— Это?

Кай снова посмотрел на строчку.

— Похоже.

— «Похоже»?

— Я не стоял над тобой и не читал через плечо. Я помню, зачем ты открыла дневник. Помню, что ты записывала про зеркало.

Аэлита медленно села на край кровати. Кай остался у двери.

— То есть это правда была я.

— Скорее всего.

— Не «скорее всего». Ты видел.

— Я видел, как ты писала.

— Тогда почему я этого не помню?

Он ничего не ответил. Аэлита провела пальцем по строчке. Почерк не изменился от прикосновения.

— Самое странное знаешь что? Там нет ощущения провала.

Она постучала пальцем по виску.

— Когда я раньше забывала, я хотя бы понимала, что потеряла кусок. Было чувство пустого места. А здесь его нет. Если бы я не увидела запись, я бы никогда не узнала, что что-то забыла.

Кай медленно сел рядом. Не слишком близко. Но и не на другом конце комнаты. Ладонь ещё чувствовала её тепло.

— Это хуже.

— Спасибо.

— Ты хотела, чтобы я соврал?

— Нет.

Аэлита снова посмотрела на него.

— Ты правда почувствовал меня из своей комнаты?

— Если это была ты.

— А кто ещё мог так тебя напугать?

Кай чуть усмехнулся, но улыбка сразу исчезла.

— Я не услышал мысль, если ты об этом.

— А что?

— Представь, что тебе внезапно становится страшно, хотя секунду назад всё было нормально. Ты ещё не понимаешь почему, но точно знаешь, что это чувство… не подходит тебе.

— Чужое?

— Да.

— И ты понял, что моё?

Кай посмотрел на неё.

— Я узнал.

Это прозвучало почти слишком просто. Аэлита опустила глаза. После той ночи в библиотеке они уже знали, что связь не исчезает вместе с сетевым обменом. Знали, что прикосновение усиливает её, что иногда настроение одного отзывается в другом. Но «узнал» было чем-то новым.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Допустим. Ты помнишь разговор. Я — нет. Что нам это даёт?

— Пока ничего.

— Очень обнадёживает.

— У нас две памяти. Твоя говорит, что разговора не было. Моя — что был.

Аэлита повернулась к нему.

— И откуда мы знаем, что правильная твоя?

Кай замер. Она увидела момент, когда он понял.

— Никак.

— Вот именно.

В дверь её памяти уже однажды кто-то вошёл так аккуратно, что даже не оставил следа. Что мешало сделать то же самое с Каем?

— Там была Лея, — вдруг сказал он.

Аэлита подняла голову.

— Что?

— Не всё время. Но, кажется, когда ты писала, она была рядом.

— «Кажется»?

— Теперь я уже не доверяю даже этому слову.

Аэлита невесело усмехнулась.

— Прекрасно.

Кай посмотрел на часы.

— Завтра спросим её.

— Не рассказывая сначала, что помним сами.

Он кивнул.

— Именно.

Аэлита закрыла дневник и только теперь поняла, что руки всё ещё слегка дрожат. Кай заметил раньше неё. Он ничего не сказал. Просто протянул ладонь. После секундного колебания Аэлита вложила в неё свою. Тепло пришло почти сразу. Знакомое. Ровное. И сейчас впервые не успокоило, потому что если память можно было изменить так, что человек даже не замечал пропажи, оставался вопрос, которого раньше не было.

Можно ли доверять тому, что они чувствуют?

Кай чуть сильнее сжал её пальцы.

— Эй.

Аэлита посмотрела на него.

— Вот сейчас ты опять ушла куда-то очень далеко.

— Ты почувствовал?

— Да.

— Что именно?

— Что тебе страшно потерять не запись.

Она не ответила.

— А себя, — закончил он.

Аэлита долго смотрела на него. На этот раз Кай не мог прочитать мысль, но ему и не понадобилось.

— Побудешь немного? — спросила она.

— Да.

Без шутки. Без вопроса зачем. Просто остался.

В это же время Артур Левин сидел один в кабинете. Перед ним лежали результаты обследований всех семерых участников. Напротив имени каждого появилась новая отметка.

Эмоциональная стабильность — снижена.

Только напротив имени Аэлиты стояла другая запись.

Повышенная устойчивость к когнитивной коррекции.

Артур долго смотрел на эти слова. Потом тихо произнёс:

— Ты все-таки сопротивляешься.

Он не улыбался. Наоборот. В его голосе слышались тревога… и странная, почти незаметная гордость, будто именно этого он когда-то и надеялся добиться.

Глава 19. Правило трех

На следующий вечер в библиотеку пришли все. Никто никого не звал. Так получилось само собой. Лея принесла чай. Мирон — печенье, которое каким-то образом сумел выпросить у кухни. Ева закрыла дверь. Даниэль первым проверил окна. Ноэль молча сел в самый угол.

Только тогда Кай заговорил.

— С этого момента никто не остаётся один.

Лея удивлённо подняла брови.

— С этого?

Кай посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего. — Она отпила чай. — Просто уточняю, с какого момента мы официально стали командой.

Мирон тихо кашлянул, пряча улыбку. Кай не стал делать вид, что не понял.

— С этого.

Лея кивнула.

— Хорошо. Тогда с этого. Только я пропустила момент, когда это ты стал нашим командиром. Были какие-то выборы? Почему я в них не участвовала?

— Лея, перестань язвить, — тихо сказала Ева.

— А я не язвлю. Мне действительно интересно.

— Это не приказ, — сказал Кай. — Совет.

Лея поставила чашку на стол.

— Хорошо. Почему?

Кай обвёл взглядом комнату, ненадолго задержался взглядом на Аэлите. Ей почему-то стало неудобно, и она опустила взгляд на носочки своей обуви.

— Потому что мы больше не можем быть уверены… что одинаково помним один и тот же день.

Наступила тишина. Ещё вчера они сравнивали странные ощущения. Теперь Кай предлагал проверять даже то, в чём каждый был уверен.

— Подожди.

Мирон поставил кружку.

— Ты хочешь сказать… что память может меняться?

— Я не знаю.

— Но допускаешь.

Кай кивнул.

— Тогда как мы вообще поймём, что происходит?

Вместо Кая ответила Аэлита. Она достала дневник.

— Поэтому я пишу.

Она раскрыла его перед остальными. Придержала край страницы, прежде чем передать тетрадь Лее. Она осторожно перелистнула несколько страниц.

— Красивый почерк.

Потом улыбка исчезла.

— Ты правда записываешь каждый день?

— Всё, что кажется важным.

Ева тихо сказала:

— Нам тоже нужно.

Через полчаса на столе лежали семь одинаковых школьных тетрадей. Их принёс Максим. Никто не видел, как он вошёл. Он просто положил стопку на стол.

— В кладовой осталось несколько. Берите.

Лея недоверчиво посмотрела на него.

— Вы специально это делаете?

Максим улыбнулся.

— Что именно?

— Помогаете.

Он некоторое время молчал. Потом ответил неожиданно честно:

— Иногда человеку полезно иметь вторую память.

После этих слов он вышел, не объяснив ничего.

— Я ему не доверяю, — сказал Даниэль.

— Я тоже, — поддержала Ева.

— Но тетради взяли все, — спокойно заметил Кай.

Никто не смог возразить. Ноэль до сих пор молчал. Он листал одну из пустых тетрадей. Потом вдруг спросил:

— Можно задать странный вопрос?

— Конечно.

— Почему именно бумага?

Лея улыбнулась.

— Потому что техника может сломаться.

— Нет, мы считаем, что бумагу нельзя изменить. Но ведь её тоже можно переписать.

Наступила тишина.

— Тогда… как понять, что дневник настоящий?

Кай впервые растерялся. Этот вопрос он не задавал себе. Ноэль продолжил:

— Если память может измениться… человек ведь может переписать собственный дневник и даже не заметить этого.

По спине Аэлиты пробежал холод. Она вспомнила неизвестную фразу, появившуюся в её тетради.

«Не забывай смотреть в зеркало после пробуждения».

— Тогда нужен способ проверки.

Ноэль уже говорил быстрее. Ему явно нравилась задача.

— Такой, который труднее подделать.

— Какой?

Он задумался. Потом неожиданно улыбнулся.

— Правило трёх.

Все непонимающе посмотрели на него.

— Любое важное событие записывают три человека. Те, кто его видел. Отдельно. Не советуясь. Потом сравниваем. Если совпадает… значит, скорее всего, так и было.

Лея тихо присвистнула.

— Гениально.

Кай медленно кивнул.

— Нет, это действительно хорошая идея.

— Только если у всех меняется память? — спросила Ева.

Ноэль перестал улыбаться.

— Тогда и ошибка может совпасть.

Он посмотрел на чистую страницу.

— Но расхождения мы хотя бы увидим.

Аэлита положила ладонь на свой дневник.

— Давайте сейчас. Я нашла у себя запись за вчера. Если кто-то видел, как я писала, напишите, что помните.

Она не стала читать им найденную строку, попросила сначала написать ответы. Кай сразу придвинул тетрадь. Лея смотрела на Аэлиту, а затем тоже взяла ручку.

У Кая получилось две строчки: проверить утром индикатор в зеркале; записать, чтобы не забыть. У Леи — её шутка про расписание и то, как Кай держал дневник, пока Аэлита писала.

Только тогда Аэлита показала им страницу.

«Не забывай смотреть в зеркало после пробуждения».

— Да, — сказал Кай. — Ты так и записала. Я видел.

Лея кивнула.

— Потом убрала ручку, и мы пошли обедать.

Аэлита провела пальцем по краю листа. Чужая подсказка оказалась её собственной. Вот только самого разговора по-прежнему не было, ни шутки, ни руки Кая под тетрадью.

— Я не помню, — сказала она.

Лея перестала листать страницы. Осторожно вернула дневник.

— Тогда хорошо, что записала.

Некоторое время все молчали. Потом Даниэль достал телефон.

— У меня тоже есть кое-что для проверки.

Он открыл сохранённый фрагмент медицинского журнала. Остальные записи оставил закрытыми.

— Первая ночь обслуживания. Ноль семнадцать. Началось знакомое ощущение, но быстро прошло. Я записал время, а потом попросил врача проверить.

Он положил телефон на стол.

— Здесь отмечено срабатывание моего модуля. В то же время.

Аэлита кивнула.

— Я была рядом и видела, как он записывал, но что делал имплант, тогда не знала.

Мирон потянулся к своей тетради.

— Это нам всем записать?

— Можно, — ответил Ноэль. — Только не считать тремя подтверждениями. Если перепишем с одного экрана, источник всё равно один.

Мирон остановил ручку, потом дописал рядом: «Из журнала Даниэля».

— Значит, ночью ничего не отключается? — спросила Лея.

— Его медицинский модуль работал, — сказала Ева. — Про остальное эта запись не говорит.

Даниэль забрал телефон.

— И пусть работает. Я не хочу проверять, что будет без него.

Кай коротко кивнул. Ноэль ещё раз посмотрел на дневник Аэлиты, потом на запись Мирона.

— Надо отмечать, откуда знаешь. Сам видел или тебе рассказали.

Так появилось первое правило. Каждый записал его на внутренней стороне обложки новой тетради.

Правило №1.

Всё важное проверять по трём независимым записям и отмечать, откуда известен каждый факт.

Аэлита посмотрела на остальных. Ей вдруг стало спокойнее. Впервые за долгое время.

В последующие дни правила начали множиться. Мирон предложил всегда завтракать вместе.

— Если кто-то не придёт… мы сразу заметим.

Ева настояла, чтобы каждый вечер они называли друг другу одну деталь прошедшего дня. Лея придумала пароль.

— Если мне когда-нибудь покажется, что кто-то ведёт себя странно...

Я спрошу:

— Какая сегодня погода в Сиене?

Все рассмеялись.

— Почему именно в Сиене?

— Потому что это первое, что пришло в голову.

— Очень научный подход.

— Спасибо. Я старалась.

Даже Даниэль внёс своё предложение.

— Никогда не принимайте важные решения в одиночку. Если система действительно может влиять на нас… пусть ей придётся убедить сразу нескольких человек.

Кай записал это вторым правилом.

Они сами не заметили, как начали привыкать к этим маленьким проверкам: оставляли место за столом, ждали ответа, записывали то, что ещё недавно не казалось важным. Через несколько дней произошло первое испытание. Ноэль не пришёл на завтрак. Мирон первым поднялся.

— Пойду посмотрю.

Они нашли его в комнате. Подросток сидел на полу. Перед ним лежала раскрытая тетрадь.

— Что случилось?

Ноэль медленно поднял голову. Он выглядел испуганным.

— Я проснулся… и нашёл это.

Он показал сложенный листок. Бумага была тоньше тетрадной, с потемневшим сгибом. По краю остались следы старого отрыва.

— Он был под задней обложкой. Я раньше туда не смотрел.

Аэлита осторожно разгладила бумагу. На ней стояла аккуратная запись.

Не открывайте третью кассету первой.

Под ней. Мелкими буквами.

Без первых двух, вы решите, что мы согласились.

— Ты писал? — тихо спросила Аэлита.

Ноэль покачал головой.

— Не мой почерк.

Даниэль сразу открыл свою тетрадь. Затем и остальные. Проверили обложки, перелистнули до конца. Других вложений не было.

— Значит, только у тебя, — сказал Мирон.

— Пока нашли только у меня, — ответил Ноэль.

Он посмотрел на Кая.

— О какой кассете речь? — спросил Ноэль.

Кай помолчал. Потом достал телефон и открыл снимок из мастерской. Три кассеты. Три надписи.

День 19.

День 24.

День 31.

Лея медленно перевела взгляд с экрана на Аэлиту.

— Вы и это нашли?

Аэлита кивнула.

— Тогда же.

Лея несколько секунд ничего не говорила.

— Потрясающе.

— Лея…

— Нет, я не собираюсь опять устраивать тот же разговор. — Она указала на телефон. — Просто хочу понять: вчера вы рассказали нам «часть правды», а это решили оставить себе?

— Максим сказал не слушать их здесь, — ответил Кай.

— Я не спрашиваю, почему вы их не слушали.

Кай замолчал.

— Я спрашиваю, почему вы не сказали нам, что они существуют.

Аэлита опустила взгляд.

— Потому что я ему поверила.

— Максиму?

— Да.

Лея коротко рассмеялась, но без веселья.

— То есть человеку, который работает на Центр, ты поверила больше, чем нам?

— Не больше.

— Со стороны выглядит именно так.

Ева осторожно взяла телефон.

— Там есть что-то ещё?

Аэлита покачала головой.

— Только кассеты, диктофон и фотографии. Коробку мы оставили на месте.

Даниэль посмотрел на Кая.

— Теперь всё?

Кай встретил его взгляд.

На этот раз ответил сразу:

— Всё.

Никто не говорил, потом Лея выдохнула.

— Ладно. Тогда хотя бы с этого момента без сюрпризов. Но я подумываю попросить Артура провести ещё пару испытаний на доверие.

Аэлита кивнула, но неприятное чувство осталось. Они придумали правило трёх, чтобы защищаться от собственной памяти. Похоже, им ещё предстояло научиться защищаться от собственных решений.

— Есть ещё одна проблема, — сказал Кай.

Он открыл на телефоне другую фотографию. Крышка диктофона была снята, внутри — пустой отсек.

— Батареек там не было. Вообще. Их кто-то вынул.

— Какие нужны? — спросил Мирон.

Кай увеличил фотографию маркировки внутри отсека. Мирон забрал у него телефон.

— Ладно. Это я найду.

Лея посмотрела на него.

— Каким образом?

— Мы живём в исследовательском центре размером с небольшой город. Здесь где-нибудь должны существовать две батарейки.

— Очень научный подход.

— Хочешь помочь?

— Нет.

Мирон уже протягивал ей телефон. Лея тяжело вздохнула.

— Ненавижу, когда ты правильно рассчитываешь на моё любопытство.

— Значит, поможешь.

— Я этого не говорила.

— Но пойдёшь.

Она закатила глаза.

— Если нас поймают за кражей батареек, я скажу, что ты меня заставил.

— Получается, вас предупредил Максим. И тетради тоже принёс он, — сказала Ева.

— Но кто положил листок, мы не видели, — возразил Ноэль.

Даниэль наклонился к фотографии.

— Третья — тридцать первый день?

— По этим надписям, — ответил Кай.

Аэлита снова прочла предупреждение. Не слушать первой. Значит, сначала были две другие с тем, что нужно было узнать до неё.

— Это может быть и ловушка, — сказал Даниэль.

Ноэль осторожно сложил листок по старому сгибу.

— Может.

На этот раз никто не попытался его успокоить. Они знали, где нашли бумагу, но не знали, кто написал эти слова и почему им следовало верить.

В тот же день Артур проводил очередное обследование. Максим нашёл его перед большим экраном. На нём были открыты результаты последних обследований, но Артур смотрел только на две линии.

Аэлита Воронцова. Кай Северин.

Максим остановился рядом.

— Всё ещё?

Артур кивнул.

— Не ослабевает.

— Совсем?

— Днём меняется интенсивность. Когда они далеко друг от друга — слабее. При эмоциональной нагрузке усиливается, но сама корреляция остаётся.

Максим нахмурился.

— Даже после обслуживания?

Артур переключил график. Три часа ночного окна были отмечены серым. Линия становилась тоньше, но не исчезала.

— Вот.

Максим смотрел на экран.

— Значит, это не обычная сетевая синхронизация.

— Похоже, нет.

— А что тогда?

Артур провёл пальцем по графику.

— Пока могу только предполагать. Во время первого сеанса система слишком долго держала их модели вместе. Возможно, успела построить устойчивое соответствие между ними.

— Переведи.

Артур недовольно посмотрел на него.

— Их имплантам больше не обязательно каждый раз заново выяснять, как интерпретировать сигналы друг друга.

— То есть они научились друг другу?

— Примерно.

Максим снова посмотрел на два имени.

— Ты говорил, это исчезнет.

— Я ошибся.

В его голосе не было раздражения. Только усталость.

— И что будем делать?

— Ничего.

Максим тихо усмехнулся. Артур повернулся к нему.

— Что?

— Ты уже говорил это.

— Потому что вмешиваться сейчас опаснее, чем наблюдать.

— Я не про связь.

Артур замер. Максим кивнул на имя Кая.

— Тебе не нравится, что это именно он.

Артур ничего не говорил, потом свернул график.

— Я знаю, кто такой Северин.

— Знаешь, что о нём написано.

— Для начала этого достаточно.

— Для чего?

Артур посмотрел на него.

— Чтобы не игнорировать риск.

Максим опёрся ладонями о край стола.

— Какой именно?

Артур не ответил сразу.

— Если он решит, что Центр представляет для неё угрозу, он не станет ждать, пока мы объясним ему, что происходит.

— А представляет?

Артур резко поднял глаза. Максим выдержал взгляд.

— Я просто спросил.

— Сейчас — нет.

— Очень аккуратный ответ.

— Другого у меня нет.

Максим снова посмотрел на экран.

— И всё-таки. Тебя беспокоит его прошлое или то, как она на него смотрит?

Артур ничего не сказал. Этого оказалось достаточно. Максим тихо выдохнул.

— Она сама решит, кому доверять.

— Я знаю.

— Тогда перестань смотреть на Северина так, будто ему сначала нужно получить твоё разрешение.

Артур медленно повернулся к нему.

— Это не имеет отношения к…

— Конечно.

— Максим.

— Я ничего не сказал.

Они смотрели друг на друга, Артур первым отвёл взгляд.

— И не говори.

Максим едва заметно улыбнулся. Артур закрыл данные Аэлиты и Кая.

— Есть ещё кое-что.

На экране появилось другое имя. Ноэль Романов. Максим сразу посерьёзнел.

— Что с ним?

Артур увеличил нейронную карту. На первый взгляд она выглядела почти так же, как остальные. Но вокруг области импланта расходилось значительно больше тонких соединений.

— Сравни с предыдущим обследованием.

Максим наклонился ближе.

— Их стало больше.

— Намного.

— Это имплант?

— Не только.

Артур вывел рядом старый снимок.

— Его мозг перестраивается быстрее остальных. Формирует новые маршруты там, где другим требуется значительно больше времени.

— Поэтому он замечает больше?

— Возможно.

Артур сразу покачал головой.

— Но не путай это со способностью знать то, чего он не видел. Он не получает информацию из воздуха. Просто быстрее связывает уже полученные данные между собой.

Максим некоторое время молчал.

— Это опасно?

Артур посмотрел на карту Ноэля, затем на закрытые секунду назад профили Аэлиты и Кая.

— Я всё меньше понимаю, что здесь теперь считать опасным.

Максим не ответил. На экране продолжали мерцать тонкие новые линии. Артур увеличил изображение ещё раз.

— Наблюдаем.

— Опять?

На этот раз Артур даже не посмотрел на него.

— Опять.

Поздно вечером Ноэль сидел в библиотеке. Кай устроился у окна с книгой, не спрашивал, сколько ещё ждать. Перед Ноэлем лежала тетрадь, а на ней — старый листок. Он долго смотрел на загадочную фразу, потом развернул бумагу и подвинул лампу ближе. На обороте, возле сгиба, проступили бледные карандашные строки. Днём он их не разобрал.

Если ты читаешь это — значит, ты начал замечать то же, что замечали мы.

Ноэль резко поднял голову. Кай отложил книгу.

— Что там?

Ноэль повернул листок к свету. Впервые за весь день ему хотелось не спрятать его, а читать дальше. Кто-то видел то же самое или хотел, чтобы они так думали.

— Посмотри.

Он подождал, пока Кай подойдёт.

— Кажется… с нами пытаются поговорить.

Глава 20. День девятнадцатый

everything i wanted — Billie Eilish

Весь следующий день никто не произнёс слова «кассеты», будто негласно договорились: если назвать страх вслух — он станет реальным. И Центр, словно издеваясь над ними, продолжал жить совершенно обычной жизнью.

Утром Артур собрал всех в учебной лаборатории.

— Сегодня ничего нового, — сказал он.

Лея подозрительно прищурилась.

— После этой фразы обычно происходит что-нибудь ужасное.

Мирон кивнул.

— Поддерживаю. Я уже морально готов к электрическому стулу.

— Всего лишь контроль точности интерфейса.

На стене загорелся огромный белый экран, а на нём появились семь цветных точек.

— По одной на каждого. Управление только через имплант. Руками ничего не трогаем.

— То есть опять двигаем курсоры силой мысли? — спросила Лея.

— Именно.

— Мы это уже умеем.

— Поэтому это и называется контроль, а не обучение.

Через несколько минут задание закончилось. Слишком быстро. Аэлита поймала себя на том, что даже не задумалась, насколько ненормальным было происходящее. Она просто смотрела на нужную точку — и курсор двигался при помощи мысли. Ещё две недели назад одно это показалось бы ей чем-то из плохого научно-фантастического фильма. Теперь Лея зевала.

— Всё?

Артур посмотрел результаты на планшете.

— Всё.

— Ужасная трата технологии будущего.

— Лея.

— Нам буквально вставили компьютер в голову, а вы заставляете нас попадать кружочком в квадратик.

Мирон рассмеялся.

— Она права.

Артур убрал планшет.

— Пять минут. — И вышел к сотруднику, ожидавшему у двери. Лея проводила его взглядом, потом посмотрела на огромный экран и хищно улыбнулась.

— Так.

Кай сразу насторожился.

— Мне уже не нравится это «так».

— А тебя никто не спрашивал.

На экране исчезли контрольные мишени, вместо них открылось пустое поле. Мирон присвистнул.

— Ты сейчас без рук это сделала?

Лея посмотрела на него.

— Мирон, ты двадцать минут двигал курсор мозгом.

— Я всё ещё имею право удивляться.

— Справедливо.

Она вывела наверху одно слово. *КРОКОДИЛ*. Ева рассмеялась.

— Серьёзно? Нам тут по пять лет?

— Никакого поиска, — объявила Лея. — Только рисуем, иначе Ноэль через две секунды запросит ответ, а Даниэль найдёт научную статью о том, почему мы неправильно играем.

Даниэль поднял глаза.

— Я вообще ничего не сказал.

— Пока.

— И как ты узнаешь, что никто не пользуется поиском? — спросил Ноэль.

— Никак.

— Отличная система контроля, — заметил Кай.

— Спасибо. Училась у лучших.

Первым рисовал Мирон. Он сосредоточился, и его курсор двинулся по экрану. Получился круг. Потом ещё один. Потом четыре длинные линии.

Лея нахмурилась.

— Корова.

— Нет.

— Собака.

— Нет.

— Лошадь.

— Ты видела лошадей?

— Видела.

— Тогда почему это лошадь?

— Потому что у неё четыре ноги.

— У половины животных четыре ноги!

Аэлита начала смеяться. Мирон продолжил рисовать. Над двумя кругами появилось что-то похожее на антенны. Ноэль первым понял.

— Велосипед.

Мирон торжественно повернулся к Лее.

— Вот.

Она посмотрела на экран, потом на него.

— Где руль?

— Там.

— Это палка.

— Это стилизованный руль.

— Это палка.

— Художника каждый может обидеть.

— Художника сначала надо найти.

Ева прикрыла рот ладонью, но всё-таки рассмеялась. Мирон обернулся к ней.

— Я ожидал поддержки.

— Я врач. Я не могу поддерживать очевидное нарушение зрительного восприятия.

— Предательство.

— Садись лучше.

— Почему?

Ева указала на его ногу. Он только теперь заметил, что снова перенёс почти весь вес на правую.

— Я нормально стою.

— Мирон.

— У меня нейроимплант за миллиарды долларов, который помогает мне ходить.

— Именно поэтому ты сейчас сядешь и не будешь доказывать ему, что умнее него.

Лея довольно кивнула.

— Вот поэтому она мне нравится.

— Тебя никто не спрашивал, — буркнул Мирон, но сел.

Следующим оказался Даниэль. Он долго смотрел на пустой экран.

— Я сразу предупреждаю: я не умею рисовать.

— Теперь умеешь вообще всё, — сказал Мирон.

Даниэль покосился на него.

— Вот сейчас проверим.

Его курсор двинулся. Через десять секунд на экране появилось нечто настолько странное, что все замолчали. Лея первой нарушила тишину.

— Это боль?

— Нет.

— Человеческая?

— Лея.

— Ладно. Это картошка?

— Это кот.

Наступила пауза. Кай отвернулся к окну. Плечи у него подозрительно дрогнули. Даже Ноэль засмеялся. Даниэль посмотрел на экран.

— Я сказал, что не умею рисовать.

— Подожди, — сказала Аэлита. — Самое прекрасное здесь то, что у тебя в голове есть доступ практически ко всему человеческому знанию, а кот всё равно получился вот таким.

— Спасибо.

— Мне кажется, это даже успокаивает, — сказала Ева.

— Что именно?

— Что технология пока не способна исправить абсолютно всё.

На этот раз засмеялся и Даниэль. Ноэль рисовал последним. Первая линия получилась идеально прямой. Вторая — тоже. Потом возник почти безупречный круг. Лея подозрительно уставилась на него.

— Ты жульничаешь.

— Нет.

— Тогда почему у тебя круг круглый?

Ноэль посмотрел на неё так, будто не понял вопроса.

— А каким он должен быть?

Мирон простонал.

— Уберите от меня этого человека.

Аэлита смеялась вместе со всеми и вдруг поймала себя на совершенно нелепой мысли. Они сидели в закрытом исследовательском центре. В их головы были встроены устройства, способные за секунды находить информацию со всего мира. Лея могла заговорить на языке, которого никогда не учила. Мирон ходил по комнате после того, как когда-то не мог встать с кресла. Они управляли компьютером, не касаясь его. И использовали всё это, чтобы спорить о том, похож ли нарисованный Мироном велосипед на велосипед. Невероятное успело стать бытовым. Наверное, именно это поражало сильнее всего.

Кай оказался рядом. Он легко коснулся её предплечья, будто просто обозначая своё присутствие, и ладонь на секунду задержалась выше локтя. Большой палец рассеянно провёл по ткани рукава. Аэлита даже не сразу обратила на это внимание. За последние дни такие прикосновения тоже успели стать чем-то обычным. Кай мог придержать её за плечо, проходя сзади, она — машинально взять его за руку, когда хотела что-то показать. Иногда они замечали это только после.

— Что? — спросил он.

Она поняла, что улыбается.

— Ничего.

— Ты уже минуту смотришь на них с очень странным лицом.

Он всё ещё не убрал руку. Аэлита чуть качнулась к нему плечом — совсем немного, скорее привычно, чем намеренно, — и снова посмотрела на экран, где Лея пыталась исправить кота Даниэля и делала только хуже.

— Просто подумала, что мы привыкли.

— К чему?

Она коснулась пальцем виска.

— Ко всему этому.

Кай проследил за её жестом. Только тогда его ладонь медленно соскользнула с её руки, и Аэлита неожиданно заметила отсутствие прикосновения сильнее, чем само прикосновение. В этот момент музыка в комнате внезапно сменилась. Лея резко повернулась к Мирону.

— Это был мой плейлист.

— Был.

— Верни.

— Нет.

Через секунду заиграла прежняя песня. Ещё через секунду — другая.

— Мирон!

— Что?

— Перестань!

Музыка снова переключилась. Ева закрыла глаза.

— Я сейчас отключу вас обоих вручную.

— Не получится, — довольно сказал Мирон. — Мы будущее человечества.

— Вот это меня и пугает.

Аэлита рассмеялась. Кай тоже улыбнулся. На несколько минут кассет не существовало, не существовало и старых фотографий, исчезнувших людей, камер и записей, которых никто не помнил. Были только семеро человек, которые получили невозможное и постепенно научились относиться к нему как к обычной жизни.

После ужина Кай собрал всех в библиотеке. На столе лежал лист бумаги. Он написал только одну фразу.

Сегодня.

Никто не возразил. Аэлита посмотрела на дверь.

— Мы ведь так и не выяснили, перестают ли камеры записывать во время обслуживания.

— Не выяснили, — ответил Кай.

— Тогда почему здесь?

Он кивнул на дальнюю часть библиотеки. Они сидели не за привычным столом, а в узкой нише между старым стеллажом и стеной. Когда-то Кай отметил это место на своей карте как одну из слепых зон: камера у входа видела проход, вторая — центральную часть зала, но этот угол не попадал ни в одну из них.

— Потому что камеры сюда не смотрят.

— А звук?

— Не знаю.

Лея нахмурилась.

— Обнадёживает.

— Поэтому ждём полуночи и ставим минимальную громкость, — сказал Кай. — Сетевой обмен будет отключён. Если Максим имел в виду именно Нейру, этого должно хватить.

— А если не её?

Кай посмотрел на коробку.

— Тогда безопасного места у нас всё равно нет.

Никто не возразил. Это был не хороший план. Просто лучший из тех, что у них были.

— До обслуживания сорок минут.

Ева посмотрела на часы.

— Нам хватит времени?

— На первую запись — да.

Аэлита посмотрела на дверь.

— Мы ведь не знаем, перестают ли камеры записывать.

— Не знаем, — ответил Кай.

Он придвинул стул ближе к столу.

— Но нам нужно услышать, что с ними произошло.

Никто не ответил сразу. Потом Ева села рядом. Кай достал из рюкзака металлическую коробку. Ту самую. Внутри лежали диктофон. Три кассеты. Стопка фотографий. Рядом с коробкой Мирон положил батарейки. Кай одобрительно посмотрел сначала на них, потом на Мирона.

— Где?

— В шкафу с расходниками в учебной лаборатории. Запасные для старого оборудования.

Лея появилась за его плечом.

— Полчаса поисков, три открытых шкафа и одна лекция Мирона о том, что раньше всё работало на батарейках.

— Историю надо уважать.

— Ты родился позже половины этого оборудования.

— Это не мешает мне ему сочувствовать.

Кай забрал батарейки.

— Спасибо.

Мирон пожал плечами.

— Мы теперь команда, помнишь? Уже сам забрал кассеты? — удивился Мирон.

— Ночью. Аэлита была со мной.

Она кивнула. Остальные молча переглянулись. Никто даже не заметил, что они успели снова сходить к мастерской.

Кай и Аэлита вышли после полуночи, когда Центр перешёл в режим обслуживания. Коридоры опустели, за окнами почти ничего не было видно, кроме редких фонарей вдоль дорожки. Он шёл чуть впереди, как всегда. Аэлита заметила это только тогда, когда они свернули к мастерской.

— Ты всегда так делаешь?

Он обернулся.

— Что?

— Идёшь первым.

— Привычка.

Она тихо усмехнулась.

— У тебя всё привычка.

— Например?

— Смотреть на камеры. Проверять двери. Садиться так, чтобы видеть вход. Молчать, когда тебя спрашивают о чём-нибудь личном.

Кай замедлил шаг. Последнее он услышал. Не просто словами. Аэлита почувствовала, как знакомое присутствие рядом едва заметно изменилось. Тепло осталось, но под ним возникло напряжение.

— Это сейчас был вопрос? — спросил он.

— Наблюдение.

— Ты слишком много времени проводишь со мной.

— Возможно.

Они дошли до мастерской. Кай сначала осмотрелся, только потом открыл дверь. Внутри пахло деревом, металлом и пылью. Всё осталось так же, как они оставили: шкаф, старый стол, коробка с диктофоном и тремя кассетами. Кай присел возле неё.

Аэлита смотрела, как он проверяет содержимое, и вдруг подумала совершенно не о кассетах. Она знала, как он пьёт кофе, знала, что он замечает её головную боль раньше, чем она сама начинает тереть висок, знала, что он считает камеры автоматически, знала, как выглядит его настоящая улыбка — редкая, почти всегда короткая, знала ощущение его ладони в своей. Иногда ей казалось, что она способна почувствовать его настроение раньше, чем он скажет хоть слово. И при этом она почти ничего о нём не знала. Мысль оказалась неприятной.

Кай замер. Медленно поднял голову.

— Что?

— Ничего.

— Нет.

Он встал.

— Сейчас было что-то.

Аэлита нахмурилась.

— Ты почувствовал?

— Не мысль.

— Я знаю.

— Ты вдруг… — Он подбирал слово. — Отдалилась.

Она не ответила. Кай смотрел на неё уже внимательнее.

— Я что-то сделал?

— Нет.

— Тогда что?

Аэлита прислонилась бедром к старому столу. Можно было отшутиться. Не захотелось.

— Я поняла, что совсем тебя не знаю.

Кай не изменился в лице, но связь между ними снова дрогнула. Теперь она точно различила тревогу.

— Совсем — это преувеличение.

— Хорошо. — Она скрестила руки на груди. — Я знаю, что тебе последние семь лет почему-то приходится постоянно ждать опасности, знаю, что ты лучше половины сотрудников ориентируешься в этом Центре, знаю, что твоя ладонь почему-то открыла архив, который вообще не должен был открываться.

Кай молчал.

— И знаю, что каждый раз, когда я спрашиваю почему, ты отвечаешь чем угодно, только не ответом.

— Я не врал тебе.

— Я этого и не говорила.

— Но подумала.

Аэлита замерла.

— Нет.

На этот раз ответ прозвучал слишком быстро. Кай чуть прищурился.

— Вот теперь врёшь ты.

Она невольно улыбнулась.

— Ненавижу эту связь.

— Иногда?

— Сейчас — особенно.

Уголок его рта дрогнул, но почти сразу исчез. Аэлита посмотрела на коробку.

— Мне иногда кажется, что я доверяю тебе больше, чем должна.

Тишина.

— Потому что не знаешь моего прошлого?

— Потому что не знаю почти ничего.

Он отвернулся к столу. Несколько секунд Аэлита слышала только, как он закрывает металлическую крышку коробки.

— Есть вещи, которые я пока не могу тебе рассказать.

— Не можешь или не хочешь?

— И то и другое.

Честность ответа почему-то оказалась хуже очередной отговорки. Аэлита отвела взгляд.

— Отлично.

— Аэлита.

— Что?

Он ничего не сказал, просто подошёл ближе. Сначала коснулся её руки кончиками пальцев — как будто проверял, позволит ли она, а потом осторожно обхватил запястье. Тепло стало сильнее.

— Не делай так, — тихо сказал он.

— Что именно?

— Не решай за меня, что молчание означает, что я тебе не доверяю.

Она посмотрела на него.

— А что оно означает?

Кай долго не отвечал.

— Что я боюсь того момента, когда расскажу.

У Аэлиты исчезла готовая колкость.

— Почему?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что после этого ты можешь начать смотреть на меня по-другому.

Вот теперь она почувствовала это совершенно отчётливо. Страх. Потерять что-то, что возникло между ними. Аэлита медленно разжала скрещённые руки.

— А ты не думаешь, что это мне решать?

Кай опустил глаза.

— Думаю.

— Но всё равно решаешь за меня.

— Плохая привычка.

Она тихо фыркнула.

— Ещё одна.

— У меня их много.

— Я заметила.

Несколько секунд они стояли совсем близко. Кай всё ещё держал её за запястье. Большой палец один раз медленно провёл по коже. Неосознанно. Или Аэлите хотелось так думать.

— Я не прошу рассказать всё сейчас, — сказала она.

Он поднял на неё взгляд.

— Но?

— Но однажды ты расскажешь.

Это прозвучало не вопросом. Кай чуть сильнее сжал её руку.

— Расскажу.

— Сам?

— Сам.

— Без того, чтобы я сначала нашла ещё одно секретное досье?

На этот раз он всё-таки улыбнулся, но всего на секунду.

— Желательно.

Аэлита почувствовала, как напряжение между ними стало мягче.

— Хорошо.

Кай отпустил её запястье. Она почти сразу пожалела об этом. Он наклонился за коробкой, но Аэлита неожиданно поймала его за пальцы. Кай замер. Она сама не до конца понимала, зачем это сделала. Наверное, просто не хотела, чтобы он убирал руку. Несколько секунд он смотрел на их сцепленные пальцы, потом переплёл их.

— Так лучше? — спросил он.

— Немного.

— Ты мне всё ещё не доверяешь?

— Я тебе доверяю.

Кай посмотрел на неё.

— Это тебя и пугает?

Она не ответила. Не понадобилось. Он почувствовал. Кай взял коробку свободной рукой. И он не отпустил её до самого жилого корпуса...

Аэлита проморгалась, выходя из ступора, стараясь сделать вид, будто ничего не произошло. Хорошо, что все были заняты своим делом. В памяти снова прозвучало его: «Расскажу». Тогда ей этого хватило. Сейчас, глядя на него среди остальных, Аэлита задумалась: почему ей вообще оказалось так легко поверить обещанию человека, которого она почти не знала? Потому что за эти недели она всё-таки успела узнать главное? Или потому что связь между ними уже слишком хорошо умела подсказывать ей, что чувствовать рядом с ним? Ответа не было.

Ровно в полночь отключился сетевой обмен. Мир стал непривычно тихим. Лея глубоко вдохнула.

— До сих пор не могу привыкнуть… что можно слышать только собственные мысли.

Кай вставил батарейки, проверил механизм. Диктофон тихо щёлкнул — работает. Громкость он убавил почти до конца. Остальные подались ближе. Он взял первую кассету. На наклейке дрожащими буквами было написано:

День 19.

Нажал кнопку. Несколько секунд слышалось только шипение плёнки. Потом… Раздался мужской голос. Уставший. Хриплый.

— Если кто-то слушает это… значит… мы все-таки были правы.

Долгая пауза.

— Не называю своего имени. На случай, если запись попадёт не к тем людям. Запомните только одно. Если вы нашли кассеты… вы уже повторяете наши ошибки.

В комнате стало настолько тихо, что слышалось дыхание каждого.

— Помню, как Марина впервые сама поела. Три ложки каши. Роботизированная рука двигалась медленно, мы боялись даже заговорить. А она сказала: «Не торопите. Я сама».

На плёнке что-то стукнуло. Голос ненадолго затих.

— Три ложки. Потом устала, и ей опять помогали. Её собственные руки так и лежали на подлокотниках. Но на следующее утро она уже спрашивала, когда можно попробовать ещё. Мы все ждали следующего занятия, следующей настройки, верили, что станет лучше.

Аэлита посмотрела на снимки в коробке. За неподвижными лицами вдруг появилось это утро. Медленная ложка. Чужое нетерпение. *«Я сама»*.

— Сегодня девятнадцатый день. Мы начали забывать: не события — себя. Поначалу никто не замечал. Потом… мы перестали спорить. Понимаете?

Он нервно рассмеялся.

— Представьте семерых людей. Никто не ссорится. Никто не злится. Все постоянно соглашаются друг с другом. Тогда нам казалось… что мы наконец стали идеальной командой. Теперь я понимаю. Мы просто переставали быть разными людьми.

Аэлита почувствовала, как похолодели ладони.

— Мы решили проверить память. Сохранили ответы каждого: любимая песня детства. Через три дня ответили ещё раз. Потом открыли прежние записи. У троих — другие названия. Они были уверены… что в первый раз назвали именно эти песни. Но записи не совпадали. Мы ведь для этого и договорились проверять друг друга.

Кай медленно посмотрел на Ноэля. Они тоже пытались сохранить то, чему собственная память могла потом возразить.

— Самое страшное… это не потеря воспоминаний. Самое страшное… когда исчезает желание их вернуть.

Лея невольно сжала кулаки.

— Среди нас был человек… который первым понял. Чип не просто хранит информацию. Он… выбирает, какая информация кажется тебе важной. Если ты перестаешь думать о прошлом… ты перестаешь искать выход.

Запись ненадолго оборвалась. Послышался чей-то голос вдали. Потом снова зазвучал тот же мужчина. Уже тише, будто он прятался.

— Если найдёте Артура… не вините его. Он правда хочет спасти людей, но он слишком поздно понял… что лечить память… нельзя ценой личности.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Даже Кай выглядел потрясенным.

— Есть ещё… ещё одна вещь. Если вы начали видеть одинаковые сны… бегите. Мы не успели понять… почему это происходит. Но после этого… всё стало...

Шипение. Резкий треск. Запись оборвалась. Диктофон замолчал.

Первой заговорила Лея.

— Всё?

Кай перевернул кассету. Проверил другую сторону. Только шорох пустой ленты.

— Он сказал… «одинаковые сны», — тихо произнесла Ева.

Все одновременно посмотрели на Лею. Та нахмурилась.

— У нас такого не было. — Лея покачала головой. — Реклама снилась только мне.

— Пока только тебе, — тихо сказал Даниэль.

Лея посмотрела на него.

— Спасибо. Очень успокоил.

— Я не это имел в виду.

Ноэль уже что-то записывал.

— Это важно.

Кай повернулся к нему.

— Почему?

— Потому что мы сейчас пытаемся найти совпадения там, где их ещё нет. У Леи был странный сон. У первой группы в какой-то момент одинаковые сны начали видеть несколько человек. Это не одно и то же.

Ева медленно кивнула.

— Но может быть связано.

— Может, — согласился Ноэль. — А может и нет.

Аэлита вспомнила рассказ Леи. Пустой супермаркет. Банки газировки, падающие с потолка. Рекламный слоган без бренда. Тогда всё казалось почти смешным. Теперь — уже нет.

— А если кому-нибудь приснится то же самое? — спросила она.

Кай ответил сразу:

— Записываем до того, как рассказываем остальным.

Лея нахмурилась.

— Почему?

— Чтобы не подсказать детали.

Ноэль кивнул.

— Сначала каждый фиксирует свой сон отдельно, потом сравниваем.

Мирон посмотрел на Лею.

— Значит, если сегодня мне приснится супермаркет…

— Даже не думай.

— Я вроде не управляю снами.

— С нашей удачей я бы уже ни в чём не была уверена.

Никто не засмеялся. Аэлита снова посмотрела на остановившийся диктофон. У первой группы одинаковые сны были не началом. По голосу на плёнке они звучали как граница. И впервые ей пришло в голову, что, возможно, самое страшное в их положении — не узнать в событиях чужую историю. А узнать её слишком поздно.

Мирон медленно выпрямился и подтянул ближе ходунки. Ноги снова казались тяжёлыми. Базовая стимуляция оставалась, но без привычной сетевой подстройки движения давались труднее. Вставать пока не хотелось.

— Они тоже пытались разобраться.

— И проиграли, — закончил Даниэль.

Ноэль задумчиво смотрел на диктофон. Потом неожиданно спросил:

— Почему девятнадцатый день?

— Что?

— Почему первая из сохранившихся — девятнадцатый? Где начало?

Кай медленно поднял голову. Ноэль продолжил:

— Может быть… тогда они впервые поняли, что происходит.

Ева посмотрела на кассету.

— Или более ранние записи просто не сохранились.

Ноэль медленно кивнул, потом записал обе версии. Они ещё раз прослушали первую сторону, останавливали ленту, возвращались к отдельным словам. В тетрадях появлялись короткие строки. Иногда кто-то поднимал голову, собираясь спросить, и снова молчал. Ответа всё равно ни у кого не было.

Остальное время разбирали фотографии и сравнивали записи. Две другие кассеты лежали рядом. Кай убрал их обратно в коробку. Аэлита попросила оставить ей снимки — рассмотреть позже. Он передал ей всю пачку, вместе со старой бумажной обёрткой.

Когда по всему комплексу прозвучал короткий сигнал, она вздрогнула. Три часа закончились. Тепло под кожей вернулось. Связь восстановилась. Аэлита почувствовала знакомый поток информации. И впервые… он показался ей чужим.

Утром Артур внимательно посмотрел на группу. Что-то изменилось. Это было видно сразу. Лея не шутила. Мирон молчал. Даже Ноэль выглядел старше. Артур перевёл взгляд на Максима. Тот едва заметно отвёл глаза. И этого оказалось достаточно. Артур всё понял. После завтрака он неожиданно сказал:

— Сегодня занятий не будет.

Участники удивлённо переглянулись.

— Вам нужен отдых.

Его голос звучал непривычно мягко. Но когда все вышли, Артур тихо произнёс:

— Максим, останься.

Дверь закрылась. Артур спросил:

— Они слушали записи?

Максим не ответил.

— Я задал вопрос.

— А если слушали?

Артур медленно сел. Он не выглядел злым, только бесконечно уставшим.

— Ты не должен был им помогать.

Максим усмехнулся.

— А ты должен был рассказать им до операции.

Артур поднял глаза.

— Что именно?

— Что до них уже были семеро.

— И что бы это изменило?

— Они хотя бы знали, на что соглашаются.

— Нет. — Артур покачал головой. — Они знали бы, чем закончился другой эксперимент пятнадцать лет назад.

— Это был этот эксперимент, Артур.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Максим замолчал. Артур провёл ладонью по лицу.

— Тогда мы не понимали половины того, что понимаем сейчас. Другая архитектура. Другие ограничения. Другой протокол.

— Те же семь человек.

— Потому что семь моделей дают устойчивую конфигурацию.

— Ты прекрасно понимаешь, что я не об этом.

Артур отвернулся. Максим подошёл ближе.

— Ты правда убедил себя, что, если поменять протокол, прошлое перестанет иметь значение?

— Я убедил себя, что мы можем сохранить то, что работало.

— Марина смогла сама есть.

Артур замер.

— Алексей смог говорить. Павел снова вставал. Елена запоминала новый день. Я всё это помню, Максим.

— Я тоже.

— Тогда ты должен понимать, почему я не мог просто всё закрыть.

Несколько секунд Максим молчал.

— Понимаю.

Артур посмотрел на него.

— Тогда зачем?

— Потому что я помню и другое.

Тишина.

— Они тоже сначала были счастливы, — продолжил Максим. — Каждый новый результат казался ещё одним доказательством, что мы всё делаем правильно, а когда стало страшно, ты каждый раз говорил одно и то же.

Артур побледнел.

— Что?

— Что ещё немного — и ты поймёшь, где ошибка.

Он отвёл взгляд. Максим заговорил тише:

— Поэтому я и остался.

Артур снова посмотрел на него.

— Что?

— Пятнадцать лет назад я ушёл в сторону. А в этот раз я хотел быть рядом. Если всё действительно изменилось — хорошо. Если нет…

— Ты собирался остановить меня?

Максим долго смотрел на него.

— Да.

Это слово повисло между ними. Артур медленно кивнул, словно ответ не удивил его, а только подтвердил то, чего он давно боялся.

— И поэтому ты дал им кассеты.

— Я не дал им кассеты.

— Не играй словами.

— Хорошо. Я помог им дойти до правды.

— До части правды.

Максим едва заметно улыбнулся.

— Именно эту фразу ты всегда используешь, когда решаешь, что человеку пока достаточно знать.

Артур сжал челюсть.

— Ты не понимаешь, что произойдёт, если они услышат всё сейчас.

— А ты не понимаешь, что уже не тебе одному решать, когда для них наступит «сейчас».

Артур ничего не ответил. Максим посмотрел в сторону двери.

— Если новый проект действительно не повторяет старый, тебе нечего бояться этих записей.

— Дело не в страхе.

— Тогда в чём?

— В том, что однажды я уже видел, как семь испуганных людей перестали верить человеку, который пытался им помочь.

Максим посмотрел на него почти с жалостью.

— Нет, Артур… Однажды ты видел, как семь людей перестали верить человеку, который слишком долго не рассказывал им всей правды.

Артур закрыл глаза. Максим вышел. Дверь за ним закрылась тихо.

Поздно ночью, когда весь центр спал, Аэлита открыла дневник. Она записала только одну фразу.

«Сегодня я впервые услышала голос человека, который боялся не смерти. Он боялся перестать быть собой».

Она закрыла тетрадь и придвинула фотографии. Снимки лежали в том же порядке, в каком она забрала их из библиотеки. Под последним обнаружился сложенный листок, почти слившийся по цвету со старой обёрткой.

Аэлита осторожно развернула его. Бумага истончилась на сгибах. Мелким почерком было написано:

«Если дошли до девятнадцатого дня — не повторяйте нашу главную ошибку. Не пытайтесь спастись поодиночке».

Аэлита долго смотрела на слова, потом снова открыла дневник и записала, где нашла листок, и вложила его рядом. Утром покажет остальным. Они вместе видели, как она забирала снимки. Кто оставил среди них бумагу — пока никто не знал.

Она медленно подняла глаза. В комнате никого не было. И всё же ей показалось… будто голос с плёнки ещё не замолчал.

Глава 21. Доверие

После первой кассеты никто не спал. Весь следующий день каждый делал вид, что занимается обычными делами. Лея читала книгу, не переворачивая страницу. Мирон уже третий раз наливал себе чай. Ева бесцельно листала медицинский справочник. Ноэль переписывал в дневник правила, которые уже давно знал наизусть. Даже Кай выглядел уставшим. Только Аэлита поняла одну простую вещь. Они перестали смотреть друг другу в глаза.

Следующее утро началось с проверки памяти. Артур стоял перед большим экраном.

— Сегодня без сложных заданий. Только короткий опрос.

Он улыбнулся.

— Ничего необычного.

Вопросы действительно были простыми. Любимый цвет. Имя первого учителя. Последняя прочитанная книга. День рождения. Домашний адрес.

Все отвечали быстро. Пока Артур не задал последний вопрос.

— Кому из участников вы доверяете больше всего?

В комнате стало тихо. Лея первой попыталась пошутить.

— Это тест на дружбу?

Артур улыбнулся.

— Скорее, на психологическую совместимость.

Но улыбка уже никого не успокаивала. Аэлита посмотрела на остальных. Каждый задумался. Никто не хотел отвечать: не потому, что не доверял, а потому что понимал: ответ останется в системе.

— Можно не отвечать? — спросила Ева.

— Можно.

Артур спокойно кивнул.

— Любой вопрос можно пропустить.

Но он записал и это. Аэлита заметила. Он записывал даже молчание.

После занятия группа собралась в библиотеке. Лея первой нарушила тишину.

— Он специально это спросил.

— Да, — сказал Кай.

— Чтобы узнать, кто с кем сблизился.

Даниэль медленно покачал головой.

— Или чтобы понять, кого легче разделить.

Наступило молчание. Эта мысль никому не понравилась.

— Нужно перестать встречаться.

Неожиданно сказал Ноэль. Все удивлённо посмотрели на него.

— Если за нами наблюдают… чем реже мы будем собираться… тем меньше подозрений.

— Нет.

Кай покачал головой.

— Именно этого они и добиваются.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что...

Он замолчал. Неожиданно ответила Аэлита.

— Потому что именно так разваливаются команды.

Все повернулись к ней. Она сама удивилась, что сказала это вслух.

— Если каждый начнёт думать отдельно… мы перестанем проверять друг друга. А значит… потеряем единственную защиту.

Кай впервые за долгое время промолчал. Он просто кивнул.

— Тогда нужны новые правила, — сказала Ева.
Она открыла дневник.
— Старые уже не справляются.
— Какие?
Аэлита задумалась. Потом медленно произнесла:
— Первое. Никогда не принимать важных решений сразу после пробуждения.
Все посмотрели на неё.
— Почему?
— Потому что мы не знаем… что происходит с нами ночью.
Даниэль первым записал правило. Следом остальные.
— Второе, — продолжила Аэлита.
— Если кто-то начинает вести себя странно… мы не обвиняем его, а проверяем факты.
Лея тихо улыбнулась.
— Наконец-то правило специально для меня.
— Для всех нас, — ответила Аэлита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.